

A black and white photograph of a woman in silhouette, standing and holding a birdcage. She is looking back over her shoulder. Several birds are flying in the sky around her. The background is a misty or foggy landscape.

Марина Сербинова

**ЧЕРНЫЙ ТУМАН.
Во власти монстра**

Маленькой девочке Кэрол не повезло — она растет в неполной семье.

Кэрол не повезло еще больше, когда оказалось, что мать ее совершенно не любит.

На фоне этого факта, те обстоятельства, что ее мать содержит местный бордель и является самой настоящей убийцей, являются сущим пустяком. По крайней мере, так многим кажется в детстве. Вот только у Кэрол есть еще одна тайна — она уверена, что видит, когда тот или иной человек должен умереть.

И самое страшное, что эти люди действительно умирают.

...Вместе с необыкновенным даром, способностью видеть за гранью этого мира, мать передала ей и проклятие. Страшное проклятие, пришедшее через поколения и источник которого затерялся в далеком прошлом. Это сломало ее мать, лишив рассудка и превратив в чудовище. Сможет ли с этим жить она, дочь шлюхи и убийцы-психопатки, во власти страшных видений, которые открывали ей будущее, позволяли видеть мертвых... тех, кто уже пал жертвой ее проклятия и тех, кого это только ожидало? Невидимой тенью за ней следует беспощадная смерть, не прикасаясь к ней и забирая тех, кто рядом...

Не сойти с ума, не сломаться, воспротивиться и попытаться спасти тех, на кого легла тень ее проклятия, бороться с самой смертью, используя способность видеть и чувствовать приближающуюся беду... и сделать все, чтобы этому помешать.

А может, эти смерти просто случайность, видения — не дар, а страшная болезнь, обрекшая ее мать провести остаток жизни в психиатрической клинике, болезнь, перешедшая по наследству? Может, ей суждено повторить судьбу матери, превратиться в такого же кровожадного монстра и также сгинуть за решетками среди сумасшедших?...

«С самого детства я наблюдала за тем, как умирают те, кто имел неосторожность войти в мою жизнь, те, кого я любила и те, кто оказывался рядом случайно. Мой жизненный путь представляется мне лезвием, я иду вперед и срезаю все остальные дорожки, осмелившиеся перехлестнуться с моей. Я притягиваю плохое. Меня окружают страшные люди. Моя мать маньячка, я вышла замуж, и муж таким оказался. Вокруг меня одни убийцы. И сама я убийца. Я живу в аду. Или я уже спятила, как моя мама...».

Запись из дневника Кэрол Мэтчисон.

Глава 1

Слабый ветерок играл с пышными ветками большой сирени, лаская листья и нежные цветочки, которые умиротворенно шумели над золотоволосой головкой девочки, поглаживая ее кудрявые пряди. Малышка улыбалась и весело напевала, крепко держа в руках тяжелую лейку, заботливо поливая высокий куст, который по размерам был уже как небольшое деревце. Ей казалось, что сирень подпевает ей, нашептывая листьями, и своим детским воображением девочка воспринимала растение, как что-то живое, что слышит ее и видит, отвечает ей такой же любовью, с какой она заботилась о нем, гладит ее по волосам, путая их веточками. Конечно, эта сирень все понимала, ведь она спасла ее жизнь, и девочка ни на миг не забывала об этом, ухаживая за своей спасительницей.

Над ней и высоким кустом возвышался большой дом, а ветки сирени почти доставали до окна комнаты на втором этаже, в которой жила малышка. За лужайкой с аккуратно подстриженной травой находилась просторная заасфальтированная стоянка и две бензоколонки. Всего метрах в тридцати от дома с большой вывеской «Мотель» проходила оживленная широкая трасса, по которой в любое время суток шумели тяжелые фуры дальнобойщиков, многие из них заезжали к ним пополнить бак и пообедать или купить еды с собой, некоторые оставляли машины на стоянке и снимали комнату в мотеле, чтобы отдохнуть.

Из окна раздался низкий, с хрипотцой, голос, раздраженно окликнувший девочку и приказавший замолчать. Прервав свою песенку, ребенок поднял затравленный взгляд на окно, на перекошенное злобой лицо девушки и пробормотал извинения. Мама была очень красивой, даже когда ругалась, привлекательность ее молодого лица не портили гримасы злобы и гнева в такие моменты. И имя у нее нежное и красивое — Элен. Мама похожа на принцессу, обладая нежной, женственной, мягкой красотой, которая обволакивала подобно теплему легкому облаку, завораживала, заставляла таять и трепетать любое сердце. Чистое, прекрасного цвета лицо, обрамляли сияющие золотом роскошные локоны длинных густых волос, в огромных глазах плескалась чуть тронутая голубизной прозрачная вода. Точнее, это был лед, сверкающий, обжигающе холодный, потому что в какой-то момент этот прозрачный бездонный омут вдруг заледенел раз и навсегда, покрывшись непробиваемой твердой коркой и превратившись в льдину, навсегда утратившую тепло. Никогда в глазах этой красавицы не появлялось ничего, что можно было бы принять за нежность и тепло, даже когда она смотрела на своего ребенка, который ничего так не боялся на свете, как ее пронзительного ледяного взгляда, невыносимого, злобного, пробирающего до костей и наполняющего детское сердце непреодолимым страхом. Не нужно было кричать и ругаться, чтобы присмирить девочку, достаточно было одного взгляда, чтобы та сжалась и заползла куда-нибудь, как перепуганный щенок. Девочка знала, что похожая на сказочную принцессу мать — на самом деле злобная страшная ведьма, чудовище, как в сказке превратившееся в красавицу. И только удивлялась про себя, как такая красавица может быть настолько злой. В ее жизни не было ничего, что пугало бы ее так, как мать, а в жизни той не было ничего, что бы она так ненавидела, как свою дочь.

Убедившись, что девочка замолчала, мать скрылась.

Малышка вздохнула и посмотрела на старушку, неподалеку стригущую живую изгородь. И замерла от удивления, увидев вокруг той что-то темное, шевелящееся, похожее на дым или

черный туман. Оно плыло вокруг старушки, медленно обволакивая, становясь все гуще и непроницаемей, а та продолжала спокойно работать ножницами, ничего не замечая.

Уронив лейку, девочка вскочила и закричала, окликнув старушку. Та обернулась и улыбнулась. Застыв на месте от ужаса, девочка наблюдала расширившимися глазами, как почернело небо, как тьма поглотила дом и стоявшие на стоянке огромные трейлеры. Исчезли звуки проезжающих по трассе машин и голоса остановившихся у мотеля водителей, словно на мир набросили огромное черное покрывало, погребя под ним все то, что еще несколько минут назад освещало жаркое летнее солнце. Листья сирени свернулись, ветки вдруг зашевелились и покорежились, деревце сжалось и затрепетало как под пламенем невидимого огня, потом осыпалось, превратившись в пепел, а на земле остался лишь маленький пенечек...

— Мадлен! — закричала девочка, не найдя взглядом старушку, и бросилась туда, где видела ее в последний раз и где сейчас не было ничего, кроме странной непроницаемой тьмы, медленно шевелившейся, как что-то живое.

Она бежала вперед и с отчаянием кричала, зовя Мадлен, плача от страха. Но вокруг была одна лишь бесконечная тьма, куда бы она ни бежала. И девочка металась с воплями отчаяния, пытаясь найти выход из этого странного ужасного места, куда она попала, найти хоть немного света. Ей казалось, что мимо нее мелькали какие-то тени, она слышала чей-то тихий шепот, иногда до нее доносился чей-нибудь незнакомый голос или стон. А потом ей стало казаться, что за ней кто-то гонится. Кто-то очень страшный. И она побежала, побежала со всех сил. Она не видела ничего и никого, кроме двух светящихся точек, которые ее преследовали. Девочка решила, что это чьи-то глаза, какого-нибудь страшного зверя или чудовища, которое гонится за ней, чтобы растерзать и сожрать.

Она теряла силы, спотыкалась, падала, сбивая в кровь колени и локти о что-то твердое, царапая руки и лицо, захлебываясь в слезах и истерических воплях от охватившего ее неуправляемого слепого ужаса. Она уже не думала о Мадлен, смертельно напуганная тем, что с ней происходит.

И вдруг она упала и больше не смогла подняться. Она лежала на спине и не могла пошевелиться, с ужасом ожидая приближения того, что ее преследовало. Прямо перед лицом вспыхнули две яркие точки, два ужасных глаза без зрачков, застыли на мгновение и исчезли. А над собой малышка увидела прекрасное лицо матери.

— Мама... — попыталась произнести истерзанная измученная девочка, но та вдруг подняла над ней подушку и прижала к маленькому личику. Малышка продолжала лежать и не могла пошевелиться, пытаясь закричать. И не могла.

Подушка давила на лицо, душила, отнимая последние мгновения жизни. Теряя сознание и уже не понимая, что с ней происходит, девочка в смертельной агонии попыталась выдать из себя крик. И вдруг с удивлением услышала собственный голос, который раздавался где-то далеко, а потом внезапно пронзил ей уши своим пронзительным визгом. На лицо больше ничего не давило, подушка исчезла, а в темноте мелькнуло испуганное женское лицо. В то же мгновение девочка ощутила сильный удар по лицу.

Ее голос оборвался.

— Мама...

— Какого дьявола ты разоралась, ненормальная? — зашипела на нее мать. — Всех перепугала! И без того постояльцев мало, еще ты вопишь по ночам, будто тебя здесь на части разрывают! Если у нас перестанут снимать комнаты, мы сдохнем с голоду, тебе ясно?

— Прости, мам... — всхлипнула девочка. — Мне было так страшно... Так страшно!

Малышка ждалась, с опаской поглядывая на мать, которая не раз уже ее ругала за крики по ночам. И не в первый раз девочка выхватывала за это оплеухи. Она понимала, что будоражит своими воплями весь мотель, поднимая на ноги и пугая постояльцев, которыми были, в основном, дальнбойщики, остановившиеся здесь, чтобы передохнуть от дальней тяжелой дороги. Мать злилась, малышка страдала, но ничего не могла с собой поделаться. Кошмары преследовали ее постоянно, и они казались такими реальными, что она спасалась в них только воплями, которыми будила сама себя. Но, пробудившись, она оказывалась перед разъяренной матерью, а это было самым страшным ее кошмаром, реальным кошмаром. Малышка не знала, что для нее страшнее — мучавшие ее сны или настоящая жизнь, где она испытывала постоянное желание заползти куда-нибудь, спрятаться, чтобы никто ее не видел. Мечтала стать маленьким муравьем, чтобы иметь возможность в любой момент спрятаться в какую-нибудь щелку от взгляда своей матери. А в такие моменты, как сейчас, когда мать была в ярости, ей вообще хотелось исчезнуть и никогда больше не появляться.

Но на этот раз Элен не стала ее наказывать, а долго и пристально разглядывала красивыми прозрачными глазами, словно пыталась проникнуть в мысли девочки, разгадать их и понять, что с ней происходит.

— Опять бегала в темноте и видела глаза чудовища? — поинтересовалась она как можно серьезнее, пытаясь подавить насмешливые нотки в голосе.

— Да! Я видела! — задыхалась девочка. — Я видела, как исчезла Мадлен! Это как с тем дальнбойщиком, которого раздавило кабиной, помнишь? Как с Лорой, которую сбила машина! Они так же исчезли в темноте, а потом умерли, помнишь? Что-то опять случится, ма! Я боюсь!

— Хватит, Кэрол! — резко оборвала ее мать, поднявшись. — Мне надоели твои выдумки и истерические вопли по ночам! Если это повторится, я упеку тебя в психушку.

Девочка молниеносно легла, подтянув одеяло под нос и испуганно смотря на нее большими глазками.

У двери Элен обернулась.

— Тебе ясно?

Кэрол кивнула, не отрывая от нее широко распахнутых глаз.

Некоторое время она не шевелилась, прислушиваясь к удаляющимся шагам матери. Лишь когда они затихли, девочка робко высунула из-под одеяла подбородок.

«Психушку» она ни разу не видела, но слышала о ней не впервой. Это наверняка что-то очень страшное. Девочка восприняла всерьез слова матери, та не любила шутить и никогда не говорила просто так. Кэрол боялась ее, потому что знала — она может упесть ее в психушку, и куда угодно. Знала, что мама не любит ее, что она ей в тягость. Кэрол была ублюдком, который путается под ногами и отравляет ей жизнь. Элен всегда говорила об этом, демонстрируя свою неприязнь к ребенку, необъяснимую, не понятную, но настолько сильную, что она даже отказалась дать дочери свою фамилию. Сама девочка еще была слишком мала, чтобы задумываться над тем, почему мама так к ней относится. Так было всегда, и Кэрол воспринимала это как должное, принимая маму такой, какая она есть, и даже не догадываясь пока о том, что мамы бывают и другими.

Элен шел всего двадцать первый год. Дочь она родила в пятнадцать лет и только недавно смогла забрать малышку из детского дома, где та пребывала с момента рождения.

Она привезла дочь в большой двухэтажный дом, придорожный мотель, владелицей и управляющей которого была. Воспитанница детского дома, Элен в свои годы успела заработать на то, чтобы приобрести мотель в хорошем месте, у оживленной трассы, набрать людей и открыть собственный бизнес. Чтобы этого добиться, она воспользовалась своей красотой, единственной милостью, дарованной ей Богом — она была дорогой проституткой. Кроме прекрасной внешности у нее не было ничего, ни дома, ни семьи, ни близких людей. Она была одна во всем мире, с разбитым сердцем и обозленной душой. К дочери она не испытывала никаких материнских чувств. Девочка была мишенью для ее досады и разочарования. Сердце молодой женщины терзали два противоположных чувства к одному человеку — любовь и ненависть. Любовь заставляла ее страдать, отравляя ее жизнь смертельным ядом, разъедавая коррозией сердце, ненависть Элен выплеснула на дочь. У Кэрол не было папы, она не знала кто он. Элен дала ей его фамилию и часто называла отродьем Мэтчисона. Она никогда не рассказывала дочери о нем, а если вспоминала его, то только ругательствами, с бесконечной злостью и скрытой болью, которую девочка еще пока не могла разглядеть.

Был момент, когда Элен вдруг резко и внезапно изменилась, превратившись в веселую и безумно счастливую девушку. Но это длилось не долго. Кэрол была слишком маленькой, чтобы запомнить этот момент, а тем более понять. Не помнила, как в их жизни вдруг появился тот, кого так любила мама, как он сажал малышку себе на колени и играл с ней, говорил, что он ее папа, как счастливо улыбалась мама, пожирая его обезумившим от счастья и любви взглядом. Все это стерлось из ее памяти, и Кэрол росла, даже не зная, что в ее жизни появлялся папа. Появился и опять исчез, словно его и не было. И все стало по-прежнему. Только Элен после этого изменилась, окончательно обозлившись, превратившись в ту фурию, которую теперь так боялась девочка. А всему виной был тот человек, тот мужчина. Вернее, еще совсем молодой парень, ровесник Элен, тот самый Мэтчисон, из-за которого женщина так ненавидела свою дочь. По крайней мере, так думали все, кто жил в мотеле вместе с ними, и позже так стала считать и сама Кэрол, потому что больше не могла найти других причин неприязни матери, думая, что та просто перенесла на нее свою ненависть к нему, этому Мэтчисону, ее отцу. Кроме того, что он очень обидел мать, Кэрол о нем больше ничего не знала. Одно напоминание о нем приводило Элен в бешенство, она била посуду, яростно материлась и бросалась с кулаками на того, кто осмелился произнести его имя, а потом отчаянно рыдала в своей комнате. Поэтому эта тема была запрещенной в доме, и даже маленькая Кэрол знала, что нельзя произносить слово «папа». Все, на что осмеливалась малышка, это потихоньку, шепотом, чтобы никто не услышал, выпрашивать о папе у старой Мадлен, которая работала у них кухаркой, а также была единственным человеком, который проявлял к ней любовь и заботу. Но Мадлен ничего не знала об этом, и всегда старалась сменить тему и переключить внимание малышки на что-то другое.

— У тебя нет папы, моя ласточка, так бывает, — говорила Мадлен.

— Он умер? — спрашивала Кэрол.

— Я не знаю.

Так и заканчивались все их беседы о папе. И в сознании девочки укрепилась мысль, что папы у нее нет и никогда не будет. Мадлен не пыталась этому препятствовать, не желая, чтобы в сердце ребенка жили пустые надежды, которые, разбиваясь, ранили бы это беззащитное наивное сердечко, которому, судя по всему, и так хорошо достанется от жестокой ненавистной матери. Мадлен жалела девочку, прикипев к ней всей душой,

баловала, заботилась, тогда как Элен всегда смотрела сквозь нее, замечая лишь тогда, когда испытывала потребность выплеснуть злость. Кэрол избегала мать, не искала с ней общения, понимая, что та ее не любит, и хвостиком везде следовала за Мадлен. Иногда спрашивала, почему мама ее не любит. Старушка увлажнившимися глазами смотрела на ребенка, пыталась убедить, что мама любит, просто у нее много дел и некогда уделить внимание, что она просто строга с ней, когда бьет и ругает. А девочка смотрела на нее грустным взглядом, и Мадлен замолкала, понимая, что сердце ребенка нельзя обмануть. Потом девочка перестала задавать такие вопросы о маме и о папе, словно смирившись или приняв как должное отсутствие одного родителя и нелюбовь другого. Она казалась вполне счастливым ребенком, купаясь в любви старушки, которая холила ее и лелеяла, пытаясь компенсировать своей любовью отсутствие материнского тепла. Не смотря на полное пренебрежение матери, Кэрол, благодаря Мадлен, была ухоженной, хорошо одетой и всегда сытой. Мадлен покупала ей игрушки, самой любимой из которых у Кэрол был большой пушистый кот, черный, с белой грудкой и белыми лапками, которого девочка назвала в честь своей любимой конфеты — Лимки.

В мотеле жили еще четыре женщины, которых Элен держала для того, чтобы, по желанию останавливающихся у них водителей, делать их отдых еще приятней. Мотель пользовался дурной славой, в нем никогда не останавливались семейные пары, не показывались здесь и женщины, зато мужчины слетались сюда, как пчелы на мед. Мотель никогда не пустовал. Дальнобойщики специально заезжали сюда, снимали комнаты, прерывая свой путь. Те, чей маршрут постоянно проходил здесь, были завсегдатаями мотеля, никогда не проезжая мимо. Местные жители воспринимали этот дом не как мотель, а как публичный дом, притон с профессиональными шлюхами, славившимися красотой и мастерством на всю округу, о котором с отвращением говорили женщины и с улыбками шептались между собой мужчины. Некоторые наиболее активные местные жители пытались закрыть мотель, но попытки осталась безуспешными. Мужчины, а так же «крыша» из местных бандитов, всегда предупреждали Элен об облаве, и к приходу всяких комиссий в мотеле не к чему было придаться. Однажды их посетил тайный агент, разоблачив в запрещенных услугах, предоставляемых клиентам, но и здесь Элен выкрутилась, очаровав того своей красотой, в результате чего получила официальное разрешение на предоставление интимных услуг, а агент стал ее личным и постоянным клиентом.

Работали, в основном, ее девочки, а сама Элен достаивала вниманием лишь избранных и тех, у кого на ее любовь хватало денег, потому что за свои услуги она брала в пять раз больше, чем стоили ее девочки. Ее красота заставляла мужчин вожделеть ее так, что те готовы были выложить требуемую сумму, так что хозяйка мотеля без работы тоже не сидела, пока потели ее девочки. Те, кто попадал в ее постель, в основном всегда возвращались, платили в пять раз больше, отказываясь от ее девочек и требуя только ее, что говорило о высоком профессионализме молодой красавицы, до которого другим опытным жрицам любви было далеко. Как вульгарно выражались ее подружки, Элен «мертвой хваткой брала за яйца каждого, кто попадал к ней в постель». Самая красивая и востребованная после Элен была самая молоденькая из ее девочек, семнадцатилетняя Роза Дэй, высокая брюнетка с прекрасными карими глазами. Она появилась здесь совсем недавно, тихая, застенчивая, но уже начала меняться, перенимая манеры и поведение вульгарных и грубых обитательниц мотеля. Кэрол не любила их, боялась и избегала. Они подсмеивались над ней, издевались, обижали, обзывали, могли ударить. Ее мог ударить любой, Элен было все равно. Самая

добродушная из этой четверки была Пегги Силвия, маленькая, пухленькая женщина с гривой огненно-рыжих волос, большим, всегда улыбающимся ртом и громким жеребьиным хохотом. Веселая, шумная, озорная, она могла подшутить над малышкой, но никогда не поднимала на нее руку, а когда на девочку набрасывалась мать, иногда пыталась вывести «из-под огня». Но, в основном, когда Элен злилась, все старались ретироваться. Элен ее девочки боялись. Она могла ударить, даже побить, легкая на руку, злая и жестокая. Розу она однажды отходила шнуром так, что пришлось накладывать швы, а провинность той заключалось в том, что она не захотела обслужить клиента, настолько безобразного и отвратительного, что девушку тошнило от одного взгляда на него. Остальные никогда не вмешивались, помалкивали и беспрекословно подчинялись. Меган Аркетт была самой старшей, высокой, худощавой, с красивым бледным лицом и холодным безразличным взглядом. По мнению Кэрол, после Элен эта фурия была самой злой и как никто любила обижать ее. Жестокая, высокомерная, Аркетт не выносила детей. Девочка ее тихо ненавидела. Рут Ланкастер соблюдала нейтралитет во всем, чтобы не происходило вокруг, плыла по течению. Если кто-то начинал подтрунивать над Кэрол, она присоединялась, если Мадлен или Пегги начинали ее жалеть, то тоже проявляла фальшивое сочувствие. Она всегда поддакивала всем и во всем, и подружки привыкли считать, что своего мнения у нее попросту не бывает. Что это было — безволие, бесхарактерность, или просто лицемерие и хитрость, никто из них понять не мог, каждая воспринимая ее по-своему, но все неизменно немного ее презирали за явное подхалимство.

Вот в такой своеобразной семье, если можно так сказать, росла Кэрол. Пять женщин, старуха и она. И день, и ночь снующие по дому мужчины, которых девочка начала тихо ненавидеть уже с малых лет. Они казались ей грубыми, противными. Всегда цепляли девочку какими-то странными шутками, которые малышка еще не совсем понимала, смеялись над ней, как над диковинкой, нелепостью, оказавшейся здесь, в месте, где ребенку места не было. Ее пытались поймать, ущипнуть, а однажды один из мужчин сунул руку ей под юбку. Пегги отвела ее к Мадлен и велела не отходить от старушки, пока этот мужчина не уедет.

Поглядывая на ничего не понимающую малышку, Мадлен что-то ворчала себе под нос и тревожно вздыхала.

— Как можно... нелюди... ребенок же совсем... — бормотала она сквозь зубы.

Мадлен учила ее прятаться от клиентов, по возможности не попадаться на глаза. Девочка делала так, как она велела, не задумываясь, почему должна так поступать. Но все же украдкой пыталась взглянуть на каждого, кто появлялся в мотеле, в наивной детской надежде, что один из них может оказаться ее папой.

Она жила с Мадлен в одной комнате, пока мать не выделила ей отдельную и заставила перейти туда, не смотря на нежелание девочки. Мучимая частыми кошмарами, Кэрол боялась оставаться одна, но именно поэтому Элен и вынуждала ее это делать, более того, зная, как боится темноты дочь, заставляла ее выключать на ночь свет. А также запрещала Мадлен прибегать на ее вопли по ночам.

Кэрол знала, что после кошмаров случалось что-нибудь плохое.

И сейчас, лежа под одеялом в темной комнате, девочка сжималась от страха, гадая, что может произойти на этот раз. В последний раз, когда она просыпалась от собственных воплей, она вывалилась из окна своей комнаты и упала на большую густую сирень, которая поддержала легкое тельце своими ветками. Кэрол отделалась переломом ребра и вывихом

руки. После этого случая она с Мадлен лично ухаживала за сиренью — спасительницей. Старушка говорила, что это дерево уберегло ее жизнь, на что малышка пылко замечала, что это дерево сломало ей ребро и вывихнуло руку.

— Если бы его здесь не было, то все твои ребра разлетелись бы по лужайке, глупая невежда! — злилась Мадлен.

Девочка все понимала и была глубоко благодарна прекрасной сирени, но не упускала случая посмотреть, как смешно сердится старушка. Мадлен даже смастерила ей талисман. Купила маленький детский медальончик на цепочке в виде игрушечных часиков, циферблат вытащила, а за стекло на его место положила цветочек сирени. Повесив его на тонкую шейку Кэрол, она повелела:

— Никогда не снимай это. Цветок твоей спасительницы убережет тебя от смерти.

Кэрол нравился этот талисман, но она носила его скорее как украшение, а не средство от всякого рода опасностей. Потом она просто привыкла чувствовать его на шее, и без него появлялось ощущение, будто чего-то не хватает, словно части ее самой.

И все же этот сон...

Кэрол сильнее натянула на себя одеяло, устремив взгляд в окно.

По стеклу яростно тарабанили струи дождя, было слышно, как шумит под окном с какой-то тревогой сирень-спасительница. Глаза девочки испуганно раскрылись, когда она расслышала какие-то слабые стоны. Они не были похожи на те, что она часто слышала по ночам из сдаваемых комнат...

Эти звуки были какими-то жуткими, тоскливыми, словно стонал ребенок.

Прошло много времени, прежде чем Кэрол поняла, что это ветер. Но ее страх все равно не уменьшился. Этот сон... Неужели она опять вывалится из окна? Подумав о сирени, девочка немного приободрилась. Засыпая, она решила, что завтра и близко не будет подходить к окнам.

Рано утром, когда все еще спали, а комната была наполнена предрассветными сумерками, Кэрол оделась, затулила кудрявые волосы в хвостики, старательно умылась и тщательно вычистила зубы, как учила ее Мадлен. Обычно в это время старушка была уже на ногах. Она всегда вставала раньше всех, чтобы успеть приготовить завтрак для обитателей мотеля и постояльцев. Кэрол просыпалась, чтобы ей помочь. Вот уже год, как Элен определила ее Мадлен в помощницы. Руки старухи утратили былую подвижность и ловкость, быстро уставали и болели от тяжелых нагрузок, и если поначалу сердце ее замирало от ужаса, когда она видела нож в маленьких руках малышки, то теперь не могла уже обойтись без ее помощи. За год Кэрол так наловчилась работать ножом, что чистка и резка овощей и фруктов полностью перешла в ее обязанности. Даже опытная Мадлен, всю жизнь проработавшая на кухне, не могла теперь угнаться за ее проворными быстрыми ручками, которые когда-то с превеликими предосторожностями обучала обращаться с ножом. Девочка маленьким вихрем носилась по кухне, подавала, подносила, мыла, убирала. Они вместе ездили за покупками, Мадлен учила ее выбирать продукты. Девочка с интересом и радостью перенимала ее мастерство, оказавшись способной ученицей. А Мадлен говорила ей, что она научит ее превосходно готовить, чтобы, подрастая, она смогла уехать отсюда и устроиться на работу в ресторан или к каким-нибудь состоятельным людям поваром. Мадлен всегда твердила, что она должна уехать, что нельзя оставаться здесь. В последнее время старушка даже поговаривала о том, чтобы уехать самой и забрать ее с собой.

— Ты поедешь со мной? — спрашивала она у малышки, которая кивала в ответ.

И однажды произошел скандал, после которого стало ясно, что Элен не отпустит от себя дочь. Кэрол слышала лишь обрывки разговора между Мадлен и матерью.

— Она тебе все равно не нужна! — кричала Мадлен. — Что ждет ее в этом месте? Она смазливая девчонка, еще несколько лет, и какой-нибудь грязный шоферюга затащит ее в темный уголок и надругается! А может, и несколько лет ждать не придется, объявится какой-нибудь извращенец, как тот, что уже лез ей под юбочку... боже, подумать даже страшно! На это ты обрекаешь свою дочь? Отдай ее мне, я буду заботиться о ней, отдам ее в школу!

— Нет, — спокойно говорила в ответ Элен. — Она останется здесь.

— Зачем? Неужели ты хочешь, чтобы она стала одной из твоих шлюх? Чтобы жила той жизнью, что живешь ты?

— А почему нет? — усмехнулась зло молодая женщина. — Чем она лучше меня? Почему должна жить иначе?

— Ты хочешь, чтобы она была шлюхой? — поразились Мадлен.

Элен промолчала. Старушка затряслась от ярости.

— Я не позволю тебе!

— Я ее мать, и мне решать, как ей жить. Если ты будешь вмешиваться, я не буду ждать, когда она подрастет, и продам ее сейчас.

— Ты чудовище! За что ты так ненавидишь ее, она же твоя дочь! За что хочешь погубить?

Кэрол не слышала, что ответила на это Элен. Но с тех пор она знала и помнила о том, что мама ненавидит ее, что хочет «погубить». И когда Мадлен предложила ей сбежать вместе с ней, согласилась без колебаний. Они даже уже составили план и решили, куда уедут, чтобы Элен не смогла их найти.

— Я ей не позволю, моя малышка, — обещала Мадлен, крепко обнимая девочку. — Я спасу тебя от того кошмара, на который она тебя обрекла...

Мадлен скопила уже достаточно денег для того, чтобы уехать, и теперь только ждала подходящего момента, чтобы незаметно улизнуть из дома. Но их планам не дано было осуществиться. И не Элен им помешала, которая даже не догадывалась о том, что задумала старуха.

В то роковое утро, не найдя Мадлен на кухне, Кэрол поднялась в ее комнату. Старушке все тяжелее было подниматься по утрам, она стала частенько спать дальше, не слыша будильник, и Кэрол уже не раз приходила будить ее.

Шторы были закрыты, и потому в комнате было совсем темно.

Подкравшись к кровати, девочка заглянула в лицо старушки.

— Мадлен! Пироги горят!

Обычно это срабатывало получше всякого будильника. Мадлен вскакивала и, хватаясь за голову, неслась на кухню, после чего со скалкой гонялась за ликующей хулиганкой.

Но сейчас она почему-то продолжала спать. Кэрол повторила погромче. Подергав ее за руку, недоумевающая девочка бросилась в комнату матери, нарушив тишину мотеля громкими воплями:

— Мама, мама! Мадлен не просыпается!

Немного позже, когда пришел доктор, Кэрол незаметно прокралась за ним в комнату Мадлен. Не решившись пройти дальше порога, девочка наблюдала за доктором, который был

ей уже знаком. Приятный мужчина лет пятидесяти пяти, уже абсолютно седой, из-за чего казался старше своего возраста, ласковый, с добрыми, всегда смеющимися глазами. Он лечил Кэрол, когда она упала из окна, завоевав ее симпатию и доверие. И сейчас, наблюдая, как он осматривает Мадлен, она успокоилась, твердо убежденная в том, что раз пришел доктор Пресвелд, то со старушкой все будет в порядке.

Кэрол не поняла, когда он спокойно объявил о том, что у Мадлен паралич. И испугалась, вжавшись в косяк, заметив, как исказилось лицо матери, которая окинула старушку злым взглядом, после чего приветливо улыбнулась доктору.

— Думаю, лучше всего нанять сиделку — с миссис Гриссон рядом нужно быть постоянно, — сказал он, собираясь уходить. Заметив тихо отступившую от двери девочку, он наклонился к ней и улыбнулся.

— О, здравствуй, маленький летчик! Ну что, ты больше не пытаешься взлететь с окна? А?

Кэрол уперлась в него взглядом, поджав губы.

— Что такое паралич? — требовательно спросила она, но голос ее дрожал.

Доктор в замешательстве переглянулся с матерью девочки, которая сдержанно улыбнулась и взяла дочь за плечи.

— Солнышко, поднимись лучше в свою комнату, — с фальшивой нежностью проворковала женщина и хотела выставить ее за дверь, но девочка резко вырвалась, не отрывая взгляда от доктора. На пухлых щечках заблестели слезы.

— Кэрол! — повысила голос мать, но доктор оборвал ее спокойным жестом руки.

— Не надо, — тихо сказал он ей и, присев, вытер с личика ребенка слезы. — Не плачь, милая.

— Мадлен умерла? — всхлипнула Кэрол.

— Нет, но она не сможет теперь вставать, — пытался объяснить доктор, осторожно подбирая слова. Девочка его перебила:

— И только?

— Ну, в общем, да...

— Так пусть лежит, в этом нет ничего плохого, — глаза девочки заблестели от радости.

— Да, конечно, — растерянно пробормотал Пресвелд, поднимаясь, и потрепал малышку за щечку. — Мне пора, летчик... Завтра я приду взглянуть на Мадлен, а пока присматривай за ней.

Кэрол кивнула и побежала за ним, чтобы проводить. Когда она вернулась в комнату Мадлен, там были уже Аркетт, Ланкастер, Силвия и Дэй, горячо обсуждая произошедшее. Девочка, прижимая к груди Лимки, как можно незаметнее проскользнула в комнату и забила в угол, устроившись на скамеечке. Элен была вне себя.

— Наймите сиделку! — бушевала мать. — Чем я буду ей платить, этим, что ли? — она вульгарно коснулась места пониже живота. — Мне нужно икать новую повариху, а не возиться с этой развалившейся старухой!

— Но что же нам с ней делать? — обреченно вздохнула Роза. — Не выбросим же мы ее на помойку!

— Может быть, ты будешь смывать с ее задницы дерьмо и кормить через соску? — набросилась на нее Элен.

Роза потупила голову, промолчав.

Элен окинула взглядом всех остальных.

— Ну? Кто готов это делать, а? Что притихли?

— Я.

Глаза всех изумленно обратились в угол, на девочку, которую до сих пор никто не замечал. Придя в себя от удивления, Элен громко расхохоталась. Засмеялись и остальные, но как-то натянуто, принужденно. Кэрол решительно сползла со скамейки.

— Я буду ухаживать за ней, мама, и не буду требовать с тебя за это денег.

Элен задохнулась, поразившись ее дерзости.

— Что-то ты стала много говорить, отродье Мэтчисона! — она схватила дочь за руку и швырнула через всю комнату к двери. — Пошла вон!

Девочка молча поднялась с пола, не замечая, как казалось, разбитого колена и крови, медленно поползшей по белоснежной коже к щиколотке. Ее какое-то взрослое самообладание и невозмутимость еще сильнее взбесили Элен.

— В свою комнату, живо! — она замахнулась на дочь, которая, увернувшись, выскочила из комнаты.

Спохватившись, Кэрол вспомнила, что Лимки остался лежать на полу в комнате, и решительно вернулась. Боясь, что на него кто-нибудь наступит, малышка на четвереньках подползла к открытой двери и заглянула в комнату. Лимки лежал в двух шагах. Она осторожно протянула к нему руку.

— Я знаю, что делать, — услышала она голос матери и, отдернув руку, подняла глаза.

Элен подошла к постели Мадлен и взяла подушку, не отрывая взгляда от лица старухи.

— Нет, Элен! Ты что, с ума сошла? — подскочила Пегги.

— Никто не узнает, — отрезала та. — Все решат, что она умерла своей смертью.

— Но, Элен... — попыталась возразить Рут.

— Она все равно сама сдохнет. Девочки, подумайте, мы поможем ей, избавив от страданий.

— Ладно, Элен, к черту эту старуху! — взвизгнула Меган Аркетт.

Элен решительно, без колебаний, накрыла подушкой лицо Мадлен.

Кэрол приросла к полу и руками, и ногами, застыв от ужаса.

Не выдержав, Роза бросилась вон из комнаты, ударив девочку дверью.

Когда Кэрол пришла в себя, она лежала на постели в своей комнате. На лбу она нащупала припухшую кровотокающую ссадину и, вспомнив про подушку в руках матери, выскочила из комнаты. На лестнице она остановилась, услышав голос матери. Элен и доктор Пресвелд были внизу. Присев, чтобы ее не заметили, девочка стала наблюдать за ними между прутьями перил.

— Ах, доктор Пресвелд, как мне жаль бедняжку Мадлен! — плакала мать. — Она два года жила с нами, я так к ней привязалась! Такая добрая была женщина... Надо же, она умерла почти сразу после вашего ухода. Это так ужасно! Такое горе...

В глазах у Кэрол помутилось. Ее Мадлен умерла! Умерла! Умерла!

— Доктор, я бы хотела, чтобы вы взглянули на Кэролайн... Она упала и разбила голову о скамейку...

Вскочив, девочка побежала вверх по лестнице, залезла на чердак и, зарывшись в старое барахло, горько расплакалась, не опасаясь, что ее здесь найдут.

После смерти Мадлен жизнь Кэрол, да и сама девочка, резко переменились. Потеряв единственного человека, которому была нужна, малышка померкла. Без прежней радости

она продолжала работать на кухне, помогая новой кухарке, Барбаре, тихо ненавидя ее и изводя всякими пакостями, отказываясь подчиняться. Барбара обращалась с ней грубо, Элен позволяла ей наказывать девочку, бить, морить голодом за неповиновение. Барбара была ленива и все, что только могла, в своей работе взваливала на девочку. Руки малышки покрылись незаживающими мозолями, которые она заклеивала пластырем, и работа с ножом уже не доставляла ей удовольствие, как раньше, наоборот, стала мучительной. Девочка сильно похудела, стала выглядеть изможденной. Тоска, непосильные нагрузки и недоедание сделали ее похожей на маленькое приведение с большими грустными глазами. Некому было теперь заботиться о ней, купить новое платье, причесать, прихорошить. Не с кем было ни поговорить, ни посмеяться, не над кем было подшутить, некому пожаловаться. Кэрол стала выглядеть неряшливо и неопрятно, так как была полностью предоставлена сама себе. Мать не стирала ее одежду, не чинила, и все это девочке приходилось делать самой. Измотавшись за день, Кэрол с трудом доползала до постели, на находя в себе сил на то, чтобы искупаться или заняться одеждой. На нее просто было неприятно смотреть. Элен стала бить ее за неопрятность. Пожалев девочку, Пегги, на которой, помимо всего, лежали еще и обязанности прачки, собирая каждое утро постельное белье и полотенца из сдаваемых номеров, стала заходить в комнату девочки, чтобы захватить и ее одежду или оставить чистые простыни, сменив несвежие. Заметив это, Элен разозлилась и запретила Пегги помогать девочке.

— У нее есть руки, она сама должна о себе заботиться, — сказала она Пегги. — Она должна приучиться к самостоятельности.

— Приучится, Элен. Но пока она всего лишь ребенок, — пыталась возразить та.

— Не вмешивайся. Ей почти семь лет, и она должна научиться заботиться о себе. Мадлен больше нет и никогда не будет. Девчонка слишком разбалована, в этом все дело. Она что, не может сама вымыть голову? Не может кинуть в стиральную машину свои тряпки?

— Но ведь я все равно стираю, мне не трудно...

— Нет! Разве ты не понимаешь, в чем дело? Она делает это мне назло. Она ненавидит меня из-за Мадлен. Ведь она все видела. Если ты такая добрая и хочешь ей помочь, лучше объясни, что меня лучше не злить. Я раздавлю ее одним пальцем, как вошь... И выведи ей вшей, иначе я ее убью.

Пегги знала, что спорить с Элен бесполезно, к тому же небезопасно. Ее взрывной жестокий нрав мог напугать кого угодно. А после того, как она так хладнокровно и безжалостно задушила Мадлен, обитательницы мотеля смотрели на нее с затаенным ужасом, больше всего на свете боясь вызвать ее недовольство или разозлить.

Пегги отправилась в город за средством от паразитов, чтобы очистить голову девочки, но Элен не дождалась ее, решив проблему по-своему и, видимо, желая тем самым проучить дочь. Она обрила ее наголо, срезав под корень роскошные кудрявые волосы. Девочка стала объектом для насмешек и издевательств, Элен хохотала каждый раз, как та попадалась ей на глаза. Пегги и остальные смеялись вместе с ней, чтобы угодить. И Пегги старательно скрывала то, что сердце ее сжималось от болезненной жалости, когда она видела блеск сдерживаемых слез в глазах обезображенной девочки, покорно и безропотно отзывавшейся на новое насмешливое прозвище — лысая. Прекрасная Роза украдкой от Элен утешила девочку, сказав, что волосы скоро отрастут, а если за ними не ухаживать и доводить до такого состояния, как Кэрол, то лучше уж вообще их не иметь. Девочка ничего на это не ответила. На следующий день Элен сорвала с дочери одежду и, забрав из комнаты всю

остальную, отнесла в подвал, где стояли машины для стирки. Она не позволяла девочке одеться, пока та не перестирала, не высушила и не выгладила свои вещи. Жестокий урок подействовал. С того дня Кэрол не выходила из комнаты в грязной или помятой одежде. Поначалу было тяжело, потом она привыкла. Научилась гладить и чинить одежду, убираться в комнате. Элен лишь контролировала. Волосы быстро отрастали, уменьшая страдания девочки из-за ощущения собственного уродства, и теперь она регулярно мыла голову, больше всего на свете боясь, что мать снова ее обреет.

Девочка была тихой, замкнутой, молчаливой, не улыбалась и никогда не смеялась. По вечерам она часто бегала на могилку Мадлен, украшала ее цветами, рассказывала и жаловалась. Пела песни, которым когда-то научила ее старушка. Дома Элен не разрешала ей петь, и все, что могла позволить себе девочка — это чуть слышно напевать себе под нос, убедившись, что матери нет поблизости. Своими постоянными визитами на кладбище и общением с покинувшей ее Мадлен, Кэрол безотчетно пыталась приглушить чувство одиночества, наполнявшее ее детское сердечко, искала любовь, которую забрала с собой добрая старушка. Ее единственным другом был Лимки, с которым она не расставалась ни днем, ни ночью. Он сидел на кухне, когда она там работала, сопровождал каждый раз в подвал, спал в ее объятиях, помогая ей бороться не только с одиночеством, но и со страхом, мучавшим девочку с того ужасного дня, когда умерла Мадлен. Вернее, когда она была убита. Кэрол мучили кошмары, ей все время снилось, как мать накрывает ее подушкой. В душе девочки страх перед матерью продолжал расти, подстрекаемый страшными снами. К тому же Элен запугала дочь еще и намеренно, чтобы заставить ее молчать о произошедшем, пообещав расправу подушкой, если она кому-нибудь ляпнет о том, что видела. И Кэрол молчала. Для успокоения души, она спрятала свою подушку на чердак. Если б она могла, то попрягла бы все подушки в доме. Но и то, что подушки нет в ее комнате, тоже немного успокаивало. Постепенно кошмары оставили Кэрол, она поняла, что если ничего никому не скажет, мать не тронет ее. Элен не разрешала Барбаре или кому-либо другому брать ее в город, не позволяла общаться с постояльцами, и вообще, старалась держать ее от людей подальше, опасаясь, что девчонка что-нибудь сболтнет. Заметив, что Кэрол спит без подушки, Элен посмеялась про себя. Посмеялись и ее подруги. Сжалившись, они выделили девочке другую. Но и та бесследно пропала. Малышку пытались заставить вернуть подушку, если она не хочет на ней спать, но бесполезно. Что ребенок мог с ней сделать — взрослым оставалось только гадать.

Кэрол привыкла общаться сама с собой, и порой ей даже казалось, что она вовсе не нуждается во внимании людей. Она не была одинока, у нее были друзья, которые очень ее любили и никогда не обижали. Самым старым другом ее был Лимки, который проходил с ней через все: и вываливался с ней из окна, и дразнил Мадлен, и ухаживал за сиренью — спасительницей, был свидетелем убийства старушки, просыпался по ночам от кошмаров вместе с девочкой, прятал с ней на чердаке подушки, и многое другое... А совсем недавно у Кэрол появилась и подружка — маленькая мышка, которая жила на чердаке. Девочка носила ей кусочки хлеба, очищенные орешки, семечки — все, что удавалось стащить с кухни. Мышка привыкла к ней, и когда девочка приходила, без всякого страха выбегала из норки, карабкалась на колени в ожидании чего-нибудь вкусенького. Кэрол вскоре забрала ее к себе в комнату, дав ей имя — Кейси. Мышка жила в коробке, пока Кэрол не раздобыла ей жилище. У Розы был хомячок, которого она держала в небольшой уютной клеточке, похожей на домик, и Кэрол украли его, выпустила на улицу, а потом выпросила у девушки клетку.

Элен до жути боялась мышей и, видя, как по девочке бегают одна из них, она едва не падала в обморок. Женщина пыталась заставить Кэрол избавиться от противной мыши, но ни побои, ни ругань, ни суровые наказания не смогли повлиять на девочку.

Однажды в их мотель заехали трое молодых дальнбойщиков, везущих куда-то на трех огромных машинах новенькие сияющие автомобили, которые Кэрол долго с любопытством разглядывала из окна своей комнаты. У мамы была машина, но очень старая и некрасивая. Девочке вдруг очень захотелось прокатиться на одной из этих прекрасных и, видимо, очень дорогих машин. Или на одном из этих трех металлических монстров с огромными кабинами, которые тащили на себе своих маленьких, по сравнению с ними, собратьев. Но это были несбыточные мечты.

Еще ее внимание привлек один из водителей, которого она разглядывала с не меньшим интересом. На вид ему было не больше двадцати пяти лет, он был очень высоким, стройным, широкоплечим и невероятно красивым. Девочка вспомнила сказки, которые когда-то рассказывала ей Мадлен, и подумала о том, что сказочные принцы, должно быть, именно такие. Кэрол еще никогда не видела, чтобы у человека было такое доброе и приятное лицо, такие ласковые глаза, такая теплая улыбка.

Зацепившись за кабину, он энергично протирал тряпкой лобовое стекло и, словно почувствовав, что на него смотрят, огляделся, а потом посмотрел вверх, на окна. Увидев девочку, он ослепительно улыбнулся, продемонстрировав ровные белые зубы, и помахал ей рукой.

Кэрол отступила от окна, не ответив на улыбку, и больше к нему не подходила.

Вечером, во время ужина, Кэрол помогала кухарке обслуживать их, пытаясь, как обычно, быть как можно незаметнее. Молодой шофер с добрым лицом все время следил за ней веселым взглядом, а когда девочка украдкой обращала на него взор, подмигивал и манил пальцем. Пугаясь, малышка убегала, но вредная кухарка заставляла ее возвращаться.

— Как тебя зовут, котенок? — приставал шофер, но она молчала, боясь даже посмотреть в его сторону.

— Иди сюда, не бойся, — улыбался он. — Откуда ж ты тут взялась такая пугливая, а?

Остальные смеялись, хотя ничего смешного не было. Так было всегда.

Кэрол было просто противно смотреть на них, и чтобы этого не делать, она отворачивалась. Но этот шофер был не такой, как все. У него были очень добрые и даже немного грустные глаза. Кэрол почему-то сразу вспомнилась одна бездомная собака, которая недавно бродила вокруг дома. Девочка выносила ей хлеб и кости, подкармливая. У этой собаки были шоколадные ласковые глаза, и малышка подумала, что у этого дальнбойщика точь-в-точь такие же. Собачьи. Таких глаз не может быть у плохого человека. И он приставал к ней не с целью посмеяться — казалось, она ему понравилась. Он тоже ей нравился, так, как никто и никогда раньше. Глаза ее то и дело устремлялись к нему, она жадно его рассматривала, стораая от любопытства. Встречаясь в его взглядом, она поспешно отворачивалась и делала вид, что не слышит, как он к ней обращается. Она слишком хорошо еще помнила наставления Мадлен и предостережения Пегги — не разговаривать с мужчинами, появлявшимися здесь, избегать и не оставаться наедине. И Кэрол поняла, почему, когда увидела случайно, как один из водителей залез под юбку Розе, как когда-то сделал с ней, Кэрол, другой мужчина. Девочка наблюдала за тем, что было дальше. Это показалось ей ужасным, отвратительным. И теперь она знала, что хочет мужчина, когда задирает юбки. Знала и боялась.

Расставляя приборы перед молодым красивым шофером, который с улыбкой за ней наблюдал, Кэрол напряглась, невольно косясь на его руки, готовая отскочить при малейшем подозрительном движении. Но он на ее юбочку даже не посмотрел. Вместо этого взял из вазы на столе яблоко и протянул девочке. Та взглянула на него в замешательстве и удивлении. Он ласково улыбнулся, не говоря ни слова. Никто и никогда ей так не улыбался, и одинокое детское сердечко вдруг легко откликнулось на это ласковое внимание, проявленное незнакомцем. Она поняла, что он не обидит ее. Невольно она улыбнулась ему в ответ и взяла из его рук яблоко, чуть слышно пролепетав слова благодарности. Потом, смущенная и растерянная, отошла.

Засмотревшись на него, она не заметила идущую с подносом Барбару, которая тоже таращила глаза на привлекательного молодого мужчину, и девочка угодила ей прямо под ноги. Поднос с грохотом упал на пол, а сама девица с трудом устояла на ногах. Побагровев от ярости, она схватила девчонку за шиворот и встряхнула, как собачонку.

— Что ты лезешь под ноги, неуклюжая маленькая дрянь? Специально мне пакостишь, да?

Увидев, как мужчины кривят губы, безмолвно подсмеиваясь, Барбара чуть не лопнула от стыда и злости, и замахнулась на девчонку, выставившую ее на посмешище. Но она не успела ее ударить, потому что один из водителей резко подскочил, с грохотом опрокинув назад стул.

— Не смей! — гаркнул он так, что Барбара вздрогнула и опустила руку. — Это же ребенок!

Кэрол подняла на него глаза, ошеломленно приоткрыв ротик. А он, этот необычный человек с собачьими глазами, улыбнулся ей и, выйдя из-за стола, взял за руку.

— Подумаешь, тарелки разбились, велика беда! Мы сейчас все соберем, да, котенок? — он присел и потянул девочку за собой. Кэрол подчинилась, осторожно собирая осколки на поднос, слишком пораженная поведением незнакомца, чтобы что-то ответить. Никто никогда за нее не заступался. Почему же он это сделал?

Барбара присела рядом с ним, делая вид, что тоже занимается собиранием осколков, а на самом деле — заметила Кэрол — разглядывает молодого человека такими жадными глазами, будто хотела его съесть. Потом как бы случайно коснулась его кисти и погладила. Наклонившись, что-то шепнула ему на ухо. Продолжая собирать осколки и не поднимая на нее глаз, он отрицательно качнул головой.

— Приходи. Бесплатно, — чуть слышно шепнула она, и на этот раз Кэрол расслышала ее слова.

— Нет, я устал и хочу отдохнуть. Извини, — сунув ей в руки поднос, он снова взял в крепкую ладонь маленькую ручку девочки и поднялся.

— Ну, вот и все! — улыбнулся он малышке. — Было бы из-за чего ссориться!

Девочка продолжала молчать, не отрывая от него больших изумленных глаз, словно видела перед собой восьмое чудо света. Не выдержав, он рассмеялся, не совсем понимая, почему на него так смотрит эта странная девочка. Вынув из кармана синих джинсов смятые купюры, он вложил их в ладонь Барбары.

— За разбитую посуду и еще одну порцию для меня. Все-таки, хотелось бы поужинать. Принеси, пожалуйста, еще.

Барбара расплылась в улыбке и засунула деньги ему обратно в штаны. Он пожал плечами и вернулся за стол. А через пару минут Барбара уже расставляла перед ним тарелки.

Мужчины только многозначительно переглядывались и улыбались друг другу, бросая на своего друга веселые взгляды.

— Да ну вас! — буркнул он со смущенной улыбкой. — Опять вы за свое?

Не понимая, о чем они говорят, Кэрол незаметно удалилась. Спрятавшись за дверь, она не отрываясь смотрела на него, думая о том, что, оказывается, не все мужчины так непривлекательны и грубы, как ей казалось. Она все чаще задумывалась о том, каким был ее отец, но не могла нарисовать себе его образ. И сегодня она увидела, каким бы хотела, чтобы был ее папа. И вдруг в голове у нее мелькнула безумная отчаянная мысль — может, это *он*? Иначе, зачем ему за нее заступаться? Зачем рядом с ним сидит мать, даря ему самые нежные и обворожительные улыбки? Впервые Кэрол видела, чтобы Элен ужинала с постояльцами. Ее внимание, казалось, смущало и тяготило молодого человека, а дружки продолжали вульгарно ему подмигивать, пытаясь за шутками скрыть жгучую злую зависть из-за того, что тот перетягивал на себя все женское внимание. Но надежда Кэрол угасла, когда она услышала, как Элен спросила у него, кто он и откуда. Да и по поведению парня было ясно, что он видит Элен впервые, краснея под ее откровенным жадным взглядом. И Кэрол поняла, что он просто понравился матери, и, похоже, понравился сильно. Кэрол подумала о том, что было бы неплохо, если бы и она ему понравилась, и он остался бы жить здесь, с ними. Она, Кэрол, с радостью бы называла его папой и любила бы всем сердцем.

Лица Меган, Рут, Пегги, и даже милой Розы, вытянулись от болезненной досады, когда Элен вызвалась лично проводить его в номер. Парень попытался было возразить, но красавица решительно взяла его за руку и повела за собой. Кэрол бесшумной тенью последовала за ними.

Подойдя к двери номера, за которым они скрылись, девочка прислушалась. Молодой человек что-то пытался возразить, но Кэрол знала, что перечить матери бесполезно. Приоткрыв дверь, девочка осторожно заглянула в комнату. Элен ловкими быстрыми пальцами расстегивала рубашку на мужчине, но он мягко взял ее за запястья, отстраняя.

— Послушайте...

— Закрой рот, красавчик. Я не возьму с тебя ни цента... я даже сама готова тебе заплатить, — сильным движением Элен рванула вниз его рубашку, машинально облизнула пересохшие губы при виде открывшихся ее страстному взгляду сильных загорелых плеч. Положив на них ладони, она погладила упругие мышцы.

— И откуда ж ты такой взялся? — хрипло и ласково прошептала она. — Не парень, а сплошное сладострастие... Знала я одного такого... бомба, а не мужик... Ты тоже такой?

— Элен... я не могу... не обижайтесь...

— Не можешь? Почему? Ты что, импотент? Или педик? — девушка скривилась.

Мужчина покраснел и отрицательно качнул головой. Тогда Элен, облегченно вздохнув, с улыбкой стянула платье, предоставив ему на обозрение прекрасное тело. Мужчина застыл. Бросив на него игривый взгляд, Элен засмеялась и подошла ближе.

— Ну, скажи, что я тебе не нравлюсь! — поддразнила она.

Тот хотел что-то ответить, но девушка, потеряв терпение, вдруг набросилась на него, с силой толкнув в постель. Не ожидавший столь решительных действий и такой силы, он не устоял на ногах и упал на спину. Элен в тот же миг оказалась на нем и неистово впилась в его рот. Кэрол заметила, как он вздрогнул, когда рука Элен прижалась ему между ног и погладила. Веки его сомкнулись на мгновение, он прерывисто и громко вздохнул, вдруг разомлев. Элен жадно целовала мускулистую широкую грудь, опускаясь к упругому животу,

когда мужчина вдруг заметил Кэрол и резко подскочил, оттолкнув от себя девушку.

Кэрол отскочила от двери, но молниеносно обернувшаяся мать успела ее заметить.

— Не обращай внимания. Она еще слишком маленькая, ничего не понимает, — услышала она хриплый голос Элен. — Постой... куда же ты?

— Уходите, — решительно прозвучало в ответ. — Я очень устал и мне нужно выспаться и отдохнуть перед дорогой.

— Успеешь...

— Ну я же сказал... *нет!* Прошу вас, оставьте меня.

— Но почему?

— Я же сказал... я устал...

— Снимай-ка штаны, мой сладкий, пока я сама их с тебя не стащила.

Не сдержав любопытства, Кэрол осмелилась снова заглянуть в комнату. Мужчина молча поправлял на себе рубашку, отойдя к окну и отвернувшись от Элен. Та, с пунцовым лицом, застыла посреди комнаты, прожигая его разъяренным взглядом.

— Убирайся из моего мотеля, придурок! — прошипела она. — Пошел вон!

Тот спокойно повернулся к ней.

— Как скажите. Извините, я не знал, что, снимая номер, я обязан снять и женщину. Правильно я понял ваши условия?

— Ты не обязан.

— Тогда покиньте, пожалуйста, мой номер. Я за него уже заплатил.

Элен медленно подошла к нему и вдруг резко ударила по лицу. Кэрол невольно вскрикнула за дверью. Из разбитой губы на подбородок мужчины сбежала струйка крови. Он остался на удивление спокойным, лишь облизнул губы, чтобы остановить кровь. Его спокойствие еще больше взбесило Элен. Кэрол испуганно сжалась. Мужчина был высоким и сильным, но мать, когда впадала в бешенство, становилась неуправляемой. А этот парень, судя по всему, очень ее разозлил.

— Я не хотел вас обидеть, простите, — неожиданно сказал. — Я уйду.

Пройдя мимо нее, он вышел из номера и, не заметив девочку, сбежал вниз по лестнице.

Элен разразилась ругательствами и что-то разбила о пол. Кэрол поспешила ретироваться, но мать поймала ее на полпути к комнате, выплеснув на нее свою досаду.

— И давно ты подглядываешь в номера?

— Нет... я случайно...

— Может, тебе пора уже иметь своих клиентов, раз тебя так это уже интересует?

— Мама, прости меня, я не хотела!

Но Элен не могла уже остановиться, испытывая непреодолимую потребность выплеснуть злобу. Сжав кулаки, она обрушила их на дочь, считая ее единственной причиной, по которой так понравившийся ей молодой человек ее отверг. Вырвавшись, Кэрол с рыданиями бросилась наутек. Разъяренная женщина рванулась за ней. Сбежав по лестнице вниз, она вылетела на улицу, но столкнулась на пороге с тем, из-за кого Элен ее теперь била. Не устояв на ногах, девочка упала на спину и, подняв голову, взглянула на изумлено обернувшегося мужчину. Увидев ее разбитое лицо, он, видимо, сразу сообразил, что к чему. Наклонившись, он подхватил девочку с пола и вынес на улицу. Обхватив его шею руками, Кэрол прижалась к нему, мгновенно успокоившись, поняв, что он не позволит матери ее бить.

— Кэрол!

Услышав голос матери, девочка лишь крепче обняла своего спасителя.

Выскочив на порог, Элен окинула взглядом все вокруг, ища дочь. Но та как сквозь землю провалилась.

— Ничего, маленькая дрянь... ты еще вернешься... — прорычала она.

Но Кэрол уже забыла о ней, во все глаза разглядывая своего нового друга, который, обойдя дом, нес ее к машинам. Поймав ее взгляд, он улыбнулся.

— Сильно досталось? — с ласковым сочувствием спросил он.

Расплывшись в улыбке, девочка энергично мотнула головой.

— И часто она на тебя так бросается?

— Бывает... — уклончиво ответила девочка.

— А почему ты живешь здесь? Как ты сюда попала?

— Мама привезла. Вот и живу, — пожала плечами она.

— А где твоя мама?

— Так она и есть моя мама.

— Элен? — молодой человек приостановился от удивления. — Но ведь она совсем еще молодая! Сколько же тебе лет?

— Скоро семь.

— А маме твоей сколько?

— Не знаю. Она никогда не говорит. И никто мне не говорит.

Он промолчал. Подойдя к своей машине, он открыл дверь и посадил девочку в кабину. Кэрол не возражала, послушно устроившись на сидении.

— Вы уезжаете? — спросила она, наблюдая, как он садится рядом. — Вы заберете меня с собой?

Он опешил от ее вопроса.

— А ты хочешь? — спросил он, пристально изучая ее взглядом.

— Хочу, — твердо ответила Кэрол.

— Почему?

Девочка промолчала, грустно понутив голову.

— А как же мама?

— Она все равно не любит меня.

— Ты... ты, наверное, ошибаешься. Тебе только так кажется. Она твоя мама, она не может тебя не любить. Может быть, она просто не показывает своей любви...

— Вы просто не знаете, — вздохнула Кэрол.

Он в замешательстве молчал, девочка тоже не говорила больше, поняв, что он все равно не поверит или не поймет. И он не собирался забрать ее с собой. А ей вдруг так этого захотелось. С ним она бы поехала на край света.

— А твой папа? — осторожно спросил он.

— У меня нет папы.

Он снова замолчал. Из глаз Кэрол вдруг покатались крупные слезы.

— Пожалуйста... заберите меня отсюда, — взмолилась она, бросившись ему на шею. — Я не хочу здесь оставаться. Мне плохо, я никому не нужна. И я боюсь! Вы просто не знаете, какая она...

Он робко обнял ее и погладил по голове.

— Я не могу, котенок... я не могу увести тебя. Она твоя мама. Тебя все равно вернут ей, а меня посадят в тюрьму.

— Они нас не найдут!

— Найдут, — он заглянул ей в лицо и стал вытирать слезы с нежной кожи. — Она твоя мама, и она любит тебя, я уверен. Нельзя сбегать от мамы. Тем более, с первым встречным. Ты можешь попасть в беду. Ты что, всех вот так уговариваешь украсть тебя у мамы?

— Нет. Я бы ни с кем не поехала. Только с вами.

— А откуда ты знаешь, что я не причиню тебе зла? Так нельзя, котенок. Это глупо и опасно. Пообещай мне, что никогда больше не будешь так поступать.

— Хорошо... я не буду. Но вас я не боюсь. Я знаю, что вы хороший.

Он не сдержал улыбки.

— Откуда ты можешь знать?

— Знаю. У вас глаза добрые и ласковые. И вы заступились за меня. За меня никто и никогда не заступался, даже Мадлен, потому что все боятся мою маму.

Девочка вдруг пытливо взглянула на него, и в глазах ее вспыхнуло любопытство.

— Скажите... моя мама вам не понравилась?

Он покраснел, вспомнив, видимо, о том, что видела девочка.

— Твоя мама очень красивая, — смущенно пробормотал он. — Она не может не понравиться.

Девочка довольно улыбнулась.

— Вы сердитесь на меня? Не обижайтесь, я не хотела мешать.

Он спрятал глаза.

— Наоборот, я хотел поблагодарить тебя...

— Поблагодарить? Но ведь вы сами сказали, что она вам понравилась...

— Да, но... раз ты такая умная девочка, то поймешь. Видишь ли, у меня есть невеста.

Он невольно улыбнулся, заметив, как расстроилась от его слов девочка.

— Она красивее моей мамы?

— Трудно сравнивать... Они совсем разные. Но дело не в том, кто красивее, а в том, что я люблю свою невесту. И больше мне никто не нужен.

Девочка задумчиво помолчала.

— А дети у вас есть? — поинтересовалась она.

— Нет. Пока нет. Но я собираюсь жениться, и тогда обязательно появятся.

— И вы будете их любить?

— Конечно.

— Повезет им, — дрогнувшим голосом бросила Кэрол и, открыв дверь, выскользнула из кабины и ловко спрыгнула на асфальт.

— Постой! Куда же ты?

Не ответив, девочка убежала. Дотемна она просидела у могилки Мадлен, но на этот раз не пела и ничего не говорила. Просто сидела на траве, погружившись в свои невеселые детские размышления. Она думала о том, почему у нее не может быть такого папы, как этот дальнбойщик, который бы ее любил. Почему такой папа достанется кому-то другому, но не ей. О, как бы она его любила! Как бы дорожила его любовью, как была бы счастлива. Разве его дети любили бы его больше? Нет, потому что они не узнают, что такое отсутствие родительской любви, не будут в ней нуждаться. А она любила бы этого чужого человека всем своим одиноким сердцем, любила бы больше, чем родного отца. Только ее любовь ему не нужна, как не нужна никому.

Кэрол не обижалась на него. Разве может он знать, что у нее в душе, и какова ее жизнь?

Он пожалел ее, защитил, но большего дать ей он не мог. У него своя жизнь, и ей там места не было. Сознать это было горько, но она улыбалась, роняя слезы, когда думала о нем. Сердце ее наполнялось нежностью и теплом, стучало быстрее, когда она вспоминала его добрую ласковую улыбку. А потом ей вдруг пришло в голову, что он уехал, и, безумно испугавшись, что больше его не увидит, она помчалась домой. К счастью, машина его стояла на месте. Девочка постучала по кабине, и радостно улыбнулась, когда дверь открылась, и он взглянул на нее сверху сонными глазами.

— Я забыла спросить, как вас зовут! — с широкой улыбкой спросила она.

— Мэтт. А тебя?

— Кэрол! А вы что, спите?

— Ну, да...

— Здесь?! — брови девочки озадачено нахмурились. — Неудобно ведь.

— Ничего, мне не привыкать.

— Значит, вы сегодня не уедете? — с надеждой и затаенной мольбой спросила Кэрол, не отрывая от него сияющих глаз.

— Если бы был один, уехал бы.

— А, так вы не можете уехать без своих друзей?

— Да.

— А они когда собираются?

— Утром.

— И вы хотите ночевать в машине?

— Твоя мама меня выгнала.

— Но вы можете вернуться. Ведь вы заплатили. Она ничего не сможет сделать. А выставить вас силой у нее сил не хватит — вы такой большой и сильный. Может, она уже остыла, и не будет против, если вы вернетесь. Вы ей очень понравились. Она простит вас, вот увидите.

— Нет, я не пойду туда. Не хочу.

Девочка озадачено постояла на месте.

— Ну, залезай, чего стоишь? — улыбнулся он, протягивая ей руку.

Без колебаний Кэрол ухватила за его большую кисть и позволила втянуть себя в кабину.

— Я тоже не хочу туда идти. Вдруг мама еще сердится?

— Идти все равно придется.

— Я подожду, когда она пойдет спать. А пока посижу здесь, с вами, хорошо?

— Да сиди хоть до утра, лишь бы от матери опять не выхватила.

Она просидела с ним два часа, с восторгом слушая забавные смешные истории, которые он ей рассказывал. И хохотала так, как никогда еще не хохотала. Он был таким веселым и обаятельным, что окончательно покорила ее сердце. Она бы просидела с ним всю ночь, если бы он сам не отправил ее домой, проводив до самых дверей. В свете фонаря Кэрол разглядела выражение усталости на его лице, и именно это заставило ее покориться и с тяжелым вздохом войти в дом. Вернувшись в свою комнату, она обнаружила, что Кейси пропала. Клетку кто-то открыл. Девочка упала на колени и стала ползать по комнате, зовя мышку. Ее не было, Кэрол обыскала каждый уголок. Может, она выскочила из комнаты?

Кэрол готова была обыскать весь дом и ползала по холодному полу, заглядывая под мебель и в каждые щелочки в стенах. Тщетно. Найти мышку в темноте было невозможно.

Сев на лестнице, девочка предалась слезам. Потом вдруг вскочила и выбежала на улицу. На стоянке она снова постучалась в красную кабину. Дверь сразу открылась.

— Что случилось, котенок? — спросил Мэтт, глядя в детское личико. — Ты плачешь? Тебя опять кто-то обидел?

— Кейси... кто-то выпустил ее. Я не могу ее найти. Зову, зову, а она не отзывается, — всхлипнула девочка.

— Кейси? Кто такая Кейси?

— Моя мышка.

— Ну, не надо плакать, — он прыгнул на асфальт, захватив фонарик. — Давай-ка, лучше поищем. Никуда она не денется. Хорошо? Твоя мама уже спит?

Получив утвердительный ответ, он взял девочку за крохотную ручку и снова повел ее к дому. Они бесшумно переходили из одной комнаты в другую, пока Мэтт не придумал другой план. Они утащили с кухни кусочек сыра и крошили по дороге в ее комнату, а остатки положили в клетку.

— Кейси проголодается и по нашим крошкам прибежит прямо в клетку, только двери не прикрывай, — сказал Мэтт.

— Мне тогда страшно будет, — возразила Кэрол. — Оставайтесь со мной. Я уступлю вам свою постель.

— Спасибо, ты очень добрая девочка, но я не могу остаться.

— Но почему? — голос Кэрол задрожал от слез. — Пожалуйста! Я разбужу вас рано утром, пока все еще будут спать, и вы пойдете в свою машину.

Он растерянно смотрел в умоляющие, блестящие от слез глазки, не отрывающиеся от него.

— Пожалуйста, побудьте со мной...

— Ну, ладно, — он улыбнулся и потрепал ее по щеке. — Но только если ты согласишься мне принять душ. По рукам?

— По рукам! — обрадовалась Кэрол, безумно счастливая.

— А теперь, давай-ка, вернемся на кухню, малыш, я видел там много вкусного.

— Нельзя, — покачала головой Кэрол.

— Почему?

— Кухарка пожалуется матери, а та меня выпорет.

— Не бойся, малыш, я ей не позволю. Я скажу, что ты не имела к этому преступлению никакого отношения, — пообещал он и взял ее за руку. — Пошли.

Они пробрались на кухню и, не включая свет, залезли в большой холодильник. Мэтт без смущения набрал всего самого вкусного, и они лопали за столом в темноте, тихо хихикая, как злоумышленники. Кэрол чувствовала трепетное удовольствие от происходящего. Она напакостила противной кухарке, но если бы не Мэтт, она бы не решилась. Она не ощущала перед этим абсолютно чужим человеком никакого смущения и скованности. С ним было невероятно легко и приятно.

Позже они вернулись в ее комнату. Кэрол вручила ему чистое полотенце и, пока он купался, постелила постель. Потом они вместе расположились на кровати, и через несколько минут он уже спал утомленным глубоким сном. Кэрол долго не могла уснуть, слишком счастливая. Она не хотела спать, потому что когда она проснется, настанет утро, и он уедет. А ей так не хотелось, чтобы он уезжал. Робко она поцеловала его в щеку и обняла,

положив голову на грудь.

— Папа, — шепнула она и вздохнула.

Как она не сопротивлялась, сон все равно сомкнул ее веки, и она умиротворенно уснула на груди совершенно чужого человека, который за последние несколько часов стал для нее самым родным и дорогим.

Утром Кейси вернулась. Она разбудила девочку, вскарабкавшись ей на лицо. Схватив ее, Кэрол посадила мышку в клетку, и, бросив взгляд на часы, разбудила Мэтта. Тот улыбнулся ей и, тяжело вздохнув, поднялся. Пока он умывался, Кэрол оделась и выглянула из комнаты, чтобы убедиться, что еще все спят.

Осторожно она проводила Мэтта до двери. Он присел перед ней и посмотрел в лицо.

— Спасибо, котенок. Благодаря тебе я прекрасно отдохнул.

— Не за что, — улыбнулась девочка. — Ты еще приедешь?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но если буду поблизости, обязательно заеду к тебе. Но я не обещаю.

Кэрол приуныла, но принуждено улыбнулась, чтобы он не догадался, что творится в ее сердце, которое разрывалось от любви и страдания. Она ужасно боялась, что он, узнав, как она его любит, не захочет больше приехать к ней. Ведь ее любовь была ему не нужна.

— Я принесу тебе завтрак, — сказала она и убежала на кухню, чтобы скрыть свои слезы.

Никогда и никому она еще не готовила завтрак с таким усердием и старанием. Ей так хотелось ему угодить, так хотелось понравиться, чтобы он не забыл о ней и, может быть, когда-нибудь вернулся. С трудом донесла она тяжелый поднос до его машины. Увидев ее, Мэтт подбежал к ней и забрал поднос. Они вместе поели в кабине. Мэтт поблагодарил девочку, с удовольствием приняв пакет с пирожками и сэндвичами, которые она приготовила ему в дорогу.

Вернувшись на кухню, Кэрол поспешно вымыла посуду, и хотела снова пойти к Мэтту, но появившаяся Барбара помешала ей. Из страха перед матерью, которой могла пожаловаться Барбара, Кэрол с неохотой принялась за работу.

После завтрака, поданного клиентам, ей удалось улизнуть.

Мэтт со своими друзьями уже собирались в дорогу.

Кэрол стояла у двери, наблюдая, как они рассаживаются по машинам.

Заметив ее, Мэтт подошел к ней. Девочка посмотрела на него со слезами на глазах, не в силах больше сдерживать свои чувства.

— Не уезжай, — тихо сказала она, и в голосе ее было столько отчаяния, что Мэтт почувствовал себя виноватым за то, что так понравился ей, и теперь своим отъездом причинял боль этому ребенку.

— Я не могу, малышка, — мягко улыбнулся он, тронутый ее слезами. — Ты очень хорошая девочка и, честное слово, мне не хочется уезжать.

— Ты тоже очень хороший, — проговорила она.

Он вновь улыбнулся и протянул ей красивую фарфоровую статуэтку женщины.

— Возьми, это тебе от меня... на память, — Мэтт подмигнул ей, пытаясь взбодрить.

— Какая красивая, — в восхищении прошептала девочка.

— Когда вырастешь, ты будешь выглядеть такой же красивой и счастливой, как она, — подняв малышку над землей, он поцеловал ее в лоб, отвернулся и запрыгнул в машину, стараясь больше не смотреть в наполненные страданием детские глаза.

Кэрол проводила взглядом его машину, машинально вытирая слезы с лица.

Она беззвучно плакала весь день, и Элен, заметив ее слезы, не стала наказывать девочку, удовлетворившись видом ее разбитого вчера лица и посчитав, что этого достаточно.

Мэтт не обещал вернуться, но Кэрол все равно ждала, ждала долгие годы, мечтая, что дверь откроется и войдет *он*. За столь короткое время она полюбила этого человека. Полюбила и его подарок. Фарфоровая девушка представляла собой воплощение идеала женской красоты.

Вспоминая слова Мэтта, девочка с грустью сознавала, что такой красивой она не будет даже когда вырастет. Но она надеялась на второе — счастье, что когда-нибудь у нее будет, пусть не такое красивое, но такое же счастливое лицо.

Фигурку она хранила с глубокой, трепетной любовью. Образ этой полубогини счастья вселял в нее надежды на что-то сказочное и невероятное, что должно произойти в ее жизни.

Мэтт не мог ее обмануть.

Элен долго раздумывала над тем, отдавать ли дочь в школу, потом пришла к выводу, что читать и писать девчонка все равно должна научиться, поэтому решила оторвать ее на время от кухни. В школу Кэрол пошла без особой охоты, а с первого же дня учебы у нее вообще пропало всякое желание там появляться. Из-за известности Элен, ее дочь не осталась незамеченной, а репутация матери стала бичом для девочки. Ее отвергли в первый же день, все, и учителя, и дети. Первые относились с холодным презрением, вторые открыто выказывали неприязнь, называя в глаза дочерью шлюхи. Младшие повторяли за старшими, волна злословия прошла по всей школе и обрушилась на Кэрол со всей человеческой ненавистью и отвращением, навсегда отбросив от общества, которое отказалось ее принять. Родители не разрешали детям общаться с ней, считая, что ребенок, живущий в притоне со шлюхами, среди разврата и грязи, может научить только плохому других детей, отрицательно на них повлиять. А никто не желал рисковать нравственным воспитанием своего чада. К тому же, водить дружбу с дочерью опустившейся женщины, потаскухи, было унижительно, не достойно — Кэрол поняла это сразу, жестоко раненная таким отношением. Она не пыталась преодолеть пропасть, которую воздвигли между нею и собой люди, не пыталась приблизиться к ним, оставаясь там, куда они ее отбросили. Она никогда и не с кем не заговаривала первая, на обиды и оскорбления детей отмалчивалась, скрывая свою боль и слезы, держалась всегда в стороне, в одиночестве. Она понимала, почему так происходит, но не могла понять, в чем ее вина перед этими людьми, чем она лично заслужила их неприязнь и жестокость. Она превратилась в изгоя, в объект для издевательств и насмешек, презрения и отвращения только потому, что была дочерью Элен и жила с ней. Но разве она могла выбирать? Почему люди не хотели понять, что она всего лишь ребенок, несчастный ребенок, которому нужна была помощь? Неужели они не понимали, что своим отношением ломали ее, уничтожали в самом начале жизни, топча, как едва зародившийся побег крохотного стебелька?

Девочка не говорила об этом с матерью, зная, что той все равно. Когда Кэрол заикнулась о том, что не хочет посещать школу, и попыталась объяснить причину, Элен даже слушать ее не стала, пригрозив тем, что отдаст ее клиентам, если она будет отлынивать от занятий. Пегги украдкой пожалела девочку, посоветовав игнорировать всех, кто ее обижает, учиться, получить образование и уехать, чтобы начать другую жизнь.

— Учись, малышка, — сказала ей Пегги. — Это твой единственный шанс вырваться отсюда, если ты не хочешь жить так, как твоя мать и мы...

И Кэрол поняла, что она права. Поняла, что никто не поможет ей устроиться в этом мире. Девочка не хотела быть такой, как мать, жить, как она. Догадывалась, какую участь уготовила для нее Элен, участь, от которой хотела спасти ее Мадлен и не успела. Мать сделает из нее проститутку. Кэрол приняла решение окончить школу, чего бы ей это не стоило, и сбежать из этого города, устроиться на работу, чтобы выжить. И, скрепя сердце и глубоко страдая, она продолжала посещать школу, проявляя такое усердие в учебе, которое в детях ее возраста обычно отсутствует. Серьезным взрослым взглядом наблюдала она за

веселой беспечностью, наивностью и непосредственностью одноклассников, находя их игры и шалости нелепыми и глупыми. Стоически сносила их жестокие нападки и издевательства, упрямо терпела, и лишь наедине с собой горько плакала, с каждой новой обидой ненавидя всех все сильнее. С ее ненавистью и обидами росли злость и негодование, которые с каждым днем становилось все труднее сдерживать. Настал момент, когда они взяли над ней верх, вырвавшись из ее израненного сердца.

В тот день две девочки, которые проявляли к ней особую неприязнь и больше всех ее травили, положили ей на стол записку с глупым ультиматумом, порожденным их жестокими детскими умами. «Или рабство, или война», — прочитала Кэрол. Эти девочки были сестрами-близнецами, Кейт и Мэг Блейз, разбалованные, капризные, считающими, что им все дозволенно. Дочери богатой и влиятельной четы, жившей в огромной роскошном особняке. Родители их были властными, надменными и жестокими, девочки были еще хуже, привыкшие подавлять, унижать, распорядиться. Кэрол являлась их излюбленным объектом для издевательств. Мысль о том, чтобы сделать из нее свою рабыню, заставить беспрекословно выполнять все, что они пожелают на забаву им и всем остальным, показалась, видимо, сестрам довольно интересной.

После занятий на школьном дворе Кэрол встретила толпа учеников во главе с сестрами Блейз.

Кэрол остановилась, понимая, что убегать бесполезно. Сердце ее взволнованно колотилось, руки нервно дрожали от переполнявшей ее злобы. Стиснув челюсти, она прижала сумку к груди и отважно посмотрела на своих мучителей, пытаясь не выказывать страха. Спокойно наблюдала она, как ее окружают, преграждая всякие пути к отступлению. Кейт подошла к ней.

— Стань на колени, шлюха! — презрительно бросила она. — Признай себя моей рабой, и я позволю тебе общаться с нами.

— Я не хочу с вами общаться, — процедила сквозь зубы Кэрол, впиваясь ногтями в сумку. — И я не шлюха!

— Тогда мы объявляем тебе войну, подстилка! — пропищала Мэг Блейз из-за спины сестры. — Такой, как ты, не место в нашей школе и в нашем городе!

— Почему? — невольно вырвалось у Кэрол. — Что я вам всем сделала? За что вы меня ненавидите?

— Видишь ли, ты — мусор, отброс, засоряющий общество, как говорит мой папа. От мусора нужно избавляться, чтобы самим не загадиться.

— Я мусор? — чуть слышно выдавила Кэрол.

— Мусор! Мусор! — завопили насмешливо со всех сторон. — Какашка! Говно!

— Тихо! — властно оборвала Кейт ребят и снова посмотрела на Кэрол. — Ну, признай, что ты мусор. Признай и раскайся. Попроси пощады, и мы примем тебя. На колени.

Кэрол не шевелилась, застыв на месте, бледная, с горящими от ярости глазами. Схватив ее за руки, Кейт попыталась поставить ее на колени.

— Вниз, гадина, в ноги — там твое место!

Вырвавшись, Кэрол резко вскинула сумку и обрушила ее на Кейт, завопив от бешенства.

— Я не мусор!

Сзади ее кто-то схватил за волосы, сумка была вырвана из ее рук. Взъярившиеся сестры набросились на нее, толпа расступилась, завизжав от восторга. Драка была жуткой. Кэрол не умела драться, да и силой не отличалась, но так разозлилась, что и сестрам досталось. У Мэг

она вырвала большой клочок волос, а Кейт сломала палец. Но все же их было двое. Остальные не вмешивались.

Позже, когда все разошлись, Кэрол осталась лежать на лужайке, побежденная и избитая. Поднявшись, она села на бордюр и прижала пальцы к разбитому носу, чтобы задержать бежавшую кровь, но лишь размазала ее по лицу и рукам. Сжавшись в комочек, она дрожала, сдерживая рвущие грудь рыдания, изо всех сил стараясь не заплакать, и ничего не видя перед собой из-за пелены слез.

Внезапно перед глазами замелькал невесть откуда появившийся платок.

— Возьми, — прозвучал над ее головой незнакомый голос.

Подняв голову, Кэрол увидела перед собой чернокожего мальчика, который присвистнул и забавно сморщился при виде ее разбитого лица. Кэрол непонимающе смотрела на него.

— Бери же! — нетерпеливо повторил мальчишка, взмахнув платком у самого ее носа.

— Спасибо, — удивленно прошептала девочка и приняла платок, который мгновенно выпачкала в кровь, вытирая лицо.

Присев рядом на бордюр, мальчишка наблюдал за ней.

— Ты молодец, что не уступила этим сиамам, — сказал он, под словом «сиамки», очевидно, имея ввиду — сиаамские близнецы. — В жизни не видела таких противных девчонок!

Кэрол в изумлении взглянула на него, поняв, что перед ней не мальчишка, а девчонка. Или этот сорванец подшучивает над ней? Потертые джинсы, майка, бейсбольная кепка, кроссовки, мальчишеский рюкзак — поверить в то, что это девочка, было трудно. Заметив ее замешательство, мальчик — или девочка — звонко рассмеялся.

— Ты мальчик... или девочка? — настороженно спросила Кэрол.

— Мальчик! — весело отозвался тот. — Только бог по ошибке дал мне тело девчонки.

— Как это? — не поняла Кэрол.

— Да вот так! — тяжкий вздох. — Я Эмми. Вставай, нечего раскисать.

И странная девочка протянула ей руку, помогая подняться. Кэрол удивленно и настороженно смотрела на нее, не понимая, что хочет от нее эта девочка, что скрывается за ее приветливостью, в которую Кэрол не верила, ища подвох.

— Сильно досталось? — ухмыльнулась девчонка, разглядывая ее разбитое лицо и порванную одежду. — Кости целы, не сломали?

Кэрол отрицательно качнула головой, не отводя от новой знакомой подозрительного взгляда.

— Тогда все нормально! Синяки — это ерунда! — пренебрежительно махнула рукой Эмми. — Со мной случалось и похуже. Что ж, дорогуша, я тебе скажу, что драться ты ни фига не умеешь. А в драки все равно лезешь. Молодец, уважаю смелых. Одна против двух, да еще и с успехом, можно сказать — Кейт в травмпункт увезли гипс накладывать на нежный маленький пальчик, жаль, что сестрице ее повезло больше.

Эмми подняла свой большой велосипед, который Кэрол не заметила, во все глаза разглядывая чернокожую девчонку.

— Садись, — бросила та небрежно. — Я отвезу тебя домой. Да что ты на меня так пялишься? Не собираюсь я тебя обижать, не бойся. Довезу только домой, а то неважно ты выглядишь.

— Спасибо, но я сама доберусь.

— Послушай, Мэтчисон, я не люблю, когда мне перечат. Сказала, садись — значит садись.

— Ты меня знаешь?

— Конечно, еще б не знать. Ты в нашей школе знаменитость, можно так сказать, — девчонка хмыкнула.

Кэрол помолчала, грустно понутив голову, зная, что слава у нее такая, что врагу не пожелаешь. Потом снова подняла взгляд на девчонку. Та, придерживая велосипед, наблюдала за ней и ждала, когда она, наконец, решится согласиться на ее предложение.

— Ну, поехали? — нетерпеливо спросила она.

— Ты знаешь, кто я, и... хочешь отвезти меня домой? — не могла поверить Кэрол.

— Да.

— Почему? — недоумевала Кэрол, шокированная неожиданной дружелюбностью этой девочки.

Та бросила на нее удивленный взгляд.

— Потому что тебя побили, и ты себя плохо чувствуешь, я знаю. А еще потому, что ты мне нравишься.

— Я?! — поразилась Кэрол.

— Ты.

Кэрол недоверчиво смотрела на нее. Она уже свыклась с мыслью, что ее презирают и ненавидят, что она просто не может нравиться. Все считают ее «мусором», как выразилась Кейт Блейз, и вдруг какая-то странная девчонка, которую она видит впервые в жизни, заявляет, что она ей нравится? Наверное, она смеется, издевается.

Заметив ее сомнение, Эмми неожиданно рассмеялась.

— Мне понравилось то, что ты не уступила этим сиамам, не струсилась. Не слушай никого. Те, кто обижают тебя — дураки, они ничего не понимают. Ты ничем не хуже других, и молодец, что пытаешься за себя постоять. Я научу тебя драться. Я умею. И тогда ты сможешь надрать задницу каждому, кто тебя обидит. А пока это могу делать за тебя я.

— Спасибо, — только и смогла сказать Кэрол.

— Садись и показывай, где живешь. Я плохо знаю город, мы недавно переехали сюда.

Повесив сумку за спину, Кэрол пристроилась на багажник велосипеда, и ее новая знакомая резко рванулась с места, отчего Кэрол едва не свалилась на асфальт.

— Держись! — бросила через плечо Эмми. — Я люблю ездить быстро!

Кэрол крепче ухватилась за велосипед, чтобы не упасть. Эмми довезла ее до самого дома и, казалось, ни чуть не устала. По дороге она рассказала, что ее отец военный, и его перевели сюда. По ее словам, их семья все время переезжает с места на место, и за свои десять лет она, Эмми, уже пол мира объехала. Последнему Кэрол не очень-то поверила, но девчонка ей очень понравилась, и она заворожено и с восторгом ее слушала. Эмми показалась ей очень интересной и забавной. И необычной. Не такой, как все. Не только из-за внешности, не соответствующей полу, и того, что она единственная, кто проявил к ней симпатию. Эта девочка, так похожая на мальчишку внешне и поведением, почему-то сразу притянула к себе Кэрол, пришлась по душе, очаровала. Как Мэтт когда-то.

Когда она умчалась, помахав на прощание рукой, чувство одиночества, как никогда раньше, сдавило сердце Кэрол. Она вдруг почувствовала, как ей хочется иметь друзей. Или хотя бы одного друга. Кого-то, кто не отвергал бы ее, не презирал, относился к ней иначе, чем другие. С кем она могла бы поговорить, посмеяться. Но никто не хотел с ней дружить.

Ее считали мусором, отбросом. Водиться с ней было бы стыдно, унизительно. Того, кто осмелился бы с ней дружить, засмеяли, затравили бы также, как ее.

Проводив Эмми тоскливым взглядом, Кэрол вздохнула и вошла в дом, думая о том, что завтра эта девочка к ней даже не подойдет и будет обходить стороной, словно прокаженную, как делали все. Что ж, Кэрол была благодарна и за то, что она проявила к ней сочувствие, и на большее и не рассчитывала. Она подумала о том, что совсем не обидится, если завтра Эмми отвернется от нее, сделав вид, что не знает ее и знать не хочет. Ничего другого она и не ждала.

Элен и остальные кумушки, расположившиеся в холле на диване, вытаращили глаза, увидев побитую девчонку.

— Проблемы в школе, Кэрол? — спокойно и даже равнодушно поинтересовалась Элен.

— Все нормально, мам, — отозвалась девочка.

Когда утром Кэрол посмотрелась в зеркало, она испугалась собственного отражения. Побитое лицо опухло, по скуле расплылся огромный фиолетовый синяк. На ее счастье, был выходной, и занятий в школе не было. Стоило ей выйти из комнаты, как отовсюду слышались смешки, даже мать ее подковырнула. Забрав свой завтрак, девочка закрылась в своей комнате. Не успела она и крошки съесть, как вдруг что-то стукнуло по стеклу. Открыв окно, Кэрол осторожно посмотрела вниз. Сердце ее захолонуло от восторга и радости, когда она увидела Эмми, которая улыбнулась ей и весело замахала руками.

— Можно к тебе? — крикнула она.

— Конечно, я сейчас... — Кэрол осеклась, когда Эмми проворно закарабкалась к ней по многолетнему плющу, опутывающему стену дома.

— Эмми... Осторожно, не упади.

Та самоуверенно засмеялась в ответ, и вскоре благополучно доползла до окна и влезла на подоконник.

— Привет! — она ослепила Кэрол широкой белозубой улыбкой. — О-о, как тебя... — она раздула щеки. — Болит?

— Да нет, — соврала Кэрол.

Эмми бросила взгляд ей за спину и, резко вскрикнув, бросилась к тарелке с завтраком, стоявшей на постели.

— А-а, смотри, твою картошку крыса жрет! — она запрыгала на месте, расхохотавшись.

— Не тронь ее, — испугалась Кэрол. — Это Кейси, моя мышка.

— Твоя? Это вместо кошки или собаки, что ли?

— Да, наверное. Собаку мама не разрешит, — Кэрол тяжело вздохнула, присев на кровать.

Эмми примостилась рядом.

— У меня есть собака, овчарка немецкая, Спайк, — с гордостью похвасталась она.

Заметив грусть на лице Кэрол, девочка мягко улыбнулась.

— Если хочешь, то давай это будет наша собака, моя и твоя. Хочешь?

— Правда? — не поверила Кэрол.

— Конечно. Завтра сбегает ко мне, и ты обязательно с ним познакомишься и подружишься. Спайк веселый и очень умный.

Весь день они провели вместе. Никогда Кэрол еще не было так хорошо, как тогда, рядом

с Эмми.

Эмми была шумной озорной девчонкой, к тому же такой хохотушкой, что не смеяться с ней было просто невозможно. Она всегда была одета в джинсы или шорты, а ее на коротких кучерявых волосах постоянно была надета бейсболка козырьком назад. Новая подружка Кэрол была смуглой мулаточкой с очень миленьким, хорошеньким личиком, с огромными черными глазами, маленьким носиком и вечно улыбающимися полными губками.

К безумной радости Кэрол, Эмми продемонстрировала желание дружить с ней. Они вместе стали ездить в школу, вместе возвращались домой, вместе делали уроки. Эмми катала Кэрол на спортивном велосипеде, который, как и пес Спайк, был всегда при ней. Спайк ходил за ними по пятам, девочки брали его с собой даже в школу, где он ждал их у дверей.

Как-то раз близнецы Кейт и Мег снова попытались устроить засаду, но Спайк заступился за своих подружек, заставив девчонок удариться в бегство.

Но вражда между ними завязалась не шуточная, это понимали обе стороны. Настоящая война — девочки делали друг другу всевозможные гадости, строили планы «военных действий».

Сестры отличались удивительным коварством в свои еще сопливые годы. Не понятно, каким образом, они настраивали против Кэрол и Эмми учителей, ловко проделывали всякие подлости, порой доставляя крупные неприятности. И во всех стычках, для окружающих Кейт и Мэг оставались хорошими невинными девочками, а Кэрол и Эмми — злыми и завистливыми фуриями, не оставляющими несчастных малышей в покое.

Не редкостью было и то, что свои низкие проделки сестры сваливали на Кэрол и Эмми, переводя все удары на них.

Забавная игра в войну превратилась в нечто жуткое.

С каждым днем, оставаясь безнаказанными, сестры смелели и вкладывали в свои проказы все больше жестокости и зла.

За лето Кэрол и Эмми настолько привязались друг к другу, что и часа не могли провести врозь. Кэрол полюбила подружку так, как никогда никого не любила.

Взбалмошная и энергичная, Эмми никогда не позволяла ей скучать.

Благодаря ей, Кэрол научилась смеяться и перестала замыкаться в себе.

Она настолько доверяла Эмми, что даже рассказала ей тайну о смерти Мадлен. Теперь они вместе бегали на могилку старушки и пели ей песенки.

Постоянными их спутниками были Кейси и Спайк.

Еще ранней весной девочки набрали на какой-то заброшенный сарай. Кроме крыс, в него давненько не заглядывала ни одна живая душа. Снаружи он весь оброс плющом, а внутри — паутиной и мхом.

— Давай уйдем отсюда, — проговорила Кэрол, робко заглядывая в дверь. — Здесь страшно.

— Здесь клево! — возразила Эмми, уже осматривая сарай. — Послушай, трусишка, у меня потрясающая идея!

Кэрол опасливо покосилась на нее, зная, что все ее идеи были потрясающими и действительно потрясали своим сумасшествием.

— Ты хочешь его подпалить? — предположила Кэрол.

— Нет, жечь его не интересно, ведь он никому не нужен. Здесь будет наш штаб.

— А что такое штаб? — не поняла Кэрол.

Эмми закатила глаза, поражаясь ее скудным знаниям.

— Этот сарай теперь будет как бы нашим домиком. Только мой и твой. Понятно? Но никто не должен знать о нем, это будет наш секрет. Здесь нас никто не найдет.

Кэрол вынуждена была признать, что идея действительно потрясающая. Они вычистили сарай, приведя его в порядок. Очевидно, здесь даже кто-то когда-то жил. Посреди комнаты, если можно так назвать, стоял старый потрескавшийся дубовый стол, рядом — два не менее древних стула, а в углу, заваленный грязным тряпьем, прятался довольно хорошо сохранившийся диван.

Прибирая, девочки нашли изящную керосиновую лампу.

— В ней наверняка живет злой джинн, — предположила Эмми.

— Почему злой? — не согласилась Кэрол.

Эмми пожала плечами.

— Так интереснее. Мы натравим его на сиамок.

На крыше был еще и маленький чердак, но Кэрол не решилась подняться туда. Эмми залезла на него одна и долго там копалась, время от времени зовя подружку. Не выдержав, Кэрол поднялась к ней. Там было темно и страшно, но рядом с Эмми она ничего не боялась. Самое интересное, что они там обнаружили — это большой кожаный чемодан.

Девочки стащили его с чердака и положили на стол. Чемодан был покрыт густым слоем пыли и опутан паутиной. Сгорая от любопытства, Эмми сразу же открыла его. Из него вдруг выскочил огромный паук, заставив Кэрол запищать. Эмми молниеносно размазала его по столу рукой

Кэрол всплеснула руками.

— Зачем ты его убила?

Эмми в немой ярости посмотрела на нее.

— Тебя не поймешь! То визжишь, как резанная, то — «зачем ты его убила»! Странная ты, однако, — она заглянула в чемодан.

В нем были какие-то жуткие маски и странное подранное барахло. От масок Эмми пришла в восторг.

— Вот это находка, Кэрол! — радовалась она, одевая маску. — Ну, как?

— Страшно, — покачала головой Кэрол.

— Мы можем ночью пугать на кладбище сторожа! — ликовала Эмми.

У Кэрол от ее слов волосы дыбом встали.

— Ночью... На кладбище?! — она посмотрела на Эмми, как на сумасшедшую. Но та никогда не замечала таких взглядов, и продолжала копаться в чемодане.

— Это еще что такое? — она вертела в руках какой-то предмет, завернутый в большой яркий, похожий на цыганский платок. Развернув его, девочки обнаружили толстую потрепанную книгу.

Скривившись, Эмми с презрением бросила ее на стол. Она терпеть не могла книги. Пока она делала осмотр оставшегося в чемодане содержимого, Кэрол без особого интереса заглянула в книгу. Прежде всего, ее удивила дата выпуска — 1801 год.

— Эмми, этой книге больше ста с половиной лет, — заметила она.

— Ну и что? Зачем нам это барахло? Хотя... — Эмми задумалась. — Это антиквариат, может нам за нее дадут пару баксов. Дай-ка взглянуть, — она присела на уступленный подругой стул и подвинула книгу поближе.

Упершись ладонью в коричневую щеку, она стала листать страницы, читая заголовки:

— «Избавление от недуга при помощи Белой магии». «Избавление от недуга при помощи Черной магии»... — она пролиставала дальше. — «Вызов душ умерших из потустороннего мира». «Общение с духами». Ого, становится интереснее! — в восторге вскрикнула она, не отрываясь от книги.

— «Поклонения дьяволу. Заповеди зла».

— Хватит, Эмми! Это плохая книга, — перебила Кэрол. — Давай положим ее туда, где она лежала, и уйдем отсюда.

— Глупости! Это самая лучшая книга из всех книг в мире! Обожаю подобные вещи!

— Здесь одно только зло... и о дьяволе пишут. Мадлен говорила, что его надо бояться, потому что он очень плохой.

— Ничего он не плохой, у него просто свой взгляд на мир. Ладно, пошли домой, а то тебе опять влетит от матери, — она закрыла чемодан и взяла книгу под мышку.

— Ты возьмешь ее с собой? — ужаснулась Кэрол.

— А почему нет? Я хочу ее почитать. Ничего мне эта книга не сделает.

— Я боюсь ее.

— Ты прислушайся, что ты говоришь — ты боишься какой-то книги. Еще не появилось на свете то, чего бы ты не боялась. Нельзя так! Ничего не нужно бояться, никогда, поняла? — Эмми с любовью посмотрела в ее ясные глаза и, вздохнув, обняла. — Тебя куры заклюют. Как ты дальше будешь жить? Но ничего, я всегда буду с тобой и защищу от любого.

— Я постараюсь измениться, я хочу быть такой же смелой и сильной как ты.

— Тогда мы с тобой весь мир на уши поставим. Подожди, Кэрол, вот только подрастем.

Это была мечта Кэрол — вырасти и навсегда уехать отсюда, чтобы никогда отныне не переступить порога дома, в котором росла и который ненавидела всей душой.

Это лето было одно из самых счастливых пор в ее жизни. Его ничто не омрачало. Даже мать. Элен нашла себе дружка, который поселился у них и, полностью поглощенная его особой, даже не вспоминала о дочери.

Кэрол это вполне устраивало. Дружок матери, смазливый красавчик с какими-то женственными чертами лица, отталкивал Кэрол, но он относился к ней равнодушно и редко обращал на девочку внимание. Она отвечала ему тем же, и их обоих такие отношения вполне устраивали.

Кэрол могла целыми днями гулять с Эмми. Мать даже перестала заставлять ее работать. О, если бы так было всегда!

Как-то, разыскивая снадобья для заклинаний Эмми, девочки лазили по кладбищу и стали свидетелями одной трагической картины. Небольшая кучка людей окружила два больших гроба, усыпанных цветами. Рядом зияли две глубокие могильные ямы...

— Пойдем отсюда, — сказала Кэрол, отворачиваясь, но Эмми ее одернула.

— Ты что? Давай посмотрим — интересно.

— Нет, — замотала головой Кэрол, отступая назад. — Я никогда не была на похоронах, даже когда Мадлен умерла.

— Почему? — изумилась Эмми.

Кэрол потупила взор.

— Я мертвых боюсь.

— Как ты можешь их бояться, когда ты никогда их не видела?

— Мадлен все время мне снилась мертвая.

— Потому и снилась, что ты не пришла на ее похороны — обиделась, что не

попросилась. И эти, — она кивнула в сторону гробов, — тоже будут сниться, если не посмотрим. Знаешь, что надо делать, чтобы покойники не снились?

— Что?

— В книге я прочитала, что надо подержать покойника за пятку.

Глаза Кэрол на лоб вылезли. Она слепо доверяла Эмми и верила в каждое сказанное ей слово. А у той язычок шаловливый был.

— Пошли, подойдем поближе, — Эмми потащила ее за собой к похоронной процессии.

— Эмми, — зашептала Кэрол жалобно. — А есть другой способ, чтобы покойники не снились?

— Есть. Нужно присутствовать при захоронении, — отозвалась та.

— А давай поприсутствуем как-нибудь подальше, — взмолилась Кэрол.

— Нет, так не подействует, надо как можно ближе.

Прячась за надгробьями, девочки подошли к людям и остановились от них метрах в десяти. Выглядывая из-за мраморной плиты, они разглядывали и людей, и гробы, горя желанием узнать, кто в них. Присутствовало пять взрослых: один мужчина, три женщины и маленькая старушка с покрасневшим от рыданий носом. Резко выделялись девочка лет десяти и маленький, удивительно красивый мальчик. Они стояли, обнявшись, и неотрывно смотрели на гробы. Из огромных ярко-синих глаз мальчика текли слезы, он трогательно прижимался к девочке, которая дрожащей рукой успокаивающе гладила его по голове.

Кэрол заметила, как Эмми долго смотрела на них, затем вдруг поднялась и схватила ее за руку.

— Пошли отсюда.

Когда она повернулась, Кэрол увидела на ее щеке слезу...

Прошла неделя, прежде чем они снова встретили этих девочку и мальчика, что произошло совершенно неожиданно. Они с Эмми катались на велосипеде, когда увидели сестер Блейз, которые кого-то увлеченно молотили. Вынув свою рогатку, Эмми пульнула из нее в одну из сестер.

— Эй, сямки! Опять вы над кем-то издеваетесь?

— Катитесь своей дорогой, жених с невестой, — отозвались те.

Из-за того, что Эмми выглядела, как мальчик, сестры постоянно дразнили их, называя влюбленной парочкой. Кэрол это задевало, Эмми — нисколько.

Она сползла с велосипеда и демонстративно сдвинула кепку козырьком назад, что было ее вызовом к драке.

— Эмми, может, не будем? — тяжело вздохнула Кэрол. — Они мне уже так надоели!

— Поэтому их надо отмутузить! — Эми, нагнув голову вперед, бросилась на сестер. — Кейт моя!

Видя, как Эмми завалила Кейт, Мэг сама накинулась на Кэрол. Та, благодаря Эмми, научилась отлично драться, к тому же стала уже привыкать к этому. Схватка окончилась тем, что сестры, задыхаясь от ярости, дали стрекоча. Физически они были слабее, но наносили удары куда посильнее своей подлостью.

Когда сестры исчезли, девочки переключили свое внимание на их жертву. Они уже давно узнали в ней ту девочку, что была на кладбище.

— Ты в порядке? — деловито осведомилась Эмми.

— Да, спасибо, что заступились, — улыбнулась она.

Эмми зарделась.

— Всегда к твоим услугам, красотка.

— А за что они тебя били? — спросила Кэрол.

— Да так... Ни за что. Я сирота, и они в этом нашли что-то порочное, достойное наказания.

— Дуры! — сплюнула Эмми.

— Так на прошлой неделе ты хоронила родителей? — вырвалось у Кэрол. Девочка кивнула.

— А почему они умерли?

— Разбились на машине, — девочка опустила голову с помрачневшим лицом, вытирая глаза.

Минуту Эмми пристально смотрела на нее, затем вдруг сказала:

— Хочешь с нами дружить? Мы будем защищать тебя от сиамок. Да, Кэрол?

Кэрол молча кивнула. Девочка подняла на них глаза.

— Хочу, вы мне нравитесь, — просто ответила она. — Меня зовут Даяна, — она с восхищением посмотрела на Эмми. — Ты такой храбрый!

Кэрол прыснула со смеху, Эмми же приподняла бровь.

— Спасибо. А ты очень красивая.

Даяна покраснела.

— Как тебя зовут?

Эмми подняла свой велосипед.

— Зови меня просто Эм.

Даяна не скоро узнала, что Эм — это Эмми. Проказнице понравилось играть эту комедию, Кэрол, как всегда, ее во всем поддерживала. Они познакомились с братом своей новой подруги, тем самым красивым мальчиком с серебряными волосами и ярко-синими глазами. К тому же он оказался таким обаятельным, что и Эмми, и Кэрол были очарованы им с первого взгляда. Это чудо звали Тимми. Он без колебаний был принят в их компанию, хоть и был еще мал. Даяна тоже была красивой девочкой, с такими же большими синими глазами и длинными роскошными волосами, отливавшими серебром. Ее внешность, возможно, и являлась причиной неприязни сестер Блейз.

Кэрол в душе только восхищалась ею и немножко беззлобно завидовала. Эмми же на внешность не обращала никакого внимания, ни на ее, ни на чью-либо другую. И Даяна нравилась ей своей собачьей преданностью, добротой и скромностью, и даже Тимми был намного хитрее своей простоватой сестры. Но Эмми нравились наивные бесхитростные люди, поскольку сама была полной противоположностью.

Они собирались по вечерам в своем сарайчике, и Эмми рассказывала им такие истории, что девочки боялись потом возвращаться домой. Эмми получала огромное удовольствие, видя, как ее слушают с открытыми ртами, с ужасом в глазах и непоколебимой верой на лицах.

Однажды Эмми стащила у отца фотоаппарат, чтобы всем вместе сфотографироваться. Она попросила прохожего парня снять их на пленку. А потом принесла фото и дала каждому. Фотографии получились потрясающие: девочки стояли в полный рост, обнявшись, по середине была Эмми, выделяясь своей темной кожей рядом с белокожими девчонками, на лице ее навеки запечатлелась ослепительная озорная улыбка; слева от нее нежно улыбалась Даяна, справа стояла Кэрол с Кейси на плече; у их ног присел Тимми, обнимая

Спайка. Вся команда в сборе. Все вышли отлично, естественно, такими же, как в жизни. На лицах светилось счастье и искренняя привязанность друг к другу.

— Мы никогда не расстанемся, — сказала Кэрол, разглядывая снимок. — Мы всегда будем вместе, как на этой фотографии.

— Да, — подтвердил Тимми. — У меня была одна сестра, теперь аж три. У меня никогда не было собаки, теперь — есть, — он погладил Спайка. — Я боялся мышей, а сейчас не боюсь, — он поцеловал Кейси в пушистую головку. — Теперь я их люблю. И вас всех люблю, вы хорошие.

— Мы тебя тоже любим, — улыбнулась Эмми. — Наша дружба никогда не оборвется. Мы будем дружить даже когда вырастем. И наши дети тоже будут дружить.

— Кэрол, а можно, когда я стану высоким и красивым, я на тебе женюсь? — робко спросил Тимми.

— На мне... почему? — растерялась та под хохот девчонок.

— Потому что ты красивая, — немного подумав, он добавил. — И добрая. Можно?

— Хорошо, Тимми, когда вырастем, обязательно поженимся, — пообещала Кэрол.

С тех пор мальчик всем подряд говорил, что Кэрол будет его женой. Та поняла, что так просто от своего обещания ей не отделаться. Да и не видела в этом причин. Не всегда же Тимми будет маленьким мальчиком, едва достающим ей до подбородка. Иногда Кэрол долго смотрела на него украдкой, пытаясь представить, в какого потрясающего мужчину преобразится этот красивый очаровательный мальчик. И, может, ей действительно суждено стать его женой.

Все лето они бегали на небольшой пруд купаться. Только один Тимми никогда не заходил в воду, у него был панический страх перед водой. Как девчонки не пытались заставить его пересилить страх — все бесполезно. Пока девчонки резвились в пруду, он играл с Кейси или Спайком, который тоже любил немного поплавать, пока не уставал.

Как-то они надумали сбежать на пруд с ночевкой. Набили рюкзаки едой, а Эмми притащила палатку. Уже холодало, и они решили посетить пруд в последний раз в этом году, и тем самым распрощаться с летом. Искупавшись, девчонки вылезли из холодной воды на берег синие и трясущиеся. Чтобы согреться, они стали гоняться друг за другом. Тимми присоединился к ним, но быстроногие девчонки оставили его позади. Спайк умчался с ними.

Тимми вернулся к берегу, ища Кейси. И вдруг он увидел ее на самом краю берега. Бульк...

И Кейси упала в воду. Испугавшись, что мышка утонет, Тимми бросился в воду, совершенно забыв, что боится ее. Он умел плавать, а бояться рек стал после того, как на его глазах утонул один мальчик.

Когда над его головой сомкнулась холодная вода, Тимми обуял ужас, он рванулся вверх, случайно вздохнув и втянув в легкие воды. Перестав барахтаться, мальчик пошел ко дну.

Что-то заставило Даяну обернуться и посмотреть туда, где до этого стоял Тимми..

— Тимми! — позвала она и, не получив ответа, рванулась к берегу с диким воплем. — Тимми!!!

Эмми быстро обогнала ее и, не останавливаясь, прыгнула с берега в воду, скрывшись с поверхности.

Кэрол и Даяна, парализованные ужасом, застыли на берегу, не отрывая глаз от темной

воды.

Вынырнув, Эмми громко закричала:

— Тимми!

Молчание. Жуткое молчание.

Кэрол почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Эмми беспомощно вертелась в воде, не зная, где искать. Даяна упала на землю, зарыдав. Кэрол не могла пошевелиться, прирастая к берегу. Внезапно она расслышала тихое поскуливание. Услышала и Эмми.

Невдалеке барахтался Спайк, что-то держа в зубах. Он пытался плыть, но только все чаще уходили под воду, выныривая вновь и вновь и таща за собой что-то, что тянуло его под воду.

— Кэрол, это Тимми! — закричала Эмми, бросившись к собаке. — Держи его, Спайк, мы идем!

Кэрол схватила Даяну, подняв с земли.

— Скорее, прыгай! — и, толкнув ее в воду, прыгнула следом.

Придя в себя, Даяна быстро загребла к Спайку и Тимми.

Общими усилиями девочки вытащили мальчика на берег и положили на спину. Он не дышал.

— Он умирает, Господи, он умирает! — вопила Даяна в истерике. — Сделайте что-нибудь!

— Я знаю, — отозвалась Эмми. — Кэрол, нас в школе учили, помнишь? Помоги мне...

Упершись руками в грудь мальчика, они резко надавили. Еще, и еще...

Зажав Тимми ноздри, Эмми прижалась к его посиневшим холодным губам. Из рта мальчика вырвалась вода и, закашлявшись, он приоткрыл глаза.

— Получилось! — выдохнула Эмми с восторгом и облегчением одновременно, и темное лицо ее озарилось сверкающей белоснежной улыбкой.

Девчонки набросились на ничего не понимающего мальчика, обнимая. Затем Эмми прижала к груди тяжело дышавшего пса, целуя в мокрую морду.

— Умничка ты мой! Золотко!

Отойдя от шока, дети стали обнимать собаку, громко восхищаясь и благодаря. Где-то рядом запищала забытая всеми виновница произошедшего Кейси.

Вскоре начались занятия в школе.

И снова пришлось сталкиваться с сестрами Блейз. Без этого и дня не обходилось. И все больше Кэрол удивлялась их жестокости. У сестер откуда-то появился огромный черный ротвейлер, который постоянно ходил за ними, нагоняя ужас не только на детей, но и на взрослых. Поговаривали, что он уже покусал несколько ребят, но те почему-то упрямо отрицали, что это сделала собака Блейз.

Теперь только одно упоминание о сестрах и их собаке с жуткой кличкой Убийца вызывало в глазах детей страх. Все обходили их стороной, боясь, что сестры натравят свое чудовище. А Кейт и Мэг упивались тем, что вызывали страх. Чтобы сильнее надавить на психику, они стали одинаково одеваться во все черное, пытаясь выглядеть мистично со своей черной собакой. И действительно, это действовало на психику детей.

Случилось так, что Кэрол с друзьями столкнулись с ними, и сестры, вспомнив, как Спайк прогонял их, заступаясь за своих хозяев, натравили на него Убийцу. Два сильных молодых пса сцепились с жутким рычанием в смертельной схватке. Но ротвейлер был

сильнее немецкой овчарки. Истекая кровью, Спайк отчаянно защищался.

Сестры Блейз верещали от восторга. Кэрол и Даяна с ужасом наблюдали за дракой, Тимми тихо плакал. А Эмми бегала вокруг собак с палкой, пытаясь разнять. Пару раз ей удалось ударить Убийцу.

— Не лезь! — пытались остановить ее сестры.

Разъяренная, Эмми, размахивая палкой, набросилась на них.

— Ах вы сучки проклятые! Отгоните своего выродка, он же убьет моего Спайка! — вопила она.

На крики сбежались люди, но никто не хотел помочь бедному Спайку.

Какой-то мужчина с ружьем растолкал толпу, прицелился...

Мгновенно все смолкли. Раздался оглушительный выстрел, за которым последовал короткий, переполненный болью визг. Ротвейлер отскочил и бросился наутек, как заяц. На земле остался лежать окровавленный Спайк.

Кэрол и остальные подбежали к нему. Он громко и хрипло дышал, раскрыв пасть, на которой выступила кровавая пена. В боку из маленькой ранки от пули сочилась кровь.

Закрыв лицо руками, Даяна расплакалась. Кэрол обняла Тимми, отворачивая его лицо от страшной картины.

С мокрым от слез лицом Эмми вскочила на ноги и повернулась к мужчине с ружьем.

— Скотина, ты убил его! Я ненавижу тебя! — она подскочила к нему и ударила палкой. — Надо было другого, а не его! Не его! Не умеешь стрелять, не берись! Гад, ублюдок, мразь!

Кто-то из взрослых оттащил ее от опешившего мужчины.

Вскоре дети остались одни на месте трагедии, окружив чуть живого пса.

Осторожно положив его на куртку Эмми, они медленно потащили его к больнице.

Взяв Спайка на руки, они все вместе занесли его в холл и положили в кресло. К ним сразу же сбежались врачи и медсестры, пытаясь что-то объяснить и убедить покинуть больницу вместе с собакой. Дети, ничего не желая понимать, только рыдали, умоляли помочь. Один из докторов смилостивился и бросил на пса беглый взгляд.

— Ему уже ничем не поможешь, мне очень жаль. А теперь уходите. Это не ветлечебница, и вы не можете здесь находиться с собакой.

— Вы же врач, спасите его! — жалобно проскулил Тимми, смотря на возвышающегося над ним высокого мужчину в белом халате наивными ангельскими глазами.

Доктор сокрушенно покачал головой, не оставшись равнодушным к прекрасным глазам, блестящим от слез.

— Малыш, он умирает. Не плачь, умирают люди, а это всего лишь собака. Родители купят вам другую... — с ободряющей улыбкой попытался утешить он, но неуверенно замолчал, когда малыш непонимающе, с удивлением посмотрел на него.

— Умирает? — прошептал Тимми. — Но так нельзя... ведь он хороший.

— Вы врете! — взъярилась Эмми, набрасываясь на доктора с таким видом, будто и его хотела поколотить. — Мы не уйдем!

На лице доктора отразилось неприкрытое раздражение, а через минуту они уже были на улице вместе с умирающей собакой. Дети дотащили Спайка до их сарайчика, и Эмми помчалась домой за помощью родителей.

Вскоре она вернулась вместе с ними. Взглянув на пса, мистер Берджес удрученно покачал головой.

— Извини, Эмми, но мы не можем забрать его домой, — сказал он.

— Не надо домой, надо в больницу!

— Он там никому не нужен, это надо платить, а с деньгами у нас сейчас трудности, ты же знаешь, — мистер Берджес спрятал глаза, устыдившись своих же слов.

— Папа, он же умрет!

— Я знаю, потому не стоит бросать денег на ветер.

Мгновенье Эмми не двигалась, тяжелым застывшим взглядом разглядывая отца, затем лицо ее исказилось в приступе неуправляемой ярости.

— Я никогда не прощу вас, никогда! — пылко выкрикнула она. — Уходите из нашего дома!

— Эмми... — начал было отец, но миссис Берджес его остановила.

— Не надо, Джон. Пойдем.

И они ушли, подавленные и расстроенные.

— Он спас мне жизнь, а теперь никто не хочет спасти его, — удрученно заметил Тимми, поглаживая пса.

Эмми медленно опустилась на колени, утирая слезы. Даже родители, единственные люди, на помощь которых она могла надеяться, отвернулись от нее, не поняв, насколько велико ее горе. Но она не хотела сдаваться.

Даяна принесла из дома аптечку и, как умела, обработала раны и перевязала Спайка бинтами.

Всю ночь они не отходили от него.

Тимми долго гладил собаку по голове, шепча:

— Спайк, миленький, не умирай. Не умирай, пожалуйста!

Пес поднимал голову и ласково лизал его маленькие руки горячим языком, и даже махал хвостом, смотря тоскливым взглядом, от которого у Кэрол сжималось сердце.

Не выдержав, Тимми уснул у нее на руках.

Девочки промучились всю ночь. Это была самая тяжелая ночь в их еще совсем молодой жизни. Не смыкая глаз, они просидели рядом со своим преданным четвероногим другом. Настоящим другом.

На рассвете Спайк умер.

Они похоронили его тут же, около сарайчика под большим дубом.

На стволе дерева Эмми глубоко вырезала ножом надпись:

«МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, СПАЙК, НАШ ГЕРОЙ,

И НИКОГДА ТЕБЯ НЕ ЗАБУДЕМ».

Весь день они просидели у его могилки, забыв про занятия в школе.

Когда Кэрол вечером вернулась домой, Элен ее жестоко избивала за то, что не ночевала дома. К тому же Кэрол с ужасом обнаружила, что ее сирень-Спасительница исчезла. От нее остался один пенечек.

Кэрол ощутила неприятный холодок, пробежавший по спине. Ее Спасительница погибла.

Девочка почувствовала необъяснимый внутренний страх, граничащий с плохим предчувствием.

Как будто она лишилась своей защиты...

Зима выдалась очень холодной и морозной. Холода наступили так внезапно, что многих застали врасплох. Например, Кэрол. Примерив свою прошлогоднюю курточку, девочка обнаружила, что она стала безнадежно мала. Та же история была и с обувью. Кэрол обратилась к матери, которая не соизволила побеспокоиться о дочери. Элен устроила настоящий скандал, накинувшись на ребенка, обвиняя то ли в том, что девочка растет, то ли в том, что она сама растратила на своего хахалю слишком много денег и на нужды дочери у нее не осталось.

— Я зарабатываю потом и кровью, я не могу каждый год покупать тебе новый гардероб! Влезешь и в этот, не так уж ты и выросла! — она швырнула в лицо девочки сапоги. — Ну-ка, надень!

— Они не налезают, мам, — покачала головой Кэрол.

— Не ври! Надевай, сказала!

Девочка застыла, прижимая сапожки к груди и смотря на мать сквозь пелену слез.

— Что ты смотришь на меня стеклянными глазами? Я повторять не собираюсь! — вырвав у нее сапоги, Элен ударила ими по лицу девочки. — Надевай! Ишь ты, сапоги она у меня требовать вздумала! А ты заработала на эти сапоги, а? Все лето проносила с этими придурками, а теперь подавай ей то, подавай се!

Видя, что мать пьяна, Кэрол решила благоразумно удалиться. Но Элен схватила ее за волосы, не пуская.

— Мама, не надо...

Элен швырнула ее на пол.

— Надевай!

Кэрол, стиснув зубы, с трудом натянула распроклятые сапоги. Мать подняла ее с пола.

— Теперь куртку!

Надев куртку, Кэрол подавлено опустила голову, чтобы скрыть слезы от унижения и горести. Осмотрев ее, Элен громко расхохоталась с таким презрением, что девочка сжала худенькие плечики.

— Эй, Рут, Меган, идите скорее посмотреть на эту Золушку! Подобного видочка даже я еще не видела! Ха-ха-ха...

Не дожидаясь, пока все сбегутся на крики и хохот матери, чтобы посмеяться над ней, Кэрол рванулась прочь вверх по лестнице. За спиной неумолимо раздавался пьяный хохот матери.

Уткнувшись лицом в подушку в своей комнате, Кэрол долго пролежала неподвижно, пытаясь понять, за что мать ее так ненавидит. Но так и не поняла. Это было выше ее понимания.

Элен все-таки нашла денег и купила ей эти несчастные сапоги и куртку, так как Кэрол перестала ходить в школу.

Девочка долго смотрела на разложенные перед ней вещи, не прикасаясь. В ее глазах Элен почему-то не увидела ожидаемой радости.

— Спасибо, мама, — тихо шепнула девочка и, взяв вещи в охапку, молча ушла к себе в комнату.

Никто не знал, как противно ей было всякий раз, когда она надевала эту куртку и эти сапоги. Порой ей хотелось разрезать их на куски и выбросить на глазах у матери. Но она не могла это сделать, понимая, что сделает хуже только себе. На мать такое представление не повлияет.

Кэрол стала замечать, что нахлебник матери стал часто куда-то пропадать иногда он отсутствовал целыми сутками. Элен заметно нервничала по этому поводу, все чаще прикладываясь к бутылке. И свою злость она, как всегда, вымещала на дочери.

Эми долго косо смотрела на синяки Кэрол, которые та пыталась скрыть. И с каждым разом лицо ее становилось все мрачнее.

И вот однажды вечером она пришла к ней домой.

Кэрол очень удивил ее внезапный и к тому же поздний визит.

— Эми... Что-то случилось?

— Где твоя мать? — спросила та сухо.

— В гостиной... — Кэрол не договорила, потому что Эми без приглашения прошла в дверь мимо нее. — Зачем она тебе?

Эми не ответила, быстро пересекая прихожую.

Закрыв дверь, Кэрол догнала ее. Но прежде чем она успела что-либо сказать, Эми распахнула дверь в гостиную и решительно вошла.

Элен развалилась на диване с бутылкой в руках. Повернувшись, она недоуменно взглянула на вошедших девочек.

— Здравствуйте, мисс Гран, — с заметно фальшивой вежливостью проговорила Эми, хотя в глазах ее пылала ненависть.

— Что тебе нужно, черномазая? — с нескрываемым презрением ответила женщина и глотнула из бутылки.

— Я только пришла сказать, чтобы вы больше не смели бить Кэрол.

Кэрол приоткрыла рот, сраженная этими словами.

Элен поперхнулась и медленно опустила бутылку.

— Ч-что — что?

Эми вызывающе вздернула подбородок.

— Объясню яснее. Если я увижу хоть один синяк на теле Кэрол, все узнают о том, что вы убили свою кухарку Мадлен Гриссон.

Кэрол вздрогнула от резкого звука разбившегося стекла и уставилась на осколки бутылки. Затем медленно подняла глаза на мать. Та вскочила с дивана с побледневшим перекошенным лицом и метнула в сторону дочери яростный взгляд.

— Что ты несешь, ненормальная?! — вскричала она.

— Было ведь много свидетелей, помимо Кэрол, так ведь? — спокойно ответствовала Эми. — И одна из них Роза, которая работала у вас и которую вы недавно выгнали. Как вы думаете, а вдруг она на вас обиделась и захочет кое-что рассказать, а?

Элен опешила, вперившись взглядом в нахальную девчонку.

Господи, ей всего-то около одиннадцати, а ведет она себя почти как взрослый человек!

Кэрол сама была поражена тем, как держится, а тем более, как говорит Эми. Она напугала мать, Кэрол это видела, и не могла в это поверить.

— Кстати, — добавила Эми, — я знаю, где живет эта Роза.

— Девочка моя, ты ведь не сделаешь так, чтобы Кэрол и мне пришлось плохо, — вдруг елевым голосом заговорила Элен, подойдя к девочке, и погладила ее по щеке.

Эми отступила назад.

— Сомневаюсь, что Кэрол будет хуже, чем сейчас, когда вас посадят. Извините за беспокойство, — отвернувшись, она с достоинством вышла.

Боясь остаться с матерью наедине, Кэрол пошла проводить ее.

Когда они остановились у двери, Кэрол со слезами на глазах ее обняла.

— Спасибо, Эми, я никогда этого не забуду.

— Все будет о 'Кей, сестренка. Это было проще, чем я ожидала, — Эми повернулась чтобы уйти но вдруг обернулась и посмотрела прямо в глаза Кэрол. — Я никогда никому не дам тебя в обиду. Обещаю.

***

После смерти Спайка Эми упорно отказывалась возвращаться домой.

Ни слезы матери, ни угрозы отца не могли заставить ее это сделать. Слишком глубока была ее рана и слишком велика для нее потеря, чтобы простить. Она довела родителей до отчаяния, заставив сотни раз пожалеть о том, что отказали дочери в помощи. Для девочки это было равносильно предательству, и понять его, смириться и простить она не хотела и не могла.

Эми жила в том самом сарайчике, где умер Спайк.

Она ухаживала за его могилкой, осыпая ее цветами, и рассказывала своему верному другу о том, как проводит дни. Родителям ничего не оставалось, как носить ей еду, но Эми не хотела, чтобы они приходили туда, и поэтому сама стала ходить домой за провизией. Кэрол, Тимми и Даяна не обделяли ее своим вниманием и все свободное время проводили вместе.

Когда настали холода, Эми вынуждена была вернуться в дом родителей. К тому времени она уже немного поостыла и, поговорив с отцом и матерью, простила им их ошибку.

Но сестрам Блейз это не светило. Эми сгорала от ненависти и жажды мести.

На еще свежей могилке Спайка, в тот день, когда он умер, она поклялась отомстить.

Встречаясь с сестрами-близнецами, Эми не скрывала своей агрессивности и враждебности. Хорошенько вздуть их не мешало бы, но даже Эми ощущала непреодолимый ледяной ужас перед их мрачным и постоянным спутником. Мощностъ и сила невероятно крупного ротвейлера, крепкие длинные клыки, бросающиеся в глаза на фоне черной, как сама ночь, шкуры, и злые, налитые кровью глаза производили довольно сильное впечатление. Всякий раз, когда его взгляд останавливался на ней, Эми чувствовала, как резко застывала кровь, а по спине пробегал неприятный холодок. Бывали моменты, когда ей казалось, что он бросится на нее и растерзает острыми зубами, как тряпку. Он словно чувствовал, что она приняла твердое решение убрать его из этого мира. Он убил Спайка. Он начал, пуля закончила. Даже если бы не пуля, Спайк все равно бы погиб от клыков Убийцы.

Как жизнь бывает несправедлива! Она направила пулю в умное и доброе создание, оставив жизнь кровожадному выродку. Но Эми не останется в долгу. Око за око. Жизнь за жизнь. Он опасен и должен умереть.

Но не так-то легко маленькой девочке убить столь сильное и яростное животное.

Эми думала, думала постоянно.

Все попытки заканчивались неудачами.

Кэрол, Даяна и Тимми помогали осуществлять ее планы, но потом стали бояться.

— Мы не сможем убить его, он слишком умен и живуч, — спорила с ней Кэрол. — Мадлен говорила, что месть губит не того, кому мстят, а того, кто мстит...

— Если мы не оставим его в покое, для нас это плохо кончится, — согласилась с ней Даяна.

— Плохо кончится, если мы оставим его в покое! — возразила Эми. — Как вы не понимаете, что он опасен!

— Понимаем, поэтому и не хотим, чтобы он разорвал нас, — девочки, объединившись, были непреклонны.

Эми сжалась на потрепанном диванчике, насупившись.

Даяна под села к ней и погладила по голове.

— Пожалуйста, Эми, не обижайся, — умоляюще протянула она, бросив взгляд на присевшую рядом Кэрол. — Мы понимаем, что ты хочешь наказать Убийцу за гибель нашего Спайка, но неужели ты готова ради этого рисковать нашими жизнями?

Подняв голову, Эми сквозь слезы увидела устремленные на нее умоляющие и поразительно красивые глазки Тимми, примостившегося у ее ног. Пепельные мягкие волосы шаловливо растрепались, падая на светлые изящные брови, маленький пухлый ротик, казалось, вот-вот растянется в широкой и очень обаятельной улыбке, демонстрируя недавно сформировавшиеся ровные коренные зубы.

Рисковать им, этим живым ангелом? Никогда!

Она перевела взгляд на Даяну. Та не уступала брату в красоте, была очень умной и сообразительной девочкой. Через несколько лет все парни будут валяться у ее ног. Но это не заботило девочек, ее подруг. Парней с черной кожей, как Эми, она интересоваться не будет, от Кэрол уже не отходил пусть пока маловатый, но с характером и поразительным упрямством Тимми. В недалеком будущем он обещал стать самым желанным парнем для девчонок. Но даже сейчас были видны его привязанность и преклонение перед Кэрол и то, что он не подпустит к ней ни одного парня. Но пока сама Кэрол не воспринимала его, как поклонника.

Эми посмотрела на Кэрол. К ней она испытывала особенные чувства. Эми жалела ее, видя, как тяжело приходится девочке, и ей, Эми, казалось, что Бог свел их только для того, чтобы она защищала Кэрол и помогала ей.

— Нет, я не хочу рисковать вами, — уже мягко ответила Эми и обняла их всех. — Вы — все, что у меня есть.

И каждый про себя повторил ее слова, обращаясь друг к другу.

— Мы — это все, что у нас есть! — весело воскликнул Тимми, радуясь своему остроумию. Девочки молчаливо согласились.

С тех пор они не делали покушений на жизнь Убийцы.

***

Как-то раз Тимми пожаловался, что встретил какую-то страшную старуху, которая так на него смотрела, что ему стало страшно. Девочки успокоили его, что ничего в этой старушке страшного нет, а Эми посмеялась над ним, сказав, что не ожидала, что такой смелый мальчик, как он, испугается какой-то безобидной старушки. Покраснев до корней своих прекрасных волос, мальчик больше ничего не сказал.

Позже, когда все вместе возвращались из школы, они заметили высокую крепкую старуху, которая стояла на противоположной стороне улицы и неотрывно следила за ними.

Кэрол заметила, как вдруг побледнел Тимми, стараясь не смотреть в ее сторону. Он ничего не сказал, но Кэрол поняла, что это та самая «страшная старуха», и что он все еще ее

боится. Бросив взгляд на нее, Кэрол почувствовала невольную настороженность, опасность, исходившую от этой странной женщины. Ее поразил взгляд, каким она смотрела на Тимми. Если признаться, он ее тоже напугал.

Оставшись с ним наедине, Кэрол попыталась расспросить Тимми о ней, но безрезультатно. Мальчик заявил, что ему наплевать на эту сумасшедшую и отрезал все попытки продолжить разговор о ней.

— Я боюсь ее, — тихо проговорила Кэрол. — Она нехорошо смотрит на тебя, Тимми. И она действительно похожа на сумасшедшую.

Мальчик промолчал, но очень долго и пристально смотрел на нее, словно изучая.

На следующий день, поздно вечером, он прибежал к ней домой.

Кэрол с тревогой смотрела на запыхавшегося мальчика.

— Кэрол, я хочу поговорить с тобой. Сейчас, — добавил он и встревоженно обернулся назад. — Можно я зайду?

— Заходи, только тихо, чтобы мать не услышала, — Кэрол закрыла двери и провела его в свою комнату. Заперев дверь на ключ, что она делала всегда, она повернулась к Тимми.

В темноте, при свете луны, лицо его казалось очень бледным, а глаза огромными и перепуганными.

— Что случилось, Тимми?

Он внезапно бросился к ней и крепко обнял.

Кэрол заметила, что он дрожал, а сердце его колотилось, как перепуганная пташка в лапах кошки.

— Она гналась за мной. — пробормотал он, прижимаясь к ней, словно ища защиты.

— Кто?

— Она... эта сумасшедшая.

— Сядь и все мне расскажи. Все, — Кэрол усадила его на кровать.

Набрав воздуха в легкие, он заговорил:

— Она преследует меня, с того самого дня, когда я встретил ее. Как только я оказываюсь один, она появляется передо мной, как привидение. Сначала она просто смотрела, а потом стала ходить за мной по пятам. Но стоит мне встретить какого-либо знакомого, как она словно в воздухе растворяется. А сегодня...

— Что сегодня?

— У бабушки снова начались головные боли, и я пошел к Уильямсам за лекарством. Она шла за мной от самого дома, а когда я вышел из дома Уильямсов, то столкнулся с ней чуть ли не у самого выхода. Я хотел обойти ее, но она схватила меня за куртку, — он замолчал, посмотрев на Кэрол. Глаза ее расширились, в них он заметил тревогу, граничащую со страхом.

— «Пошли со мной» — прошипела она. Я стал вырываться, обзывая ее ненормальной... и еще засракой ведьмой! А она такая сильная, не вырваться! Сжала меня так, что я и пошевелиться не мог, схватила за лицо и смотрит... — мальчик содрогнулся. — Она так смотрела, что у меня коленки задрожали. А она улыбнулась и стала гладить мое лицо и волосы.

— Она действительно ненормальная, — в ужасе прошептала Кэрол и со страхом бросила взгляд в темную ночь за окном.

— Знаешь, что она мне сказала... что я... то есть она... — сбившись, он на секунду замолчал и, вдохнув поглубже, начал снова. — Она сказала: «Иди к мамочке, малыш!».

— Сумасшедшая!

— Я выкрикнул, что моя мама умерла, а она просто чокнутая гнилая рухлядь и послал ее ко всем чертям, — в голосе мальчика послышался гнев, он озлобленно поджал губы. — Я врезал ей прямо в пасть, вот, смотри, о ее гнилые зубы свез, — он показал посиневшие костяшки на довольно крепком кулачке, на которых запеклась темно-красная кровь. Кэрол ахнула, а он гордо вздернул подбородок, добавив:

— По-моему, я выбил ей зуб.

— Какой ты смелый, — постаралась улыбнуться Кэрол, поднимаясь с кровати.

— Ты куда? — подскочил Тимми.

— Я только возьму аптечку, — она открыла ящик стола и достала белую пластмассовую коробочку.

— А зачем? — не успокаивался Тимми.

Кэрол положила коробочку на кровать и зажгла неяркую ночную лампу. Взяв мальчика за руку, она потянула его на кровать.

— Садись.

Достав спирт, она вытерла с ссадин его руки засохшую кровь.

Тимми терпеливо выносил знакомство спирта с его свежими ранами, лишь иногда, когда становилось нестерпимо, морщил нос. Кэрол заботливо подула на ранки, желая смягчить боль.

— Не надо. Мне не больно, — возразил мальчик.

Кэрол промолчала и вынула из коробки бинты. Тимми отдернул руку.

— Этого не нужно. Это всего лишь царапины.

— Но, Тимми...

— Не нужно! — упрямо повторил он.

Кэрол сложила бинты в коробку, зная, что спорить с ним бесполезно. Положив аптечку на место, она присела рядом с ним.

— Надо обо всем рассказать Эми, — сказала она.

— Она будет опять смеяться надо мной, обзывая трусишкой, — надул губы он.

— Не обижайся на нее, ты же знаешь, какая она насмешница. Она просто дразнит тебя, но на самом деле она любит тебя и знает, что ты смелый мальчик.

Тимми робко взял ее за руку, не поднимая глаз.

— А ты меня любишь?

— Конечно, люблю! — засмеялась она, сжав его кисть.

— И я тебя люблю, — он поднял к ней красивые синие глаза и некоторое время молча и сосредоточенно смотрел прямо в глаза.

— Можно я поцелую тебя?

— А почему нельзя, ведь мы каждый день это делаем и никогда не спрашиваем друг у друга разрешения, — Кэрол, улыбаясь, подставила ему щеку.

Тимми дрожащими пальцами за подбородок повернул к себе ее лицо и робко прикоснулся к ее приоткрытым губам. Девочка вспыхнула и зарумянилась, изумленно уставившись на него. Тимми опустил голову, покраснев.

Впервые Кэрол посмотрела на него не как на маленького братика. Он ведь никогда и не был ей братом и никогда не будет. Сейчас он как будто сделал первый шаг к тем

отношениям, о которых так мечтал. Ему недавно исполнилось десять, он был на два года младше нее, и поэтому она еще не воспринимала его всерьез. Тимми это прекрасно понимал, но это его не огорчало. Он готов был терпеливо ждать того времени, когда станет высоким и красивым, и она не будет смотреть на него, как на маленького мальчика.

— Мне надо идти, бабушка ждет лекарства, — он поднялся, надевая куртку.

— Подожди, я провожу тебя, — Кэрол быстро вынула из шкафа джемпер, курточку и сапоги, и стала быстро одеваться.

— Я не трусливый маменькин сыночек, чтобы меня провожать, — насупился Тимми.

— А если опять эта сумасшедшая...

— Я не боюсь ее!

— А я боюсь. Я буду всю ночь переживать, Тимми, — она поправила его шапку, но он строптиво снова сдвинул ее на бок.

— Я тоже буду переживать, как ты дошла одна и так поздно.

— Я останусь у вас, а завтра рано утром вернусь домой. Мать не заметит, — она натянула сапоги и выпрямилась.

— Правда? — в голосе мальчика звучала неподдельная радость. — Тогда пошли! Ты будешь спать в моей комнате, я уступлю тебе свою постель, а сам лягу на полу.

Довольно сияя, он выскочил из комнаты.

Они бесшумно прокрались к двери и вышли на улицу.

Холодный пронизывающий ветер встретил их, заставляя поежиться.

Аллея уходила в темный жуткий коридор из сгустившейся тьмы, где зловеще завывал ветер. Кэрол снова поежилась, но теперь не от холода. Она боялась темноты, боялась всего неизвестного. Темнота у нее ассоциировалась с черным туманом, который она видела во сне и в котором ее преследовали злые желтые глаза. Эти видения всегда влекли за собой беду. Последний раз она видела их перед смертью Мадлен. Это было для нее очень далеким воспоминанием, ведь она тогда была совсем малышкой. Сейчас образ любимой старушки она восстанавливала с большим трудом, и с каждым разом он был более неясным, словно его медленно обволакивал тот самый черный туман. Тьма поглотила ее ласковую добрую Мадлен. Кэрол отчаянно цеплялась за ее образ, но он неотвратимо исчезал. Исчезал навеки...

Сжавшись от пронзительного неприятного холода где-то внутри, Кэрол молча шла рядом с Тимми по темной безлюдной аллее. Кусты и деревья встревоженно шелестели, и чем дальше они углублялись в парк, тем сильнее они шумели.

Кэрол подняла голову, прислушиваясь.

И чем больше она слушала, тем сильнее колотилось сердце.

В движении ветвей была какая-то тревога, они словно хотели ее о чем-то предупредить.

— Не бойся, я с тобой.

Кэрол невольно вздрогнула, когда холодная рука Тимми коснулась ее и прозвучал его охрипший от холода голос. Она взглянула на него, поразившись тому, как изменился его голос. Он ласково улыбнулся с каким-то совсем взрослым выражением лица и сжал пальцы.

Кэрол улыбнулась в ответ, чувствуя, как непонятное напряжение спадает.

Ах, это несносное дикое воображение! Ну как от него избавиться?

Тихое рычание где-то впереди, раздавшееся из темноты, она приняла за очередные шалости бурного воображения. Но Тимми вдруг резко остановился, вглядываясь широко раскрытыми глазами в темноту. Проследив за его взглядом, Кэрол застыла.

Из-за черных кустов на свет одного единственного фонаря на аллее медленно вышло что-то черное... Прозвучало угрожающее рычание. Кэрол ахнула, присмотревшись.

— Это Убийца... Боже!

Тимми промолчал, лишь крепче сжал ее руку.

Тяжело ступая и смотря исподлобья злыми красными глазами, пес двинулся на них.

Не смея пошевелиться, они застыли на месте, не отрывая от него глаз.

Внезапно он остановился и повернул тяжелую голову назад. Кэрол набралась мужества и подняла глаза. Вдох облегчения вырвался у нее из груди, когда она увидела сестер Блейз.

— Уберите с дороги своего уroda, нам надо пройти! — выкрикнул Тимми.

Убийца вновь повернулся к ним, прижал уши и, оскалив зубы, зарычал.

Кэрол замороженными, полными ужаса глазами смотрела, как из страшной пасти медленно стекает густая слюна, как сверкают обнаженные длинные клыки, как двигаются сильные челюсти...

— Что, пересрались? — засмеялась Кейт.

— Ах, какая парочка! — воскликнула Мэг с насмешкой. — Куда это вы идете так поздно, а? Неужели, Кэрол, твоя мамочка отпустила тебя в такой час? Или она просто вышвырнула тебя за дверь, развлекая клиентуру, а этот благородный сопливый рыцарь предложил тебе местечко в своей теплой постельке?

— Да она такая же шлюха, как и ее мать, — с презрением скривилась Кейт, прожигая Кэрол взглядом.

— Заткнись, стерва! — разозлился Тимми, сжав кулаки.

— А то что?

Он хотел броситься к ним, но рычание Убийцы заставило его остановиться.

Сестры довольно засмеялись.

— Ты просто трус, Тимми! Кэрол, зачем тебе этот малолетка? Он не только мельче тебя, но еще и соплистее! Он даже не может защитить тебя от оскорблений.

— Могу! — побагровел мальчик и снова рванулся к ним.

Кэрол схватила его за руку, удержав.

— Не надо, Тимми, пожалуйста! Они пытаются разозлить нас, не слушай их.

— Что, потаскушка, не такая смелая, когда рядом нет Эми, да? — с вызовом бросила Кейт. — Оставь своего дружка и иди сюда, поговорим.

— Разговаривать мне с тобой не о чем, Кейт, — спокойно ответила Кэрол. — А если тебе не терпится получить по морде, подходи сама, мы тебя обслужим с огромным удовольствием.

— Обслуживай грязных шоферов, спующих в вашей конуре! — с отвращением скривилась Кейт. — Это тоже доставит тебе удовольствие.

Мэг захихикала, восхищаясь остроумию сестры. Та, явно довольная собой, поддержала ее смех. Непонятно, почему, но именно в этот момент грудь ее сдавила невыносимая боль и обида, Кэрол не смогла найти слов, чтобы парировать удар. Она так устала слышать слово, которое она ненавидела больше всего на свете. «Шлюха». Ее мать шлюха, Кэрол всю жизнь тыкали в это носом, как в дерьмо, и ей казалось, что это дерьмо никогда не смоеется с ее лица. Стоило ей поймать на себе взгляд незнакомого человека, как ей казалось, что он уже знает, что она собой представляет. Мало того, уже и ее, Кэрол, считают шлюхой. И если бы все дело было только в сестрах Блейз... Люди отворачиваются от нее с каким-то отвращением, пытаются не контактировать, словно она была прокаженная. Или проклятая.

Взрослые запрещали детям общаться с ней, более того, они настраивали их против несчастной девочки, закладывая в их наивные открытые сердца презрение и ненависть. Этот кошмар преследовал ее всю молодую жизнь, которая только начиналась. Что будет дальше? Неужели она будет видеть от людей одно лишь презрение? Нет, этого она больше не выдержит. Нет больше сил... Будучи маленькой, она не так болезненно воспринимала все это, потому что не все понимала. Теперь то, что она могла как-то еще игнорировать раньше, медленно и мучительно отравляло ее жизнь, ее душу, как смертельный яд. Чем она это заслужила? В чем ее вина перед Богом?

Она вздрогнула, почувствовав, что кто-то сжимает ее руку.

Повернувшись, она встретила взглядом с глазами Тимми. В них она прочитала страдание...

— Не плачь, пожалуйста, — чуть слышно шепнул он.

На лице Кэрол отразилось удивление, но потом она поняла, что действительно плачет.

Отвернувшись, она стала быстро вытирать слезы.

Мгновение Тимми молча смотрел на нее, затем резко развернулся к сестрам Блейз.

— Вы сволочи!

— А твоя подружка — шлюха! — противным голосом пропищала Мэг.

Обернувшись, Кэрол увидела, что Тимми с искаженным от ярости лицом быстро направился к ним.

Убийца напрягся, оцетинился, зарычал.

— Тимми!

Но он не обратил внимания ни на Кэрол, ни на собаку. Решительно он прошел мимо пса, даже не взглянув. Казалось, что Убийца слегка обалдел, неподвижно провожая мальчика взглядом.

Кейт выпрямилась, собираясь достойно встретить гнев мальчишки, но Мэг испуганно попятилась за спину сестры.

— Взять!

Резкий высокий голос ударил по Кэрол, словно плеть, заставив пошатнуться.

Убийца отреагировал мгновенно. Не издав ни звука, он мощным прыжком сбил мальчика с ног. Ночную тишину пронзил короткий приглушенный вопль, который был тут же подавлен свирепым рычанием.

Как сквозь черную пелену Кэрол видела искаженные ужасом лица девочек, застывших на месте с открытыми ртами. И вдруг ей показалось, что она спит... Поэтому она не ощущает своего тела, не может ни пошевелиться, ни закричать. Она даже не могла закрыть глаза, чтобы не видеть привидевшийся ей кошмар.

Лоснящееся при свете фонаря черное гибкое тело зверя извивалось над содрогающимся телом беззащитного мальчика. Мощные челюсти трепали его, разрывая одежду и плоть, лязгнули зубы, что-то хрустнуло... Обезумевшее животное обладало такой силой, что возило его по асфальту, будто мешок с тряпьем, оставляя на серой гладкой поверхности и размазывая по ней кровь.

Резкий приступ тошноты накрыл Кэрол, кто-то сзади набросил ей на голову что-то темное и тяжелое, похожее на покрывало. Земля выскочила из-под ног, и тьма наступила прежде, чем она почувствовала удар о твердый асфальт.

Две желтые светящиеся точки вновь преследовали ее.

Она бежала, но не видела, куда. Перед глазами все было смазано полупрозрачной черной пеленой, которая окутывала ее, словно липкая неосязаемая вуаль. Она, черный туман, две зловещие точки — и больше ничего и никого. Все куда-то исчезло. Почему она оказалась одна, ведь с ней был Тимми?

Какая-то острая необъяснимая боль сдавила грудь, когда она подумала про Тимми. Почему так больно? Никогда раньше мысли о нем не вызывали такой боли...

— Тимми!

И вдруг из черного тумана возник маленький силуэт.

— Кэрол!

Она узнала белокурую голову и большие синие глаза Тимми.

Кэрол немного удивилась тому, что он был таким маленьким, как тогда, когда они только познакомились. Он был точно таким, каким она увидела его впервые. Это было на кладбище... На нем был тот же самый черный костюм, волосы, будто посыпанные пеплом, были аккуратно причесаны заботливой рукой бабушки...

Он подбежал к ней и крепко обнял. Кэрол ласково погладила его по голове, которую он самозабвенно прижал к ее плечу. Горькая невыносимая тоска заставила сердце ее сжаться, она крепче прижала хрупкую фигурку к себе, чувствуя, что плачет.

Он поднял лицо и встревоженно заглянул в ее глаза.

— Кэрол, когда я стану высоким и красивым, ты выйдешь за меня замуж?

— Ты не станешь, Тимми, — плача, шепнула она.

Он отстранился, устремив на нее широко раскрытые жалобные глаза.

Казалось, она никогда не смотрела в его глаза так долго. Большие, бездонные, выразительные и такие красивые... Медленно они наполнились слезами, заблестели, как бриллианты на солнце, отразив страдание. Бледные губы чуть шевельнулись, и Кэрол с трудом расслышала одно единственное произнесенное им слово, похожее скорее на стон отчаяния:

— Стану...

Он отступил от нее на шаг, и черная пелена тут же поглотила его.

— Тимми, прости меня... пожалуйста, вернись!

Кэрол схватилась за голову, не понимая, что с ней творится. Зачем она ляпнула ему эти безумные слова? Они его так напугали!

И вдруг откуда-то издалека до нее донесся его звонкий счастливый смех. Улыбнувшись, она подняла глаза. Смех мальчика смешался с радостным лаем. У Кэрол перехватило дыхание, когда она узнала голос Спайка. Вскочив, она бросилась туда, где слышала их...

Но внезапно дорогу ей преградили неживые желтые глаза. Раздалось тихое рычание, и голоса Тимми и Спайка умолкли. Кэрол отшатнулась назад и упала в какую-то черную бездну...

Она чувствовала холод. Все тело сковал ледяной пронзительный холод.

Кэрол чувствовала, что просыпается. Медленно мысли выпутывались из узла, в который заплелись. Она смутно помнила свой сон. Убийца, сестры Блейз, Тимми...

А потом...

Она содрогнулась, не желая вспоминать этот кошмар.

Но почему так холодно?

Наверное, она забыла закрыть окно. Надо встать и закрыть. Но ее тело отказывалось слушаться, словно она покрылась льдом. Холодно. Она снова стала куда-то медленно падать,

но острое ощущение холода заставило ее собрать волю и вернуться назад.

«Встань, Кэрол. Закрой окно. Вставай!».

С огромным трудом она заставила себя открыть глаза.

На мгновение она опешила, не понимая, где находится.

Когда до нее дошло, что она не в своей комнате, а на улице, на ледяном асфальте, недоумение переросло в страх. Тело окоченело от холода, и после нескольких неудачных попыток она неловко поднялась, сев. Поблизости не было ни души, тишину нарушал только легкий ветер, игравший с голыми оледенелыми ветками деревьев.

Как она здесь оказалась? Что произошло?

Невольно взгляд ее потянулся к свету, который излучал одинокий фонарь.

Внутри все обмерло, когда она увидела освещенные темно-красные пятна на сером асфальте. Кровь...

Боже!

Присмотревшись, она разглядела клочки одежды, пропитанные кровью.

Голова у Кэрол закружилась, желудок резко свело.

Сжавшись на коленях, она рыдала и рвала одновременно. Когда тошнота отступила, она осталась в таком же положении, прижав лицо к коленям. Истерика прошла, наступило какое-то онемение. Трясаясь всем телом то ли от холода, то ли от пережитого потрясения, или от того и другого одновременно, она долго не двигалась. Единственное, что она чувствовала — это горячие слезы, обжигающие оледеневшие щеки. Они лились и лились, казалось, только в них одних и была жизнь. Остальное все умерло.

Но боль в онемевших ногах привела ее в чувства. Она попыталась подняться, но, не почувствовав ног, упала на твердый асфальт.

Некоторое время она лежала неподвижно, затем повторила попытку.

Приподнявшись, она посмотрела на ноги, чтобы убедиться, что они действительно на месте. Странно, они были, но их словно не было.

И вдруг она услышала шаги, тихие голоса, смех.

Неужели ей это кажется?

Как только темнота позволила, она увидела направляющиеся к ней две темные фигуры. Это были парень и девушка.

Кэрол рванулась, но не устояла и, ударившись головой о бордюр, потеряла сознание.

Когда сознание постепенно возвращалось, она не чувствовала холода.

Прежде, чем открыть глаза, она восстановила в памяти все, что случилось. Последнее, что она помнила — это парень и девушка. Девочка медленно открыла глаза и облегченно вздохнула, узнав потолок родной комнаты.

— Ну вот, мы и пришли в себя, — раздался знакомый ласковый голос.

Кэрол повернула голову.

На нее смотрели добрые глаза старого доктора, того самого, который навещал больную Мадлен. Она отметила, как он постарел, осунулся. Но его глаза остались такими же добрыми.

— Как мы себя чувствуем, мой маленький летчик?

Кэрол невольно улыбнулась, немного удивившись тому, что старик до сих пор помнит, как она восемь лет назад выпала из окна. С тех пор он звал ее маленьким летчиком.

— О, мы даже улыбаемся, — ободрился доктор. — Значит, все не так уж плохо. А ну,

пошевели ножками.

Кэрол подвигала ногами. Они слегка болели, но слушались.

— Хорошо, очень хорошо. Ты долго пролежала на холодной земле, девочка, это могло очень повредить твоему здоровью. Ты сильная.

Страдание отразилось на ее лице, она отрицательно покачала головой, не соглашаясь.

Она ничтожество. Вместо того, чтобы помочь Тимми, она застыла на месте и смотрела, как собака разрывает его на части, а потом свалилась в обморок. Она струсила, позволила ужасу взять над собой вверх. Тимми, маленький Тимми, заступился за нее и поплатился жизнью. И вдруг в памяти всплыли слова Эми: «Как вы не понимаете, что Убийца опасен. Если мы оставим его в покое, это плохо кончится».

Слезы навернулись на глаза Кэрол, она отвернулась от доктора и уткнулась в подушку.

На затылок легла тяжелая старческая рука, сочувственно и успокаивающе поглаживая волосы. Кэрол еще сильнее вжалась в подушку, пытаясь сдержать рвавшие грудь рыдания.

Чуть скрипнула дверь, и тишину нарушил осторожный шепот:

— Док, она еще не очнулась?

Сердце Кэрол подскочило, когда она узнала голос Эми. Первым порывом было вскочить, броситься к ней и разреветься во всю глотку. Но Кэрол сдержалась. Она должна быть сильной... Она должна ей когда-нибудь стать. Девочка вытерла слезы, стараясь сделать это как можно незаметнее.

Она почувствовала, как Эми опустилась напротив нее на колени и осторожно коснулась ее плеча.

— Кэрол, — тихо позвала она.

Оторвавшись от подушки, Кэрол посмотрела на нее. В глазах Эми была тревога и какая-то особенная нежность.

— Ты в порядке?

Кэрол кивнула. Эми потянулась к ней и крепко обняла.

— Я так испугалась за тебя. Что с тобой произошло?

Кэрол поджала губы. Проклятые слезы снова подступили к глазам. Как, как с ними справиться?

— Я не хочу тебя волновать, но я должна тебе кое-что сказать, — Эми порывисто вздохнула. — Тимми пропал. Вчера вечером ушел к Уильямсам за лекарством... и до сих пор не вернулся.

Случайно взгляд Кэрол наткнулся на фотографию, стоящую на столе. Протянув руку, она взяла ее. Присев у ног девчонок и обняв Спайка, на нее смотрел Тимми. Руки ее задрожали. Он не мог умереть. Господи, все это походило на кошмарный сон...

Внезапно в комнату вошел высокий полицейский. Его взгляд остановился на Кэрол.

— Нам надо поговорить, маленькая леди.

Бабушка Тимми и Даяны не пережила смерти внука. Она скончалась на второй день после того, как ей объявили о том, что мальчик трагически погиб. Для Даяны это был двойной удар. Она потеряла всю семью, всех, кто был близок ей в этом мире. Она осталась одна, слабая и незащищенная, не успевшая встать на ноги, чтобы суметь жить без поддержки семьи. Ведь ей было всего тринадцать.

Родители Эми на время приютили ее у себя. Кэрол и Эми все время были с ней.

На похоронах бабушки ей стало плохо и пришлось отвезти ее в больницу. Ее оттуда не выпустили, пока не прошел стресс. На это понадобилось две недели. За это время Даяна вся преобразилась, превратившись в живое привидение, сильно похудела, осунулась. От бывшей ослепительной красоты остались одни потускневшие грустные глаза. Ни тени радости на бледном лице... Лишь Эми могла заставить ее улыбаться, а иногда и засмеяться.

Все были потрясены ужасной смертью мальчика.

В суеверном ужасе дети обходили место трагедии, и вообще боялись ходить по парку и шарахались от каждой собаки.

Тело Тимми Спенсера не нашли, несмотря на тщательные поиски.

Что с ним могло случиться, не мог понять никто.

Сестры Блейз, как свидетельницы произошедшего, подтверждали, что их собака внезапно набросилась на Тимми, который, по их словам, дразнил собаку. Потом они убежали. Больше они ничего не знают.

Кэрол Мэтчисон говорит несколько иначе, утверждая, что собака была натравлена одной из сестер. Когда Кэрол пришла в себя на асфальте, тела мальчика уже не было. Тогда, находясь в шоковом состоянии, она не обратила на это внимания и лишь в разговоре с полицейским вспомнила этот факт. Вероятность того, что мальчик остался жив, исключалась. Все три девочки утверждали, что собака буквально разорвала мальчика у них на глазах. По обрывкам одежды и кусочкам плоти на ней, было установлено, что жертвой был действительно Тимми Спенсер. Собаку-убийцу сразу же умутировали, признав опасной, а дело Тимми Спенсера было закрыто с подозрительной быстротой. Смерть мальчика была признана несчастным случаем. Единственный, кто понес наказание за страшную гибель мальчика, был Убийца. Хотя перед судом должны были предстать хозяева собаки. Не двенадцатилетние девочки, конечно.

— Это их папаша приложил руку к этому, — зло говорила Эми. — Своими деньгами и связями он замял все дело. Он должен был ответить перед судом за смерть Тимми. Несчастный случай! Тимми был убит, убит их собакой!

— Несчастный случай, — грустно повторила Кэрол и вспомнила слова своей матери. — Прав всегда тот, у кого есть деньги. Господи, как все несправедливо в этом мире!

— Поздравляю тебя с этим открытием, — ядовито откликнулась Эми.

— Суда людей они избежали, но от суда Господнего они не откупятся своими паршивыми деньгами.

— Надеюсь, — Эми задумчиво смотрела на их фотографию.

Даяну, как она не противилась, определили в приют.

Сразу после выписки из больницы она должна была отправиться туда. Теперь там был

ее дом. Бедная девочка с трудом выдерживала свалившийся на нее мир. Эми, как могла, вселяла в нее уверенность, что не все потеряно.

— Как не все? — горько улыбалась Даяна. — Все.

— Нет, Даяна, — возразила Эми. — У тебя есть жизнь — она важнее всего. Ее мы теряем последней. Если сейчас она тебе кажется бессмысленной, то завтра может быть иначе. Тебе дана жизнь — живи, как бы тяжело тебе не было.

— Тем более, мы с тобой, — вставила Кэрол. — Мы никогда не оставим тебя. Мы тебя любим.

Даяна улыбнулась, вытирая слезы. Один бог знал, что творилось у нее в душе, насколько велико было отчаяние.

— Я не хочу в приют, я не бездомная, — проговорила она.

— Твой дом продадут, а деньги пойдут на твое обучение, ты же знаешь. Ты не можешь жить в нем одна.

— Я бы смогла! Устроилась бы на какую-нибудь работу... все равно, какую! Это лучше, чем приют. Все, что угодно, только не приют!

Она прильнула к Эми, плача.

— Пожалуйста, Эми, не позволяй им забрать меня туда! Пожалуйста, не позволяй!

— Если бы я могла... — тяжело вздохнула Эми. — Там не так уж страшно, Даяна. Там живут дети, оставшиеся одни на этом свете, так же, как и ты. Мы с Кэрол будем приходить к тебе, каждый день.

После выписки из больницы высокая худая женщина увезла Даяну в приют.

Кэрол и Эми ездили туда каждый день после занятий в школе, но оказалось, что попасть туда не так-то легко. Только по настоянию врача Даяны девочек пускали в приют. После двух недель каждодневного посещения директриса заявила, что посещения ограничиваются до одного раза в неделю. Эмми пыталась возразить, что переросло в скандал, после которого им вообще запретили появляться в приюте. Но на этом Эми не успокоилась. Они с Кэрол тайком пробирались в «запретную зону», как они стали называть приют, отыскав место, где они могли незамеченными перебираться через забор и в саду встречаться с Даяной, которая приходила к ним.

Жизнь в приюте отразилась на Даяне, внеся резкие перемены и во внешности, и в характер девочки. Она стала замкнутой, невеселой и постоянно грустной. Стала плохо за собой следить, потому выглядела несколько неряшливо. Красивое лицо похудело и выглядело изможденным, уставшим. Нередко на руках или лице появлялись синяки и ссадины, губы были постоянно опухшими, с маленькими кровоточащими ранками. Она упрямо почему-то скрывала то, что ее били, но следы на теле скрыть не могла. После некоторых уговоров Даяна рассказала, что зачинщицей ее побоев была некая Джоун, лидер среди девчонок. Она была старше всех, поэтому считала себя главной. От скучной жизни она стала задираться к новенькой, настраивая других против нее.

— Они превратили мою жизнь в ад, — Даяна плакала на глазах у девочек впервые после того, как попала в приют.

Эми высказала желание побеседовать с этой Джоун.

Кэрол присутствовала при этой «беседе». Она не задавала Эми никаких лишних вопросов, насчет того, как она собирается вести разговор. Она доверяла Эми и была полностью в ней уверена. Кэрол невольно вспоминала разговор Эми с Элен, ее матерью. После него та перестала бить ее, но отыгрывалась по-другому. Унижением, насмешками,

открытым презрением. В этом случае просто было, чем взять Элен за горло. Кэрол было очень интересно, как Эми собирается взять за горло Джоун, которую никогда до этого не видела.

Джоун оказалась высокой крепкой девушкой, внешне очень похожей на парня. Ее нельзя было назвать красивой, но что-то в ней было, что-то завораживающее. У нее была короткая стрижка, пронзительные голубые глаза и волевой, плотно сжатый рот. Одетая в черную хлопчатобумажную мужскую рубашку навыпуск и потертые джинсы, она поначалу привела девчонок в замешательство — они приняли ее за парня. Но когда она подошла ближе, все же разглядели, что она девушка.

Эми усмехнулась, сложив руки на груди. Кэрол косилась на нее, пытаясь понять, что так развеселило подружку. И тоже улыбнулась. Они обе, и Эми, и Джоун, были из одного теста вылеплены — мальчишки, по нелепой случайности родившиеся в образе девчонок. Эми впервые в жизни встретила подобную себе, и Джоун ее заинтриговала.

Джоун пришла одна, если не брать в расчет то, что из всех окон торчали любопытные рожицы, на которых было написано предвкушение чего-то интересного. Остановившись от девчонок в двух шагах, она смерила их каким-то слишком уж равнодушным взглядом.

Эми выступила вперед.

— Меня зовут Эми. Я пришла поговорить с тобой.

— Эми? — дылда издевательски засмеялась. — Я подумала, что ты пацан. Тоже мне, будущая девушка-красавица!

— То же самое я подумала о тебе, — Эми ответила насмешливой улыбкой.

Девушка хмыкнула, было видно, что она нисколько не задета. Она застыла в выжидающей позе.

— Я просто хотела сказать тебе, чтобы ты оставила в покое Даяну, — без обиняков заявила Эми. Ее слова прозвучали как приказ.

— А если нет?

— Я убью тебя.

— Вот как? — воскликнула Джоун и вновь приятно рассмеялась.

Кэрол посмотрела на Эми, услышав серьезную угрозу в голосе девочки, но которую даже не заметила Джоун. Последней явно доставляла удовольствие вся эта сцена.

— Ты мне угрожаешь, малявка?

— Да.

Джоун быстро протянула руки и, схватив Эми за грудки, притянула к себе.

— Научись отвечать за свои слова, детка... для начала.

— Я всегда отвечаю за свои слова... детка! — Эми ударила ее по ноге носком сапога, вырвавшись. Пока Джоун грязно ругалась, она наклонилась и вытащила что-то из сапога. Сорвав с головы шапку, Эми с восторженным воплем бросилась к Джоун и с разбега врезалась головой в живот девушки. Изумленный возглас Джоун резко перешел в хриплый стон боли. Они обе упали, но Эми оказалась сверху. Схватив Джоун за короткие волосы, она ударила ее затылком об асфальт. Еще не придя в себя после столь неожиданного и смелого нападения, Джоун жмурилась от боли.

Кэрол оглянулась. Ребята, давя друг друга, едва не вываливались из окон. Они явно с трудом удерживали вопли восторга, боясь привлечь внимание директора или кого-нибудь из служащих, а то и всех сразу, что означало бы конец веселым разборкам у каменной ограды. Судя по их лицам, они были в восторге от этого зрелища.

С отвращением отвернувшись от них, Кэрол перевела взгляд на распластавшихся по земле девчонок, и в ужасе вскрикнула. Схватив Джоун за волосы, Эми прижала к ее оголенной шее нож...

— Эми! — Кэрол прикрыла рот ладонью, пытаюсь успокоиться и веря в то, что подруга знает, что делает. От нее требовалось одно — не мешать.

— Если ты или кто-нибудь еще хоть пальцем тронет Даяну, я заберусь сюда ночью и порежу тебя в твоей же постели этим самым ножом, — Эми говорила тихо, но в ее голосе было столько ярости и решительности, что Кэрол поверила в ее слова. Но приняла ли всерьез их Джоун?

— Тебе ясно? — спросила Эми.

Вместо ответа Джоун, воспользовавшись своей силой, вырвалась и вскочила на ноги.

Наклонившись, она задрала штанину и выхватила нож из ремешка, обтягивающего ее голень.

— Представь себе, малявка, я нисколько не испугалась, — она засмеялась, поигрывая ножом перед лицом Эми. — У меня тоже есть такая штучка.

— Да что ты! — Эми молниеносно взмахнула рукой, и лезвие ее ножа прошло по сжатым пальцам Джоун. Вскрикнув, та выронила нож и сжала порезанные пальцы другой ладонью, которая сразу окрасилась кровью.

— Сучка, ты меня чуть без пальцев не оставила! — выкрикнула Джоун, кривясь от боли.

Эми подобрала ее нож и повернулась к застывшей на месте Кэрол.

— Держи!

Кэрол на мгновение растерялась, не зная, отскочить ли ей в сторону от летящего в нее ножа или быть такой же сумасшедшей, как Эми, и ловить его. К великому своему удивлению, она все же умудрилась поймать его, да еще и не порезаться.

«Как ты могла! — мелькнуло у нее. — Ты чуть меня не убила, дуручка!».

Но Эми не заметила ее полный укора взгляд, сосредоточив свое внимание на противнице. Руки Джоун заливала кровь.

— Боже, я ненавижу кровь! — девушка с омерзением и ужасом уставилась на ладони, губы ее дрожали. Убрав здоровую кисть, она посмотрела на порезы и, закатив глаза, свалилась в обморок.

— Вот те на! — Эми выглядела растерянной.

Кэрол взяла ее под руку.

— Пошли отсюда, Эми.

— Ты видела это? — та в страшном изумлении гладела на Джоун. — Она так испугалась собственной крови, что упала в обморок! Папа мне рассказывал, что есть такие люди, которые...

— Есть, Эми, есть! Только давай сваливать, пока нас не заметили.

— Не заметили? — Эми засмеялась и указала на множество детских лиц, замороженно глазеющих на них. Улыбнувшись, Эми послала им воздушный поцелуй и помахала рукой.

— Эми! — уже начала злиться Кэрол.

— Да иду, иду! — девочка, продолжая выделываться, поклонилась благодарной публике.

Когда они оказались по другую сторону ограды, Эми не без издевки заметила:

— Надо же, Кэрол, оказывается, ты умеешь злиться! Воистину приятное открытие!

Вернувшись домой, Кэрол быстро и незаметно поднялась в свою комнату. Заперев

дверь, она переделалась в теплый домашний старенький свитер, рукава которого были уже слишком коротки для ее длинных тоненьких ручек, и шерстяные брюки. Достав из портфеля книги и тетради, она села делать уроки. Ужасно хотелось есть, но Кэрол предпочитала остаться голодной, чем попасться сейчас на глаза пьяной матери. Элен пила уже неделю подряд. Таковой была ее реакция на то, что ее красавчик собрал вещички и смылся, прихватив с собой весь капитал Элен. Теперь она топила горе в бутылке, и вымещала свою досаду на всем и всех, кто попадался под горячую руку. Она перебила почти всю посуду на кухне, перессорилась со всеми подругами. Даже они теперь вели себя тише мышей, терпеливо ожидая, когда депрессия Элен поутихнет.

Кэрол вздрогнула, услышав, как внизу упало что-то тяжелое. Грохот сопровождался отчетливой громкой руганью матери. Поежившись, Кэрол вновь склонилась над тетрадь.

Ручка выскочила из ее пальцев, когда в дверь с силой ударили.

— Открой, сучка! — прозвучал за дверью пьяный голос Элен.

Кэрол не пошевелилась, застыв на стуле.

— Открой, говорю!

Девочка сжалась на твердом стуле, прижав колени к груди, в которой гулко колотилось сердце. Голос за дверью стих.

— Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы она не вернулась, — шептала она, склонив голову на колени. — Пожалуйста, господи...

Послышался звук вставляемого в замочную скважину ключа.

Дыхание Кэрол остановилось.

— Сейчас я до тебя доберусь, маленькая дрянь! — рычала Элен за дверью.

Кэрол вскочила, когда дверь с грохотом распахнулась.

— Мама...

— Дрянь! — подскочив к ней, Элен наотмашь ударила ее по лицу.

— За что, мама? За что... — закрыв лицо ладонями, простонала девочка.

— За что?! Ты еще спрашиваешь? Ты не открываешь дверь собственной матери!

— Прости меня, мамочка, я задремала и не слышала, как ты стучала...

— Заткнись! Ни слова больше, слышишь, ни слова, иначе я убью тебя, — лицо ее исказило какой-то припадочное бешенство. Кэрол отвернулась, не в силах смотреть в безумные злые глаза. Элен схватила ее за плечи, заставив посмотреть в ее лицо.

— Не смей отворачиваться, когда я говорю с тобой! — взвизгнула она. — Почему ты отворачиваешься от меня, а? Ты стыдишься меня, да? Стыдишься собственной матери?

— Нет, мама!

Элен снова ударила ее.

— Ты лжешь! Я зарабатываю деньги не меньшим трудом, чем остальные, я кормлю и одеваю тебя, ты обязана мне всем, что у тебя есть! Ты обязана мне жизнью, потому что я дала тебе ее, я! А ты, неблагодарная дрянь, нос от меня воротить! Я научу тебя уважать меня!

— Я и так уважаю тебя...

— Нет, я знаю — ты ненавидишь меня. Ведь я не та мамочка, о которых мечтают. И ты мстишь мне за это. Из-за тебя, по твоей вине Боб бросил меня! Ты встала между нами, сучка! Всю жизнь, слышишь, всю жизнь ты вертишься у меня под ногами, и на каждом шагу я об тебя спотыкаюсь. Ты не даешь мне жить, ты — камень на моей шее! Но учти, милая, на дно мы пойдем вместе.

Схватив дочь за волосы, она потащила ее в туалет и, швырнув на колени, сунула ее голову в унитаз. Руки девочки отчаянно забились о его края, она безуспешно пыталась вырваться.

— Хлебай дерьмо, неблагодарная тварь! Хлебай, как я всю жизнь его хлебаю, — приподняв ее лицо на мгновение, Элен вновь опустила его в унитаз и спустила воду. Вода поднялась, и Элен с удовольствием окунула в нее девочку лицом. Кэрол зажмурилась и сжала губы, боясь, что вода попадет в рот. Уровень воды стал снижаться, и Элен надавила сильнее, чтобы ее лицо продолжало оставаться в воде. Кромка унитаза врезалась в горло Кэрол, перекрыв доступ кислорода, и даже когда вода ушла, она не смогла вдохнуть.

— Не нравится? Привыкай, дрянь, тебе, так же, как и мне, придется хлебать дерьмо всю жизнь!

— Элен! Господи, Элен, что ты делаешь?

В комнату влетела Пегги Силвия и оттащила обезумевшую женщину от девочки.

Кэрол распласталась на полу, схватившись за горло.

— Элен, ты спятила, — Пегги повела ее к двери. — Ты окончательно спятила!

Кэрол расслышала, как захлопнулась за ними дверь. Поднявшись с пола, она рванулась к двери и заперла ее на ключ. Закрыв глаза, она прижалась спиной к теплему дереву.

Немного придя в себя, она вернулась в туалет, и, намылив лицо, стала яростно его тереть. Когда ей, наконец, перестало казаться, что ее кожа грязная, она ополоснулась и вернулась в комнату. Сев за стол, она взяла ручку и склонилась над тетрадь. Но руки дрожали так, что она не смогла написать ни слова. Выключив лампу, она упала на постель.

Она очень хотела быть сильной, очень. Пыталась убедить себя, что ничего страшного не произошло. Но предательские слезы были неуправляемы. Но горечь и обида разрывали грудь, заставляя ее содрогаться от рыданий.

А за окном тоскливо завывал холодный ветер, навевая чувство невыносимого одиночества...

На следующее утро, когда Кэрол собиралась в школу, мать вновь посетила ее.

— Доброе утро, мама, — тихо поприветствовала ее девочка, укладывая книги в сумку.

Элен молча подошла к ней.

— Я приняла решение, Кэрол.

Девочка медленно подняла на нее глаза.

Элен была бледна, под глазами образовались фиолетовые круги. Она всегда сияла красотой и здоровьем, что казалось невероятным, если учесть, какой образ жизни она вела и сколько лет уже занималась своим ремеслом. Но за последние несколько дней она резко переменилась, и только сейчас Кэрол это заметила. Увидела, как постарела Элен, померкла. Заметила глубокие морщинки на ее лице, усталый блеск глаз. Но почему-то в девочке не шевельнулось ни тени жалости или сострадания.

В отличии от вчерашнего вечера, Элен была очень спокойна.

Слишком спокойна.

— Ты больше не будешь ходить в школу, — она забрала у опешившей девочки сумку. — Мне тяжело. Я больше не могу таскать тебя на своем горбу, обеспечивать тебе учебу, кормить, одевать. Боб украл деньги, которые я копила всю жизнь. Если ты хочешь жить здесь, чтобы я кормила и одевала тебя, ты должна работать.

— Но, мама...

— Ты будешь следить за порядком во всем доме, менять постельное белье, стирать, —

спокойно продолжала Элен. — Так же ты будешь снова помогать Барбаре на кухне, заодно научишься готовить.

— Но как же школа, мама? — в отчаянье вскричала воскликнула Кэрол.

— Забудь про нее, это пустая трата времени, — отрезала Элен.

— Я могу и работать, и учиться.

— Не можешь, — Элен повернулась к двери, взяв сумку с книгами под мышку. — Начинай с сегодняшнего дня, и ты сама в этом убедишься. Переоденься и спускайся ко мне, я покажу тебе, что нужно делать.

Она ушла, оставив дверь открытой.

Кэрол присела на кровать, в замешательстве закусив губу.

Вечером после занятий пришла Эми, чтобы узнать, почему Кэрол не пришла в школу.

Двери ей открыла Элен.

— Что тебе нужно, черномазая?

— Я хочу видеть Кэрол. Почему она не пришла на занятия?

— Тебя это не касается. Убирайся отсюда и не смей больше здесь появляться!

— Вы опять побили ее?

Элен хотела захлопнуть дверь, но Эми с силой ударила в дверь ногой и, оттолкнув женщину, забежала в дом.

— Учтите, я вас предупреждала! — крикнула она и помчалась в комнату Кэрол.

Через несколько минут она вернулась.

— Где она? — и, не дожидаясь ответа, громко закричала. — Кэрол!

— Эми? Я здесь, в седьмой комнате! — отозвалась Кэрол.

— Кэрол... Что ты делаешь? — Эми застыла в дверях комнаты под номером семь.

Уронив половую тряпку, которой натирала пол, Кэрол в бессилии села прямо на мокрый пол.

— Я убираю.

— Что? Ты же никогда этого не делала!

Внезапно Кэрол закрыла лицо руками.

— Эми, что мне делать? Что мне теперь делать?

— Не ной. Объясни, что произошло, — Эми посадила ее на кровать.

— Она запретила мне ходить в школу. Сказала, что не будет меня содержать, если я не буду работать.

— Но она обязана тебя содержать, она твоя мать!

— У меня нет матери, — всхлипнула Кэрол. — Никогда не было и не будет.

Эми хотела возразить, но опустила глаза и промолчала.

— И все же она твоя мать, — сказала она, помолчав. — Она не имеет права так поступать с тобой. Ты должна учиться, это твой единственный шанс вырваться отсюда.

— Я знаю, — кивнула Кэрол. — Она тоже. Поэтому и не хочет, чтобы я училась. Она хочет, чтобы я всю жизнь хлебала дерьмо, как она.

— Чудовище. Как такое чудовище могло породить такого ангела, как ты? Ничего, подружка, не расстраивайся. У нас есть козырь — Мадлен. Пойдем, мы должны поговорить с ней. Вместе.

Они наткнулись на Элен, едва выйдя из комнаты.

Женщина пронзила Эми ненавистным взглядом.

— Пошла вон из моего дома, дрянь!

— Обязательно, но всего через минуту. Вы же уделите ее мне... то есть нам.

Элен предупреждающе посмотрела на дочь. Сердце Кэрол сжалось.

— Вы, наверное, забыли про загадочную внезапную смерть старушки Мадлен. — язвительно напомнила Эми. — И про свидетеля, который вас заложит с огромным удовольствием.

Лицо Элен перекосилось, мышцы нервно задергались.

— Маленькая дрянь, как ты смеешь угрожать мне? Ты думаешь, я так тебя боюсь, что позволю влезать в свою жизнь?

— Ваша жизнь, если ваше существование еще можно так назвать, меня совершенно не интересует. А вот Кэрол...

— Кэрол не нуждается в твоей опеке, черномазая. У нее есть мать.

— А вы сами часто об этом вспоминаете?

— Да как ты смеешь? — руки Элен тряслись, как у наркоманки во время ломки. — Это Кэрол тебе все жалуется, да?

Схватив дочь за руку, она стала трясти ее.

— Да как тебе совесть позволяет жаловаться, паскуда? Я кормлю тебя, одеваю, тебя даже своя комната — и ты еще жалуешься? Какая ж несчастная, вы посмотрите на нее! Только и знаешь, что ныть день и ночь, да на мать бочку катить! Это твоя благодарность, да? Боже, мало мне горя в жизни, так еще и дьявола родила на свою голову! Я знаю, ты намеренно отравляешь мне жизнь и получаешь от этого кайф, да?

Не выдержав, Кэрол вырвалась и бросилась в свою комнату.

— Когда-нибудь Бог покарает вас! — Эми дрожала от ярости. — Если Кэрол завтра не придет в школу, я наведаюсь в гости к Розе Дэй.

И, повернувшись, она убежала. Элен проводила ее взглядом.

— Только Роза Дэй не будет играть в твои игры, черномордая сука.

Подойди к телефону, она сняла трубку и набрала номер.

— Алло, Роза? Привет, киска, это Элен. Мне надо поговорить с тобой...

Сразу после занятий Эми напрямиком направилась к Розе Дэй.

Она без труда нашла ее, потому что еще раньше специально прогулялась по ее адресу, но только не заходила. Теперь она не намеревалась пройти мимо.

Роза жила в убогой крохотной квартирке, которую снимала после того, как в результате ссоры с Элен оказалась на улице. Подойдя обшарпанной двери, Эми решительно и громко постучала. Спустя минуту дверь приоткрылась, все еще оставаясь на цепочке, и в щелочку выглянуло молодое красивое женское лицо.

— Здравствуйте. Я...

Дверь вдруг закрылась, и Эми растерянно застыла на месте.

Она облегченно улыбнулась, когда расслышала шелест цепочки, и спустя мгновение дверь широко распахнулась. На пороге перед Эми предстала девушка поразительной красоты. Высокая, стройная, с нежным точеным лицом, с густыми черными волосами и грустными карими глазами, напоминающие чем-то глаза антилопы. Эми забыла, что собиралась говорить, с открытым ртом уставившись на нее.

— Проходи, Эми, я ждала тебя, — девушка отступила назад, пропуская девочку в квартиру.

Еще больше растерявшись, Эми вошла в небольшую комнату, и Роза закрыла за ней дверь.

— Вы... ждали меня?

— Да. Садись, пожалуйста, — девушка улыбнулась, указав на потрепанный стул.

Эми осторожно присела на краешек и вопросительно подняла глаза.

— Я знаю, зачем ты пришла. — первой завела разговор Роза, сев прямо поверх стола — стульев больше не было. Красиво скрестив длинные ноги, она вынула из пачки на столе тонкую белую сигарету и неторопливо прикурила. — Элен звонила мне.

— Значит, вы знаете...

— Да, знаю, Эми. Кстати, можешь со мною на ты, — она выпустила густую струйку дыма. — Элен позвонила мне вчера и предупредила, что ты можешь прийти.

— А так же попросила выставить меня за дверь, — догадалась Эми.

— Она сказала, чтобы я вообще не впускала тебя, — уточнила девушка.

— Но ты впустила и, если я не ошибаюсь, не собираешься меня выгонять.

— Ты не глупая девочка, Эми, — Роза сбила пепел с сигареты в разрисованную баночку из-под пива. — Видишь ли. Элен никогда мне не нравилась. К тому же, в последнее время мы не в очень хороших отношениях.

— Я знаю. Вы поссорились, и она выгнала вас, — кивнула Эми.

— Я смотрю, ты в курсе всего, что происходит в мотеле.

— Кэрол нужно с кем-то делиться, не держать же все в себе.

Роза кивнула и как-то грустно посмотрела на дымящийся кончик сигареты.

— Мне всегда было жаль Кэрол. У нее нелегкая жизнь, — тихо проговорила она. — Элен не жалела ее, никогда. И никто не жалел. Она просто никому не нужна. Тогда была, — с улыбкой добавила она, взглянув на девочку. — Ты любишь ее, правда?

Эми кивнула.

— Если не я, никто ее больше не защитит, тем более, она сама. Мне удалось заставить Элен перестать бить ее тем, что пригрозила, что вы согласитесь дать показания... о том, как умерла Мадлен.

— У-у-у, какая ты хитрющая маленькая стервочка, — засмеялась Роза. — И она поверила в то, что я могу заложить ее.

— Главное, что это сработало. Тогда. Она запретила Кэрол ходить в школу. Поэтому я пришла к тебе за помощью.

— Понимаешь, девочка, я не могу обратиться в полицию. Ведь я — соучастница.

— Какая же ты соучастница? Ведь Мадлен задушила Элен.

— Да. Но я присутствовала при этом и не помешала, как и все остальные, в чем сейчас глубоко раскаиваюсь. Если Элен призовут к ответу, тот призовут и всех нас.

— Но идти в полицию вовсе не обязательно. Нужно, чтобы ты просто припугнула ее, — не отступала Эми. — И все!

— Ты думаешь, это ее напугает?

— Еще бы! Если мне удалось ее запугать, то тебе — тем более.

— Ну что ж, думаю, попробовать можно, — улыбнулась Роза.

— Спасибо! Спасибо огромное! — Эми подскочила и бросилась ей на шею. — Мы с Кэрол никогда этого не забудем.

— Кэрол неплохая девочка и заслуживает лучшего. Мне будет приятно помочь ей. А Элен я бы с огромным удовольствием упекла бы за решетку, но пока обойдусь тем, что потреплю ей нервишки.

Роза засмеялась и бросила окурок в баночку.

— Когда ты поговоришь с ней? — не выдержала Эми.

— Сегодня, чуть попозже.

— Нет, лучше завтра с утра, — возразила девочка.

— Почему?

— Сегодня она уже наверняка нализалась.

— Элен пьет?

— Да, с тех пор, как ее кинул ее любовничек.

— Боб ушел от нее? — в глазах девушки мелькнул злорадный огонек.

— Он не ушел, он сбежал, к тому же со всеми сбережениями Элен.

Откинув голову назад, Роза громко расхохоталась.

— Поделом ей, сучке, — она достала еще одну сигарету и зажала между зубами, чиркая зажигалкой. Эми с любопытством наблюдала за ней.

— А можно мне? — нетерпеливо выпалила она.

— Хочешь попробовать? — улыбнулась Роза.

Девочка энергично кивнула.

— Как знаешь, — девушка протянула ей пачку. — Бери. Но не слишком увлекайся, говорят, это чертовски вредно для здоровья.

— Буду помирать молодым! — весело отозвалась Эми и сунула сигарету в рот. Роза поднесла к ней зажигалку.

— Это слабые сигареты, я пытаюсь постепенно бросить.

Эми сжала сигарету губами и деловито затянулась. Роза ждала последующего за этим кашля, но, к ее изумлению, девочка с явным удовольствием выпустила дым из легких.

— Я уже пробовала. Я как-то стащила у отца сигаретку, меня тогда хорошо повело, — Эми весело засмеялась.

— Ну что ж, будем помирать молодыми, — тоже засмеялась Роза.

— А давно ты куришь?

— С девяти лет.

— Ну ты даешь!

— Ничего удивительного. Я ведь росла в приюте, там мы и не такое творили!

— А где твои родители?

— Мать умерла, когда мне было восемь. Отец мой был безнадежным пьяницей. Он любил нас... у меня была старшая сестра, Алекс. Отец нас любил, но, сама понимаешь, воспитывать и содержать нас он не мог, да ему и не позволили. Он так просил, чтобы нас не отбирали, он обещал бросить пить, даже согласился подлечиться в клинике. А потом найти хорошую работу. Но бабушка, мамина мать, не поверила в него, она не рискнула отдать нас в его руки. Сестру она забрала к себе, а меня определила в приют.

— Почему? — поразились Эми. — Как она могла так с тобой поступить, ты же ее внучка!

Роза пожала плечами, сбивая пепел с сигареты, глаза ее снова стали грустными, как тогда, когда она говорила о Кэрол.

— Двоих взять она не могла. Алекс было почти семнадцать, с ней не нужно было возиться, она была вполне уже самостоятельной, а я была шумная и непослушная. Алекс, ласковая и спокойная, больше устраивала бабушку. В восемнадцать у нее родилась дочь. Она назвала ее в честь матери — Джоун. Кто был отцом девочки, так никто и не узнал. Алекс растила дочь, ухаживала за больной бабушкой, а я росла в приюте. Когда мне исполнилось

четырнадцать, я сбежала оттуда. Меня подобрал один мужчина, и до того момента, когда я пришла к Элен, я жила у него.

— И что ты должна была делать для этого? — поинтересовалась Эми.

— Что? — изумилась Роза, сделав удивленные глаза.

— Да ладно, не прикидывайся! — отмахнулась девочка. — Наверняка он кормил тебя все эти годы не по доброте душевной. Зачем ему это надо?

— Сколько тебе лет, Эми?

— Двенадцать.

— Для двенадцати ты слишком мудро мыслишь, — заметила Роза.

— Я знаю. Я умная и не наивная девочка, которой можно запудрить мозги, — без лишней скромности согласилась Эми.

— Это хорошо, — кивнула Роза и продолжила свой рассказ. — Ты права, я не просто так жила у него. Мне приходилось работать для него. Он торговал мной. За заработанные деньги он кормил меня, половину забирал себе, остальное отдавал мне. Меня это вполне устраивало. К тому же он хорошо относился ко мне, не обманывал и почти не обижал. Если признаться, я была безумно влюблена в него, хоть он и был старше меня почти на двадцать лет. Наивная дурочка, я вбила себе в голову, что он тоже меня любил. Я делала все, что он попросит, ради него я была готова на все. А потом он вдруг взял и женился, а мне сказал: «Извини, но тебе придется уйти». Я тогда чуть не покончила с собой. Именно тогда я случайно встретила Элен. Она предложила мне и жилье и работу.

— М-да, тебе бы я не позавидовала. — пробормотала Эми. — А Алекс? Почему бы тебе не жить у нее, не найти хорошую работу...

— Алекс умерла пять лет назад, — перебила Роза.

— А дочь?

— Джоун? Она сейчас живет в нашем приюте. Хорошая девочка. Я заберу ее оттуда, как только найду нормальное жилье и работу. Чистую работу.

— А я знакома с твоей племянницей.

— Правда?

— Угу. Я на этой неделе ей морду набила, — Эми засмеялась.

Роза в замешательстве уставилась на нее.

— За что?

— Вы слышали о Тимми Спенсере?

— О, да, конечно. Бедный мальчуган.

— У него есть сестра, Даяна, и она моя подруга. Моя и Кэрол. Тимми и Даяна жили с бабушкой, родители их погибли. После смерти Тимми бабушка скончалась, а Даяну определили в приют. Бедняжка, она еле держится!

— Еще бы!

— А еще ко всему прочему, твоя племянница решила скрасить себе жизнь, издеваясь над обессилившей девочкой, — не без злобы заявила Эми. — Вот мне и пришлось с ней побеседовать.

— Кулаки вряд ли повлияют на Джоун. Будет больше толку, если я поговорю с ней. Меня она слушает, она любит меня, — с явным удовольствием сказала Роза. — А ты не знаешь, тело этого мальчишка так и не нашли?

Эми покачала головой, разу погрузнев.

— Как странно! Куда же оно могло пропасть? Господи, а если... — девушка в ужасе

прикрыла рот ладонью. — Если эта собака сожрала его?

— Какая чушь! — вскричала Эми, вскочив. — Убийца не мог съесть Тимми, это собака, а не тигр!

— Конечно, но все же, что случилось с телом?

— Я знаю, что случилось с Тимми — его разодрали на куски! Какая разница, что потом случилось с тем, что от него осталось? — на глазах Эми заблестели слезы. — Его больше нет, он умер! Все остальное не имеет значения!

— Эми, извини меня, пожалуйста, я не думала, что ты так расстроишься, — растерялась Роза.

— Ничего, все нормально, — Эми схватила с пола школьную сумку и направилась к двери. — Уже поздно, мне пора.

Смахнув с щеки слезу, она обернулась.

— Еще раз спасибо, — чуть улыбнулась она. — СПАСИБО.

И, открыв дверь, вышла.

К Кэрол Эми пришла через день.

Та валялась в постели с высокой температурой и воспаленным горлом. Эми она призналась, что полоскала белье в ледяной воде, за что Эми ее безжалостно отчитала. После она рассказала, как ходила к Розе, об их разговоре.

— Она с нами, — довольно сказала Эми. — И мы придем к стенке Элен. Роза еще вчера должна была ей позвонить. Не знаешь, не звонила?

Кэрол пожала плечами и удрученно покачала головой. Ей все это не нравилось. Припираться к стенке собственную мать — мало что хорошего.

Эми продолжала осыпать ее хорошими новостями. Вчера она навещала Даяну, и ей показалось, что та немного оживилась. Эми принесла ей коробку конфет и термос с горячим чаем, и девочки, расположившись на лавочке, потягивали кипяток и с удовольствием лопали конфеты. Эми заметила, что из-за дерева за ними наблюдает Джоун. Увидев, что ее заметили, девушка отвернулась и хотела уйти, но Эми ее вдруг окликнула, попросив подойти. Поколебавшись, Джоун подошла к ним, напустив небрежный вызывающий вид. Эми обратила внимание на то, что рука ее перевязана. Улыбнувшись, она пригласила Джоун к их «столу». Девушка ожидала чего угодно, но только не этого, и потому очень растерялась.

— Садись, Джоун, не стесняйся, — заговорила Даяна. — Сама знаешь, здесь мы не часто едим конфеты.

Джоун была шокирована. Девочка, которую она изводила, предлагает ей конфеты! Опасаясь подвоха, Джоун хотела повернуться и уйти, но соблазн был слишком велик, и она присела к ним. Эми поговорила с ней о Розе. Джоун сказала, что она приходила к ней утром.

Эми не могла не отметить, что после визита тетушки отношение Джоун к ним заметно изменилось. В лучшую сторону.

— Знаешь, Кэрол, она вовсе не плохая девчонка, — тараторила Эми. — Она даже мне понравилась, представляешь? Мне кажется, я тоже ей понравилась. Она сказала, что отныне Даяну никто никогда не обидит в этом приюте. Они лично позаботятся об этом.

— Это хорошо, очень хорошо, — улыбнулась Кэрол. — Дай Бог, Даяна справится со свалившейся на нее тяжестью.

— Обязательно справится, на то и существуют друзья, — торжественно провозгласила Эми.

Кэрол провалялась в постели целую неделю.

Эми каждый день навещала ее, а также Даяну. По ее словам, они очень сдружились с Джоун. Кэрол не терпелось тоже поближе познакомиться с девушкой.

— Наша команда растет! — радовалась Эми.

Элен странно приутихла. Что она решила после звонка Розы никто даже не догадывался. Ей было дано время на раздумье до выздоровления Кэрол. Сама девочка страшно переживала. А вдруг мать не поведется у них на поводу и все равно не позволит ходить ей в школу? Но как бы не было еще хуже. Кэрол панически боялась мать.

Поглаживая бордовый синяк на горле, она вспоминала ее безумный взгляд, и кровь в жилах застывала. Раньше Элен была просто жестока, сейчас девочке казалось, что она психически ненормальная. Она чуть не задушила ее, когда купала в унитазе. Если бы не Пегги...

В ушах Кэрол до сих пор звучали ее слова: «Элен, ты спятила! Ты окончательно спятила!». А если так оно и есть? Что тогда будет? Кэрол не хотела об этом думать. Она уверяла себя, что это очередные выдумки ее воображения и наверняка не мать, а сама она сходит с ума. Но страх от этого не уменьшался. Только теперь Кэрол осознала, что всю жизнь в ней был этот страх. Она всегда боялась свою мать. Этот страх был заложен еще в раннем детстве, он никогда не оставлял ее, лишь временами становился то слабее, то сильнее.

Но никогда еще Кэрол не было так страшно, как тогда, когда ее лицо было опущено в унитаз, когда сильные пальцы впивались ей в затылок, когда холодный керамический ободок врезался в горло и беспощадно перекрыл дыхание. Возможно, тогда она была на волосок от смерти.

Что, что сейчас творится в голове этой ненормальной?

Какие безумные мысли там одолевают мозг?

В этот вечер Элен не влила в рот ни капли спиртного. Пожаловавшись на боли в желудке, она заперлась в своей комнате и больше не выходила. Клиентов не было, и во всем доме стояла какая-то непривычная зловещая тишина.

Кэрол, измотанная болезнью, крепко спала в своей комнате. Поразительное спокойствие матери и тишина в доме несколько успокоили ее, страхи отступили и, расслабившись, девочка забылась в глубоком сне. Последней ее мыслью было: «Кто его знает, может все и уляжется, и мать на самом деле не такое уж страшное чудовище».

Пегги Силвия, обеспокоенная состоянием Элен, заварила крепкого чая и поднялась в ее комнату. Элен лежала на кровати, уставившись пустым взглядом в потолок. На появление Пегги она никак не отреагировала.

— Элен! — испуганно вскрикнула Пегги и, поставив поднос на тумбочку, бросилась к постели.

Элен оторвала взгляд от потолка и медленно повернула голову.

— Господи, как ты меня напугала! — облегченно выдохнула Пегги и присела на край кровати. — Я уж подумала, что ты концы отдала.

— Не дождетесь, — мрачно отозвалась Элен.

— Как ты себя чувствуешь? — ее слова Пегги приняла за шутку. — Ты ужасно бледная, Элен. Я принесла тебе крепкого чая, как ты любишь.

— Сахар положила? — резко спросила Элен.

— Что? — на мгновение Пегги растерялась, ошеломленная ее тоном. — Нет-нет, Элен, не положила, я же знаю, что ты любишь крепкий и без сахара.

— Спасибо, Пег.

— Чай очень горячий, пусть минуту постоит, остынет, — заботливо предупредила Пегги.

— Что делает Кэролайн?

Вопрос опять застал Пегги врасплох.

— Кажется, она уже спит. Рут сбила ей температуру, напоила горячим молоком, и девочка сразу уснула.

— Она заперла двери?

— Двери? Она уснула, когда Рут еще была в ее комнате и, если после этого она не просыпалась, то двери не заперты, — Пегги настороженно посмотрела на нее. — А что?

— Ничего, Пег. Иди спать.

— Хорошо. Если что будет нужно...

— Спокойной ночи, Пег, — отрезала Элен.

— Спокойной ночи, Элен, — Пегги, не имея никакого желания раздражать Элен, не медля, удалилась.

Минут двадцать Элен продолжала неподвижно лежать, уставившись в потолок.

Забывший чай давно остыл, она даже не притронулась к нему.

Она так и лежала, не раздевшись, на неразобранной постели. Лежала и прислушивалась. Когда шаги в доме полностью стихли, и все женщины, наконец-то разбрелись по своим комнатам, Элен вдруг встала и вышла из комнаты. Как можно бесшумно она прошла мимо комнат подруг и спустилась по лестнице.

Не включая нигде свет, она в потемках побрела на кухню, ежась от холода.

Дом был большой и плохо отапливался, поэтому в нем было холодно. Элен ненавидела холод и сильно раздражалась по этому поводу. Бормоча сквозь зубы проклятия, она зашла в кухню и остановилась. Эта комната была меньше и гораздо темнее всех остальных. Но Элен шагнула мимо выключателя и подошла к столу. Уверенно она протянула руку в темноту, словно зная, что то, что ей нужно, находится именно там. И она не ошиблась.

Женщина тихо засмеялась, пытаясь разглядеть лезвие большого кухонного ножа, который сжала в ладони. Потом лицо ее приобрело довольно зверское выражение.

— Может теперь вы поймете, с кем связались, глупцы!

И, сжав пальцами рукоять ножа, решительно вышла из кухни.

Это был мужчина, очень высокий, просто огромный, стройный и сильный. Его лица она не видела, оно было закрыто чем-то черным, вроде маски, открыты были лишь глаза, и они показались ей странно знакомыми. Большими, синими и невероятно красивыми. Она знала эти глаза. Но этого мужчину — нет. И взгляд этих таких до боли знакомых глаз был чужим, холодным, жестоким. Взглядом убийцы. И еще волосы... У него были очень красивые светлые волосы. Больше она ничего не могла разглядеть, чтобы понять, кто это. У нее была уверенность, что она знает его. И в тоже время не знает.

Она была привязана к кровати, руки ее были закинута за голову и крепко стянуты в запястьях. Она вдруг почувствовала, что абсолютно голая...

Он стоял над ней и смотрел, не говоря ни слова. В руке его был нож. Она знала, что он пришел ее убить. Задыхаясь от ужаса, она хотела закричать, но оказалось, что рот ее перевязан, и она может только мычать. А он наклонился над ней, сжимая в руке нож. И Кэрол увидела его глаза снова, совсем близко, прямо напротив. Почему-то она была уверена, что если она узнает эти глаза, она будет спасена... и она смотрела, смотрела... И вдруг

узнала. У этого убийцы были глаза, похожие на глаза Тимми, только это были уже взрослые глаза, и взгляд, и выражение были совсем другие... Нет, у маленького Тимми никогда бы не было таких холодных и беспощадных глаз, даже если бы он вырос. Убийца вдруг освободил ей рот.

— Тимми! Это же я, Кэрол!

Убийца поднял руку и стянул маску. И Кэрол закричала, увидев страшные шрамы на неожиданно прекрасном лице.

— Я не Тимми. Меня зовут Ноэль, — прохрипел он незнакомым низким, тихим, надорванным, как будто больным голосом.

И замахнулся на нее ножом. Кэрол сжалась и пронзительно закричала.

И вдруг почувствовала, что чьи-то маленькие руки трясут ее за плечи.

— Кэрол, проснись!

В ужасе она распахнула глаза, узнав голос.

Убийца исчез, перед ней был маленький Тимми. Он смотрел на нее своими прекрасными синими глазами, ласковыми, добрыми, мягкими. Руки ее были свободны, она была одета. Вцепившись в нее, он отчаянно ее тряс, его пальцы с поразительной силой сжимали ее плечи, причиняя боль.

— Тимми, что ты делаешь?

— Проснись! Просыпайся, ну же!

— Я не сплю, Тимми! Ты делаешь мне больно!

— Проснись! — кричал он в ужасе. — Быстрее! БЫСТРЕЕ!

Вздрагнув, Кэрол подскочила на постели.

— Тимми? — позвала она.

Тишина. Господи, ну и сон! Со вздохом облегчения она упала на подушки и натянула на себя одеяло. Холодно!

Какой странный сон. Нехороший сон.

Зачем Тимми заставил ее проснуться? И что еще за мужчина со странным именем и почему он хотел убить ее?

И вдруг Кэрол стало страшно. Она посмотрела на дверь.

Странно, она не помнила, запирала она ее или нет.

Девочке очень не хотелось вылезать из-под теплого одеяла, но страх взял вверх, и, выскочив из постели, она подбежала к двери. Та действительно не была заперта, и Кэрол, не медля, повернула ключ в замке. Немного успокоившись, она вернулась в постель. Закутавшись в одеяло, она прочитала молитву и вновь уснула.

Пегги в наушниках развалилась на разобранной постели в своей комнате, уткнувшись в книгу. Это был один из дешевых любовных романов, которые она просто обожала. В ушах грохотала музыка, но это нисколько не отвлекало ее от чтения. Наоборот, она любила совмещать эти две прекрасные вещи — книги и музыку. Никто из подруг не понимал, как это можно делать, и находили это даже ненормальным. Но Пегги никогда не интересовало ничье мнение, для нее существовало только ее собственное. И она убедилась, что так жить гораздо легче. Делать то, что нравится тебе, и плевать на то, нравится ли это другим. Хотя, несмотря на это убеждение, она не всегда делала то, что ей нравится. Ей не нравился образ жизни, работа, начальство в лице Элен. Поэтому она никогда не отказывала себе в мелочах и странностях, которые ее привлекали.

Например, она не переносила жару и любила холод. Все в доме кутались, как только

можно, стуча зубами, а она одевалась в шелковые платья, наслаждаясь приятной прохладой и раздражая этим остальных. И еще она получала огромное, ни с чем несравнимое удовольствие, действуя кому-нибудь на нервы. Единственным человеком в ее окружении, которого не коснулось это, была Элен. Злить ее крайне нежелательно, и так считала не только Пегги.

Но сейчас она плевала даже на Элен, подхваченная бурным сюжетом книги и паря в плавных потоках музыки. Какой-то странный звук в наушниках заставил ее оторваться от книги. Этот звук совсем не сочетался с музыкой, да и она точно помнила, слушая кассету десятки раз, что такового и не было. Поняв, что звук не из наушников, она сняла их и прислушалась. И он повторился, и теперь она услышала его более отчетливо.

Наушники выпали из рук, и она застыла в недоумении.

Это был вопль. Пронзительный, полный ужаса вопль.

Оцепенение длилось лишь секунду.

Пегги вскочила с кровати, зацепив наушники, которые чуть слышно ударились о пол, и вылетела из комнаты. Крик повторился, и на этот раз он был похож на истерический детский плач. «Кэрол! — мелькнуло у Пегги. — Это кричит Кэрол!».

Она рванулась к ее комнате и толкнула дверь. Заперта.

— Кэрол, с тобой все в порядке? — закричала она. — Ты слышишь меня? Эй!

По ту сторону двери — ни звука.

Пегги вдруг вспомнила сцену в туалете, когда она еле оттащила Элен от девочки, вспомнила странное поведение Элен сегодня вечером, их разговор. Элен спрашивала, заперла ли Кэрол дверь. Зачем?

Холодный пот внезапно выступил на спине Пегги, и она с силой заколотила руками в дверь.

— Эй, откройте! Что там происходит? Слышите меня? Я сейчас позвоню в полицию!

— Пег, что случилось? — к ней подбежала Рут Ланкастер, кутаясь в теплом халате и тараща огромные испуганные глаза.

— Я не знаю, — растерянно ответила Пегги. — Я слышала, как кричала Кэрол.

— Я тоже.

— Что вы всполошились, дуры? — прозвучал за спиной Пегги холодный высокомерный голос Меган Аркет. Пегги, кипя от ярости, повернулась к ней. Меган была на полторы головы выше нее, с бледным тонким лицом, жестким самоуверенным взглядом и тонкими презрительными губами. Пегги всегда добивало ее ледяное равнодушие и невозмутимое спокойствие, что бы ни случилось. Казалось, ничто и никто не в силах вывести эту женщину из равновесия.

— Кэрол кричала, ты что, оглохла?

— Ну и что?

Пегги еле сдержалась, чуть не врезав ей по отвратительной физиономии.

— Первый раз, что ли? — спокойно продолжала Меган. — Она часто орала во сне, забыли?

— Это было, когда она была еще малышкой, к тому же, так она еще никогда не кричала! — горячо возразила Пегги.

Рут Ланкастер согласно кивнула.

— Я позову Элен, — проговорила она, но Пегги ее остановила.

— Подожди...

Она не закончила. Услышав скрип открываемой двери.

На пороге темной комнаты появилась Кэрол в длинной ночной сорочке, устремив на них покрасневшие от слез, испуганные глаза.

Женщины, застыв на месте, молча смотрели на нее.

— Кэрол, ты в порядке? — осторожно спросила Пегги.

Девочка кивнула с каким-то пустым отсутствующим взглядом в глазах.

— Что случилось? — продолжала Пегги.

— Ничего, — еле слышно ответила Кэрол.

— Как это ничего? — сорвалась Меган. — Тогда какого дьявола орешь, как резанная?

Девочка вздрогнула и подняла на нее грустные глазки. Казалось, ее напугал повышенный голос женщины.

— Ты сама орешь сейчас, как резанная, заткнись! — огрызнулась Пегги и, подойдя к девочке, взяла за плечи. Коснувшись ее лба, она отметила, что Кэрол палит жар.

— Мне приснился кошмар, — извиняющимся тоном проговорила девочка. — Простите, что разбудила.

Фыркнув, Меган Аркет развернулась и быстро пошла к себе. Рут проводила ее взглядом, думая о том, как же все-таки бессердечна эта женщина, а Пегги даже не обратила на нее внимания.

— Что же могло присниться, чтобы так кричать?

Кэрол сжалась, болезненно скривившись.

— Да так... Ничего особенного.

— Уж не кошмар, который ты пережила ночью в парке? — с любопытством поинтересовалась Рут. — Собака — убийца, твой друг, тот маленький мальчик...

Она резко осеклась, потому что ей показалось, что девочка сейчас закричит. Настолько невыносимыми были для нее эти слова. И Рут поняла, что угадала.

— Бедная девочка, — с сочувствием сказала она. — После такого и с ума сойти можно, тем более ребенку.

— Я не схожу с ума, мне всего лишь приснился плохой сон! — вдруг вскричала девочка и, заскочив в комнату, захлопнула дверь.

Женщины услышали звук поворачиваемого ключа и переглянулись.

— То, что она пережила, действительно страшно, — вздохнула Пегги. — Но со временем это пройдет. Со временем проходит все.

Стоя по ту сторону двери, Кэрол слышала ее слова и невольно повторила.

Да, когда-нибудь эта боль, этот ужас пройдет, надо лишь набраться мужества и ждать.

Ждать, когда она перестанет слышать во сне переполненные ужасом крики Тимми, видеть кровь и куски живого мяса. Когда пройдет этот безумный страх перед собаками, которого никогда раньше не было. Все пройдет. Совсем скоро.

Подбодрившись этими мыслями, она легла в постель.

За окном воздух сотряс оглушительный раскат грома, в стекло ударили первые крупные капли дождя. Кэрол не боялась ни грома, ни молнии, ни вечно стонущего ветра, ни шумного дождя. Она боялась снов, вернее того, что может в них увидеть.

Прислушиваясь к разбушевавшейся грозе, она старалась не уснуть, но умиротворенный шум дождя странно успокоил ее и убаюкал.

Она не заметила, как уснула, и на этот раз ее сон был без сновидений, спокойный, тихий и черный, как сама преисподняя...

Вздрыгнув, Роза Дэй проснулась.

С похолодевшим сердцем она слушала, как все еще дребезжат стекла в оконных рамах от только что прозвучавшего безумного грохота. Уставившись широко распахнутыми глазами в темноту, девушка подумала не взорвалась ли атомная бомба, или, может быть, раскололась земля? Все, что угодно, но только не гроза. Роза с детства панически боялась грозы. Почему, она не знала, но, будучи маленькой, надеялась что с возрастом все пройдет. К ее глубокому разочарованию, ничего не изменилось. Даже с возрастом. Она уже взрослая женщина, а этот глупый страх по-прежнему живет в ней. И она уже смирилась с тем, что о никогда не покинет ее.

Потянувшись к тумбочке, она зажгла лампу. Взяв журнал, она со вздохом открыла первую страницу и отсутствующим взглядом уставилась на попавшуюся статью. Пробежав несколько раз подряд по одним и тем же строчкам, она, так и не вникнув в написанное, раздраженно перевернула страницу. Оставив попытку что-либо прочитать, Роза стала разглядывать фотоснимки.

Внезапно в дверь что-то ударило.

Оторвавшись от журнала, девушка в недоумении посмотрела на дверь.

Вновь тяжело вздохнув, она покачала головой — показалось! — и переключила внимание на журнал.

И тут же в дверь снова постучали, на этот раз тихо и... умоляюще.

Да, именно так показалось Розе.

Сжав журнал, она молча смотрела на дверь, пытаясь понять, кто может к ней прийти в этот час. Долго ломать голову не пришлось, потому что к ней никто не мог прийти.

Стук настойчиво повторился.

«Меня нет дома!» — захотелось сказать ей.

Но все же Роза встала и осторожно на цыпочках подошла к двери.

— Кто там?

— Роза, открой, пожалуйста, мне нужна твоя помощь, — прозвучал за дверью взволнованный голос.

— Элен? Что случилось?

— Открой, пожалуйста, я все промокла. — с мольбой донесся голос из-за двери.

— Да, конечно... минутку, — дрожащими руками Роза стала отпирать дверь, взясь с замками. Внезапный визит Элен, да еще в такое время и в такую погоду, заставил ее растеряться и не на шутку разволновал. Определенно что-то случилось, что-то из ряда вон выходящее, что вынудило Элен прийти к ней, несмотря на то, что пару дней назад она готова была чуть ли не убить ее.

Нерешительно приоткрыв дверь, Роза выглянула наружу.

— Боже мой! — вырвалось у девушки.

На пороге, трясась от холода, стояла Элен. По мокрым волосам на лицо стекали прозрачные капли дождя. Глаза казались воспаленными и слезились, во взгляде сквозило отчаяние. Розе показалось, что она плачет, и девушка поспешила открыть дверь.

— Входи, Элен.

Женщина покачала головой.

— Нет, — она внезапно схватила девушку за руку, заставляя испуганно отшатнуться. — Будет лучше, если ты выйдешь.

— Я не понимаю...

— Кэрол... У нее очень высокая температура, — Элен отпустила руку девушки и нервно сжала свои пальцы. — Она уже почти два часа без сознания. Я не знаю, что делать.

— Как это не знаешь? Вызови доктора!

— Я... мне нечем платить, — глаза Элен умоляюще устремились в глаза Розы. — Я знаю, ты немного понимаешь в медицине...

— С чего ты взяла? Ты прекрасно знаешь, что я не училась в медицинском институте, — немного съязвила Роза.

— Вспомни, когда Кэролайн была маленькой, ты как-то сбивала ей жар, — Элен снова схватила ее за руку. — Роза, пойми, я бы не приехала сюда просто так!

— Да, я знаю, — кивнула девушка. — Дай мне минуту.

Она направилась к шкафу.

— Я подожду тебя в машине, она за углом, — сказала Элен. — Прошу тебя, не задерживайся.

У Розы слишком поздно возник вопрос, почему она оставила машину за углом, к тому времени Элен уже не было. Одевшись потеплее, она взяла зонт и вышла из квартиры. Пока она возилась с замком, дверь соседней квартиры приоткрылась, и показалась любопытная физиономия пожилой женщины. Заметив ее, Роза приветливо улыбнулась.

— Добрый вечер, миссис Чени.

— Уже за полночь, мисс Дэй, — сообщила старуха и с плохо скрываемым любопытством осторожно поинтересовалась. — Куда это вы в такой час?

— Просто возникли неотложные дела, — стараясь быть вежливой сдержанно ответила девушка. На самом деле, эта старуха уже достала ее своей чрезмерной любознательностью.

— В час ночи? — с сомнением и настороженностью заметила соседка.

— Спокойной ночи, миссис Чени, — Роза отвернулась и пошла прочь.

— Дошляешься, глупая потаскуха, — зло огрызнулась старуха ей вслед и захлопнула дверь.

Раскрыв зонтик, который уже немного потерялся, Роза быстро зашагала вдоль темных безмолвных домов и свернула за угол. Разглядев в темноте старенький «Понтиак» Элен, который уже давно должен был уйти на вечный покой, она пошлепала по мокрому асфальту к нему.

Порывистый ветер беспощадно бил по лицу ледяными струями дождя, которые врезались в кожу, словно сотни маленьких иголок. И зонтик был плохой защитой от них. Ветер выворачивал его наизнанку, вырывая из рук, и девушка, чертыхаясь, с трудом его удерживала.

Уже у самой машины зонтик вылетел из ее рук и плюхнулся в большую грязную лужу.

— Ну и черт с тобой! — в сердцах пробормотала Роза и, открыв дверцу машины, села рядом с Элен.

Женщина посмотрела на нее, и в ее взгляде промелькнула странная усмешка и презрение. В сердце Розы закралось неприятное и непонятное чувство, заставившее ее усомниться в сидящей рядом женщине и во всех сказанных ею словах.

Заметив тревогу в глазах девушки, Элен, незаметно про себя ухмыльнувшись, включила зажигание.

Взвизгнув колесами, «Понтиак» скрылся за темным безлюдным углом.

И теперь ничто не нарушало зловещей тишины, кроме шума дождя, да ветра, завывающего в кронах голых деревьев.

На следующее утро, когда дом-мотель начал постепенно просыпаться, и его обитатели, еще немного сонные, не спеша выползали из своих комнат и тянулись на кухню, мечтая о крепком горячем кофе, солнце сияло во всю, заглядывая в окна, и было на удивление теплое, ласковое и приятное. Небо, ясное, голубое и чистое радовало глаз, особенно, когда в памяти всплывали вчерашние темные неприветливые тучи, сгущавшиеся все сильнее и сильнее, словно небесные силы гневались, и потом этот гнев выплеснулся в малоприятную грозу. Подобная погода явно не способствовала поднятию настроения. В отличие от сегодняшней. Казалось, что наступила весна, хотя до нее еще было далеко.

Пегги, Рут, Меган и кухарка Барбара сидели на кухне. С удовольствием попивая дымящийся кофе и поглядывая в залитое солнечными лучами окно. Судя по их оживленному щебетанию и взрывам громкого хохота, который они даже не пытались приглушить, игнорируя то, что проснулись еще не все, у каждой было довольно приподнятое настроение.

— Как можно спать, когда на улице такая погода! — недоумевала Рут Ланкастер, давая всем понять, о ком идет речь.

— Элен плохо себя вчера чувствовала, — оправдывающим тоном отозвалась Пегги и осеклась, смерив презирающим взглядом. — А тебе-то что? Пусть спит. Лично я предпочитаю, чтобы она проводила побольше времени зубами к стенке.

— Это уж точно! — подхватила Барбара и разразилась громким хохотом, который был тут же подхвачен остальными. Казалось, от их смеха пустые чашечки из-под кофе задребезжали на фарфоровых блюдцах.

В это время в кухню вошла Кэрол с взлохмаченными волосами на голове и кутаясь в старой пуховой кофте. Женщины мельком взглянули на нее и, не проявив к ней особого интереса, продолжили разговор.

— Доброе утро, — равнодушно поприветствовала их девочка и, подойдя к холодильнику, открыла дверцу и почти засунула в него голову. Взяв пару яиц, пакет с молоком и немного ветчины, она захлопнула дверь холодильника ногой.

Никто не обращал на нее внимания, пока она возилась у плиты, готовя себе завтрак.

Кэрол была слегка удивлена тем, что мать до сих пор не встала, обычно она поднималась рано. Может быть, она приболела?

Сама Кэрол чувствовала себя неплохо. Высокая температура спала, горло еще немного саднило, тело сковала слабость, но болезнь осталась позади.

Жуя свой завтрак, девочка с упоением мечтала о приближающемся Рождестве. Эми пригласила встречать праздник у нее дома ее, а также Даяну и даже Джоун. Родители Эми решили устроить детям настоящую вечеринку. Мистер Джон пообещал поговорить сам с заведующей приюта, чтобы девочек отпустили на Рождественскую ночь. А Кэрол предстоял по этому поводу разговор с матерью, и в данный момент она ничего так не боялась, как того, что Элен, мстя им, не позволит ей встречать Рождество в доме Берджесов. Но Кэрол твердо решила, что даже если мать будет против, она все равно поступит по-своему. Пусть потом мать делает с ней все, что хочет, но она встретит это Рождество так, как мечтала всю жизнь.

Впервые в жизни она чувствовала подобную решительность и уверенность, и ей пришлось по душе эти ощущения. Очевидно, ей слишком хотелось этого праздника.

Помимо уже названных выше приглашенных, Эми пригласила несколько ребят из школы. Среди них был некий Том Фокстер, и мысль о том, что он будет с ними, вселяла в Кэрол тихую затаенную радость.

Этот мальчик был на год старше нее, она знала его с первого класса, но он ничем не выделялся для нее среди всех остальных мальчишек, кроме как тем, что водился с сестрами Блейз, и это отнюдь не возвышало его в ее глазах. Почему ее отношение к нему вдруг так резко изменилось, Кэрол понять не могла. Просто недавно она столкнулась с ним у школьных дверей, и их взгляды случайно встретились. Сердечко ее вдруг дрогнуло, и с тех пор она постоянно искала его глазами в школе.

Том был довольно милостивым мальчиком, с веселыми карими глазами и непослушной гривой густых светло-каштановых волос. На скулах его были рассыпаны мелкие, едва заметные веснушки, которые порой то исчезали совсем, то появлялись вновь, и они делали его лицо незаурядным и даже каким-то интересным. Ведь недаром эта злючка Кейт Блейз из всех мальчиков выбрала себе в друзья именно его. Но он не совсем осознавал оказанной ему великой чести со стороны Кейт, и как она не пыталась добиться того, чтобы был только ее другом, Том, будучи довольно общительным, дружил, помимо нее, со многими другими мальчиками и девочками, и никогда не упускал случая завести новых друзей. Наверное, именно по этой причине он принял приглашение Эмми. Кэрол со злорадной усмешкой представила, что будет с Кейт, когда она узнает. А может, она уже и узнала. Кэрол была уверена, что она воспримет это, как попытку увести у нее ее обожаемого. Но с чего вдруг Эмми решила пригласить его, он не числился в списке ее друзей и никогда не вызывал в ней особого интереса? Может, она захотела насолить сестрам Блейз и позлить, что всегда доставляло ей невыразимое удовольствие. А может она как-то пронюхала про интерес Кэрол к Тому Фокстеру и решила подсобить нерешительной застенчивой подружке? Но последнее казалось Кэрол невозможным. Она ни разу не заикнулась о Томе Фокстере, Эмми же не могла пролезть ей в голову и прочесть мысли! Но порой ей казалось, что именно так Эмми и делает. Кэрол убедилась, что она ничего от нее не может скрыть. Похоже Эмми знала ее лучше, чем она сама, но это приносило ей всегда только пользу. Эмми была по натуре человеком сильным, решительным и весьма сообразительным — по мнению Кэрол именно этими главными качествами она сама была обделена. И Кэрол вовсе не возражала против того, чтобы Эмми влезала в ее жизнь и даже распорядилась ею. Не будучи в состоянии сама себе помочь, Кэрол без колебаний принимала помощь Эмми, всегда делала то, что она советовала, и никогда еще ей не пришлось об этом пожалеть. Случалось даже наоборот. Когда в редких случаях слова Эмми были отвергнуты. Потом об этом все глубоко жалели. Так было, когда она предупреждала об опасности Убийцы и о том, что если его не уничтожить, он еще натворит дел. Эмми словно чувствовала надвигающееся несчастье. Кэрол никогда не забудет этого, и чувство вины в смерти Тимми ощущала наиболее остро. Он погиб у нее на глазах, и она никогда не сможет вычеркнуть из памяти эти моменты. Такое не забывается.

После смерти Тимми, Кэрол постоянно думала о нем, но теперь ее мысли занимал Том Фокстер. От этого она чувствовала себя еще более виноватой, но ничего не могла с собой поделать. Все ее мысли были направлены на предстоящее Рождество и на то, кому какие подарки приготовить.

Даяне, которая очень любила читать, в отличие от нее с Эмми, она решила подарить яркую красочную книгу «Робинзон Крузо», и заранее предвкушала восторг подружки. Она уже давно приготовила этот подарок, еще в начале осени. Книга бережно хранилась в плотной оберточной бумаге в ее тайнике — на чердаке. Там же хранились деньги, которые она заработала, с друзьями подметая летом аллеи парка. Это была идея Эмми, как всегда. Управляющий парком платил им, конечно, гроши, но за все лето накопилась довольно приличная для ее кармана сумма.

Заранее она так же приготовила подарок для Тимми. Это был красивый перочинный нож и совсем не игрушечный. Она долго колебалась, прежде чем купить его, но решилась, представив в каком диком восторге будет Тимми. Жаль, что она не успела подарить ему эту вещь и так и не увидела его радости. У нее мелькнула мысль подарить нож Тому Фокстеру, чтобы покорить его сердце, но она тут же передумала. Подарок был предназначен для Тимми, и никому больше она его дарить не будет. У него даже не было могилы, на которую она могла бы отнести свой подарок в Рождество. Лишь в парке у аллеи стоял маленький памятник, не достигавший по высоте и колена, который поставил отец сестер Блейз, дабы показать обществу, как он сожалеет. Но это был лишь холодный камень, поставленный руками убийцы, и ни Кэрол, ни Эмми, ни Даяна никогда даже не подходили к нему.

— Он, наверное, решил, что эта глыба вполне заменит Тимми, — сказала Эмми по этому поводу. — Этот камень никому не нужен, никто потом даже не вспомнит, зачем он здесь стоит.

Самой Эмми Кэрол никак не могла подобрать подарок. Ей хотелось, чтобы это было нечто необычное, и чтобы Эмми никогда не расставалась с этой вещью. Но ничего такого она не могла придумать. Время шло, Рождество уже на следующей неделе, а подарок Эмми еще не готов.

Налив себе горячего чая с медом и украдкой прихватив сдобную мягкую булочку, Кэрол выскользнула из кухни и направилась в свою комнату. Сегодня она решила еще не выходить на улицу, чтобы поправиться окончательно. Поднявшись по лестнице, она внезапно столкнулась с Элен и от неожиданности едва не опрокинула на нее горячий чай.

— Извини, мам, — пролепетала она и замолчала, вытаращив на нее глаза.

Элен была бледна, как смерть, глаза запали, губы потрескались и кровоточили.

Кэрол открыла рот, пораженная.

Казалось, мать сейчас лишится чувств.

— Мама... тебе нехорошо?

— Что это? — Элен протянула к чашке дрожащую руку и подняла с широкого блюда.

— Чай, — растерянно ответила девочка. — С медом.

Элен поднесла чашку к окровавленным губам и осторожно отхлебнула, прикрыв от удовольствия глаза.

— Мед — это хорошо, очень хорошо, — сиплым охрипшим голосом сказала она и протянула вторую руку к блюду. — Я выпью его, ладно?

— Конечно, мама, — Кэрол торопливо подставила блюдо под чашку.

— Принеси мне, пожалуйста, еще лимона.

— Сейчас, — кивнула девочка. — Больше ничего?

Элен качнула головой и, отвернувшись, побрела к своей комнате.

Кэрол поспешила вниз по лестнице и уже почти спустилась, когда услышала звон бьющейся посуды.

— Мам? — позвала она, вновь поднимаясь по лестнице.

Она увидела распластавшуюся на полу у двери ее комнаты мать, не проявляющую признаки жизни, разбитые блюдце и чашку, и одиноко валявшуюся, намокшую в расплескавшемся чае булочку.

— Мам! — Кэрол бросилась к ней и, опустившись на колени, осторожно перевернула ее на спину. — Что с тобой, мама?

Элен не реагировала.

Вскочив, девочка опрометью понеслась на кухню за помощью.

Меган и Рут, пыхтя, как девяностолетние старухи, не без труда затащили Элен в ее комнату и уложили на кровать, в то время, как перепуганная Пегги звонила доктору Пресвелду.

Вытирая наверху разлитый чай и собирая осколки, Кэрол отчетливо слышала громоподобный голос разговаривающей по телефону женщины.

— Да, док, она упала в обморок! Что-что? Нет, не знаю...упала вдруг ни с того, ни с сего и все! Что? Да, она чувствовала себя вчера не очень хорошо, а сегодня поздно встала... Да-да, буквально десять минут назад — и сразу потеряла сознание. Мы перенесли ее в комнату, что нам теперь делать? А, хорошо...

Кэрол спускалась по лестнице с осколками в руках и едва не выронила их, услышав следующие слова Пегги.

— Доктор, дело в том, что... ну, вы же знаете эту печальную историю с Бобом... О, вы не представляете, какой это был удар для Элен, бедняжка до сих пор не отошла... Возможно, это и повлияло на ее столь внезапное ухудшение здоровья. Да-да, доктор. Вы всегда были так внимательны к нам, не смотря на то, что мы не очень примерные женщины...

Кэрол прыснула от смеха и, повернувшись к ней, Пегги с бешеным выражением лица потрясла в воздухе кулаком.

— Закрой пасть! Нет-нет, доктор, это я не вам! — поспешила она тут же сказать в трубку, чем развеселила Кэрол еще больше. — Так вот, я хочу сказать, док, что у нас еле хватает на еду. Мы вряд ли сможем заплатить за визит. Что? Правда? О, какой вы великодушный человек, дай Бог вам здоровья! Спасибо огромное! Хорошо... Мы будем ждать. Спасибо еще раз.

Когда она положила трубку, Кэрол уже и след простыл.

Весьма довольная собой, Пегги не спеша стала подниматься по лестнице вверх, чтобы похвастаться тем, как ловко она уломала старика навестить их бесплатно.

Двери доктору открыла Кэрол и, рассказывая, как все произошло, проводила его в комнату Элен. Пока доктор осматривал ее, девочка тихо стояла у двери, как много лет назад, когда на месте Элен была старая кухарка. В отличие от того дня, сейчас Кэрол не чувствовала ни только страха, но и ни малейшей тревоги. Полное равнодушие было написано на ее лице.

Вид бесчувственной, побледневшей матери ни капли не взволновал ее, не нашел ни малейшего отклика в ее душе. Ей было наплевать на то, что происходит с этой женщиной. Она не чувствовала ее своей матерью. Только теперь, как никогда, она ощутила, что у нее никогда не было мамы. Была злая ненавистная фурия, всю жизнь нагоняющая на нее страх, но не мама. Смотря на нее, Кэрол вспомнила, как точно так же, много лет назад, лежала Мадлен, обессиленная, беспомощная. Вспомнила, как Элен прижала к бледному лицу старушки подушку, и невольно вздрогнула. Это было очень давно, но она помнила. Она с

большим трудом восстанавливала в памяти образ Мадлен, но то, что произошло в комнате с прикованной к постели старушкой, неизгладимо врезалось в ее память. И Кэрол знала, что пройдут десятки лет, но воспоминание об этом никогда не покинет ее, растворившись во времени. Как и воспоминания о смерти Тимми. Она также знала, что со временем мысли об этом ужасе уже не будут ее так ранить. Когда умерла Мадлен, горю девочки не было конца, но оно ушло, кануло в далеком прошлом, и воспоминания о нем больше не причиняют боли. Так будет и с этим воспоминанием. Оно не уйдет до конца, но чувства его покинут. И Кэрол мечтала, чтобы это поскорее произошло. И чтобы никогда-никогда в ее жизни больше не случилось ничего ужасного.

«Я слишком слабая для подобных происшествий. У меня нет ни сил, ни решительности, чтобы вынести удар, я не могу ни отвести его, ни выдержать. Ах, если бы мне иметь хоть каплю мужества и уверенности Эмми!» — думала Кэрол и радовалась тому, что Эмми всегда рядом и ее уверенности и мужества хватает на двоих. Пока Эмми рядом, все будет хорошо. А она всегда будет рядом. Всегда.

Наблюдая за тем, как доктор что-то пишет на листке бумаги, присев на стул у постели больной, Кэрол не могла понять, что она хочет услышать от него — что мать безнадежно больна и скоро умрет или что не произошло ничего серьезного. Она знала, что обязана надеяться на последнее, но часто ли ее дорогая мамочка вспоминала о своих обязанностях по отношению к ней? Но Кэрол не имела желаний понять, что именно она хочет — смерти или здоровья матери. Лучше ей этого не знать, никогда не задумываться о том, какие чувства она питает к матери. А вдруг окажется, что она совсем не любит ее, если не больше, и тогда Господь узнает об этом и накажет такую плохую девочку. Ведь сказано в священном писании любить и почитать своих родителей, какими бы они ни были. А послушаться Господа — значило согрешить. А за грехи он всегда наказывал, и наказывал безжалостно. Кэрол не хотела, чтобы Бог сердился на нее, хотя, наверное, он все-таки за что-то сердился, раз заставляет ее страдать. Но и об этом Кэрол не хотела думать, потому что, как бы она не старалась, все равно не смогла бы понять, в чем заключается ее столько неискупимая вина.

Оторвавшись от бумажки, на которой делал записи, доктор Пресвелд поднялся и посмотрел на столпившихся у двери женщин.

— Доктор, скажите честно, Элен... она умирает? — трагично всхлипнула Рут, слишком переигрывая, изображая беспокойство.

— Ну что вы! — засмеялся старичок и поправил большие круглые очки, за линзами которых в пронизательных серых глазах мелькнула насмешка. — Если человек падает в обморок, это вовсе не означает, что он умер... в большинстве случаев.

— Тогда что с ней? — подозрительно поинтересовалась Пегги.

— Обычная простуда.

— Простуда? — лицо Рут скривилось от разочарования.

— А почему она упала в обморок? — спросила Меган.

— У нее пониженное давление. От этого не всегда умирают, — добавил он с иронией и взглянул на девочку. — Летчик, поди-ка сюда!

— Да, док?

— Твоей мамочке придется немного поваляться в постельке, и я попрошу тебя присматривать за ней и, если, вдруг, станет хуже, сообщить мне. Хорошо, солнышко?

Кэрол согласно кивнула. Он протянул ей листочек бумаги.

— Здесь лекарства, которые необходимо купить, — доктор бросил острый взгляд на

женщин. — Надеюсь, вы найдете на них немного денег?

— О, да, конечно! — поспешно заверила Пегги, изобразив улыбку.

Остальные энергично закивали, подтверждая.

Кэрол скосилась на них, осторожно держа врученный ей список. Она знала, что если у матери не найдется денег, никто из них никогда не даст своих. Опустив глаза на список, она некоторое время пыталась прочесть каракули доктора, но, так и не разобравшись, посмотрела на мать. И вдруг, где-то очень глубоко внутри в ней шевельнулось какое-то чувство, нечто, напоминающее жалость. Ее мать никому не нужна, она одинока в этом мире, очень одинока. И помощи ей ждать не от кого. Но даже она не заслуживала того, чтобы родная дочь отвернулась от больной матери. Кэрол не хотела, чтобы когда-нибудь ее дочь отвергла ее, и потому не смогла сейчас повернуться и уйти, предоставив мать самой себе. Какой бы она не была, Элен — ее мать. А мать — это святое.

«Да, святое, — вздохнула Кэрол. — Даже не смотря на то, что за всю жизнь ничего святого у матери я не заметила».

Да, не смотря на это, Кэрол ухаживала за больной матерью, проявляя заботу и внимание. Элен была странно молчалива и спокойна, чем немало удивляла всех, кто был знаком с ее диким нравом. Казалось, она со всем смирилась. С тем, что ее ребенок — ее проклятие, что ее жизнь — дерьмо. Судя по выражению ее глаз, ей теперь было на все наплевать, в том числе и на себя саму.

Кэрол безмолвно дивилась этой перемене, и ей стало, вдруг, непомерно жаль мать. Впервые в жизни. Но она ни в коем случае не давала ей это понять, потому что мать это взбесило бы. Элен могла вынести многое, но только не жалость. А сама Кэрол не имела понятия, что в этом такого ужасного. Ее никто никогда не жалел, кроме Мадлен. Даже Эмми не выказывала ей никогда жалости, хотя в душе жалела. «Жалость для слабых, а ты не должна быть слабой», — говорила она. «Господи, но если я на самом деле слабая, если мне хочется, чтобы меня кто-нибудь пожалел, утешил, если я нуждаюсь в постоянной поддержке более уверенного человека, чем я — с этим ничего не поделаешь. Я не могу стать Эмми, потому что я не Эмми. Я не могу стать сильной, потому что я рождена слабой», — думала Кэрол, и презрение к себе отравляло ей душу.

Когда Элен взглянула на список лекарств, которые необходимо купить для ее выздоровления, она швырнула его в лицо дочери.

— Порви его, — приказала она. — Я встану на ноги и без этих лекарств.

— Но, мама, доктор сказал...

— Слушай, что я говорю, а не доктор, — отрезала Элен, перебив дочь. — Я не собираюсь бросать деньги на ветер.

Но Кэрол не разделяла ее мнения. Раз доктор сказал, что нужны лекарства, значит, надо их купить. Для этого Кэрол пожертвовала собственным личным капиталом. Собираясь к Уильямсам в аптеку, Кэрол чуть ли не у самых дверей столкнулась с Эмми. Та зашла узнать, как самочувствие Элен и самой Кэрол, а также сообщить шокирующую новость.

Узнав, что Кэрол идет за лекарствами, она вытащила из кармана куртки помятую десятидолларовую купюру и вручила подружке.

— Извини, это все, что у меня есть, — развела она руками.

— Спасибо, Эми, ты настоящий друг, — растрогалась Кэрол.

— Я знаю.

Кэрол невольно улыбнулась ее беспечно-самоуверенному тону.

— А что за шокирующую новость ты хотела мне сообщить?

Беспечное выражение мгновенно исчезло с лица хорошенькой мулаточки, и она тихо проговорила:

— Я уже два дня подряд хожу к Розе и не могу застать ее дома.

— Может, она уехала?

— И ничего мне не сказала? — нахмурилась Эмми, сделав забавно сосредоточенное лицо. — Знаешь, Кэрол, все это мне почему-то не нравится.

Когда Кэрол внесла в комнату матери лекарства и положила их на стол, сердце ее взволновано билось. Элен спала, и девочка не стала ее будить. Покидая комнату, она с внутренним трепетом представляла, какова будет реакция матери, когда она увидит эти лекарства, как она обрадуется и скажет: «Доченька, как приятно мне твоя забота, спасибо!». А Кэрол ей ответит: «А как мне приятно о тебе заботиться, мама! И вовсе не нужно меня за это благодарить, мама».

— Мама, — повторила девочка, но уже вслух, и внезапно остановилась, поразившись тому, сколько тепла и нежности прозвучало в этом коротком слове. Впервые в жизни слово «мама» показалось ей таким ласковым, таким близким, самым близким словом на свете. Она вновь произнесла это слово и улыбнулась, почувствовав, какое приятное нежное тепло разливается в груди. Мечтательно она подумала о том, как было бы прекрасно обращаться к матери с такой нежностью и любовью, и чтобы мать так же обращалась к ней. Кэрол так хотелось иметь настоящую маму, как у Эмми, например. Миссис Берджес тоже не была обделена косыми взглядами окружающих, и причиной тому было то, что она была белой женщиной, к тому же довольно привлекательной, а мужем ее был черный, негр, как любили говорить Элен и все остальные ее кумушки, которые, как и многие, тоже не одобряли ее выбор.

— Господи, да как можно выйти замуж за ниггера, они же такие мерзкие! — с нескрываемым презрением и отвращением говорила Элен.

Но Кэрол вовсе не находила мистера Берджеса мерзким, и ее задевали и обижали подобные слова в адрес этого человека, и вовсе не только из-за того, что он отец Эмми. Джон Берджес был очень приятным мужчиной и внешне, и в общении, умным и мягким. К тому же он был военным, а Кэрол очень уважала военных. Она не видела разницы между белым человеком и черным, кроме цвета кожи, и это не имело в ее глазах никакого значения. То, что у Эмми кожа темнее, чем у нее, не заставляло Кэрол любить ее меньше. Наоборот, Кэрол очень даже нравился ореховый оттенок кожи Эмми, она считала его куда красивее своей бледной и тусклой кожи. И Кэрол не удивлялась тому, что миссис Берджес выбрала Джона. Он был высоким, сильным мужчиной, и любой из представителей сильного пола позавидовал бы его телосложению, а также обладал ослепительной доброй улыбкой. И что из того, что у него черная кожа? Но, как ни жаль, мнение Кэрол разделяли не все. Кармен Берджес также очень любила свою дочь, и для нее не имело значения то, что она черная. Кэрол невольно вспомнила, как Элен сказала, испепеляя ее жестким взглядом: «Я клянусь Богом за то, что он наградил меня этим отродьем, а если бы она была черная, я бы придушила ее сразу после рождения! Эта Кармен дура, обложила себя со всех сторон черными, да еще и радуется этому!».

Но девочка отогнала неприятные мысли, и с удовольствием подумала о том, как

обрадуется мама тому, что она купила все-таки ей лекарства.

Она возилась на кухне, готовя матери ужин, когда Рут Ланкастер сказала, что Элен зовет ее. Задержавшись на пару минут, чтобы закончить с изобретенным ею блюдом, она поставила на поднос ужин, выпорхнула из кухни и поплыла в комнату матери. Держа поднос так бережно, словно от малейшего неосторожного движения он может рассыпаться, и напевая веселую песенку, она подошла к чуть приоткрытой двери и, зацепив ее носком потертой старой туфли, открыла.

— Господи, закрой рот! — раздраженно фыркнула Элен. — Сколько раз говорить, чтобы ты не смела выть в моей доме?

Девочка мгновенно притихла, и выражение счастья на худом личике растворилось в тихой молчаливой грусти, появившейся в глазах.

— Подойди сюда, — сказала Элен таким тоном, что посуда на подносе в руках Кэрол затряслась, чуть слышно позвякивая.

Потянувшись к столу, Элен схватила лекарства и протянула ей.

— Откуда это?

— Я купила...

— Где ты взяла деньги?

— Я... я купила их на свои деньги.

— На свои деньги? И откуда, черт бы тебя побрал, у тебя свои деньги?

Девочка растерянно застыла на месте, продолжая сжимать в руках поднос и не понимая причину гнева матери.

— Я спрашиваю, откуда у тебя деньги?

— Я их заработала, — тихо ответила Кэрол.

— Ты — заработала?! — Элен засмеялась, стараясь вложить в свой смех как можно больше презрения, чтобы уязвить девочку. — Каким же образом? У тебя появились свои клиенты?

Лицо девочки перекосилось, пальцы до боли впились в острые края подноса. Когда она заговорила, голос ее дрожал.

— Мы с Эмми работали летом, подметая парк, и нам за это заплатили.

— Вот как? И ты скрыла это от меня? Ты заработала деньги и спрятала их от меня? Спрятала, когда я отдаю последние крохи, чтобы прокормить тебя?

— Я... я не спрятала, я отложила их. И, видишь, не зря — я купила тебе лекарства.

— Лекарства? К черту твои лекарства! — Элен в исступлении сгребла медикаменты и швырнула в лицо опешившей девочки.

— Я же сказала, что мне не нужны эти лекарства! Почему ты никогда не слушаешь меня, ты... ты... — казалось, она не могла найти достаточно мерзкие слова, чтобы бросить ей в лицо дочери.

И вдруг внутри у Кэрол что-то оборвалось. Рыдания сдавили ей грудь, перехватив дыхание, и ей захотелось закричать, закричать, что есть силы, во все горло, чтобы ее вопль услышал весь мир, чтобы все узнали, какая она несчастная.

Подняв поднос, она с силой бросила его прямо в мать, заставив ее вскрикнуть от неожиданности.

— Я ненавижу тебя! — задыхаясь от слез, закричала девочка и выскочила из комнаты.

Меган поймала ее у лестничной площадки, но Кэрол вырвалась, изумив женщину силой, о которой та и не подозревала.

— Пусти меня! Тебя я тоже ненавижу, старая высохшая мумия! Я всех вас ненавижу! Ненавижу!

— Свихнулась! — Пегги прижалась в двери, уступая дорогу девчонке и пораженно наблюдая, как она сбежала вниз по лестнице, а через секунду хлопнула входная дверь.

— Она убежала на улицу? — Пегги стала осторожно спускаться по ступенькам, желая удостовериться в своих словах.

— Да, на улицу, — сухо ответила Меган, направляясь в комнату Элен.

— Но ведь она без куртки, она замерзнет!

— Ну и дай бог, никто по ней скучать не будет, — огрызнулась Аркет и захлопнула за собой дверь.

Кэрол не помнила, как бежала по улицам, лишь ледяной декабрьский ветер постепенно прояснил ее сознание, и тогда она остановилась. Словно затравленный зверек озиралась она по сторонам, сжавшись от пронзительного холода и внезапно осознав, что стоит на улице, далеко от дома, в продуваемой насквозь блузке и старых потрепанных туфлях, уже давно служившими ей домашними тапочками. Тело била неудержимая дрожь.

Холодно. Нестерпимо холодно.

Кэрол не могла переносить холод с того самого ужасного дня, когда чуть не замерзла на асфальте подле лужи крови своего названного маленького братика. Тот день наложил свой отпечаток. Вернее, та ночь. Кэрол стала бояться темноты, холода и собак.

Особенно собак.

Когда она видела собаку, даже на поводке и в наморднике, то бледнела, как смерть, и от ужаса не могла сказать ни слова. Те, кто знал о том, что с ней произошло, выражали немое сострадание, а те, кто не знал, крутили ей вслед пальцем у виска.

А один весельчак как-то решил подшутить над девочкой, которая посмотрела на его собаку, как на демона из преисподней, и отдал своей любимице негромкую команду: «Взять!». Кэрол расслышала ее, и для нее она прозвучала оглушительно, резким визгливым голосом Мэг Блейз. Она не увидела намордника на пасти мчавшейся на нее собаки, перед ее глазами был огромный черный ротвейлер по кличке Убийца. Она так закричала, что люди позастывали на местах, а хозяин собаки, перепугавшись настолько, что его лицо приняло цвет асфальта, успел отозвать своего пса раньше, чем он добежал до девочки.

— Я только хотел пошутить, — растерянно бормотал он. — Эта девчонка ненормальная, честное слово — ненормальная!

Кэрол не сразу отошла после этой забавной шутки, а ее панический страх перед собаками усилился.

Уже почти стемнело, но возвращаться домой она не хотела.

Со всех ног она помчалась к Эмми.

Своим появлением она подняла на ноги весь дом. Родители Эмми всполошились, ошеломленные видом девочки и столь внезапным появлением. Но она ничего не могла объяснить, трясясь от холода и захлебываясь в слезах. Закутав ее в одеяло, миссис Берджес заставила Кэрол выпить большую чашку горячего молока.

— Ты только что переболела, девочка, пей, — ласково говорила она, поддерживая чашку в трясущихся руках девочки. — Было бы обидно, если тебе вдруг придется встретить Рождество в постели.

Этот довод оказался беспроегрешным, и Кэрол подчинилась, подумав о Рождестве.

Глотая молоко вместе со слезами, она постаралась не думать о матери, а представить,

какой будет праздник.

— А теперь рассказывай, что случилось, — потребовала Эмми, когда она допила молоко, и забрала у нее кружку.

— Это все из-за лекарств, — начала Кэрол.

— Лекарств? Каких лекарств? — не поняла миссис Берджес.

— Которые доктор прописал маме. Она сказала, что не будет тратить на них деньги, но доктор сказал, что они обязательны, и я купила их на деньги, которые заработала, когда мы с Эмми подметали в парке, помните, миссис Берджес?

Женщина кивнула, тепло улыбнувшись.

— Я думала, что она обрадуется, а она так разозлилась, — Кэрол всхлипнула и вытерла нос уголком одеяла. — Она стала кричать на меня и швыряться лекарствами и сказала, что они ей не нужны.

— Какая странная женщина, — пораженно прошептала миссис Берджес.

— И у меня что-то словно лопнуло внутри... мне стало так обидно, — продолжала Кэрол, нервно теребя уголок одеяла. — Я... я сказала, что ненавижу ее и ударила ее подносом.

— Правда? Круто, подружка! — в восторге воскликнула Эмми. — Хотела бы я на это посмотреть!

— Ничего веселого в этом нет, Эмми, — миссис Берджес с упреком посмотрела на дочь, затем снова повернулась к Кэрол. — Думаю, ты должна вернуть и поговорить с мамой.

— Нет! Я не вернусь туда сейчас, она меня убьет! — в ужасе вскричала девочка. — Пожалуйста, не выгоняйте меня!

— Но, девочка...

— Я замерзну на улице, но в дом не войду, — глаза Кэрол вновь наполнились слезами. — Не выгоняйте меня, пожалуйста... не выгоняйте!

— Конечно, мы не выгоним тебя, милая. Не бойся, сегодня ты останешься у нас, — миссис Берджес прижала ее голову к груди, успокаивающе поглаживая кудрявые светлые волосы. — Мы не дадим тебя в обиду, девочка.

— Не дадим! — пылко подтвердила Эмми.

— Я съезжу сегодня к твоей маме и скажу, что ты останешься у нас на ночь. Хорошо? — миссис Берджес заглянула в глаза Кэрол.

Девочка кивнула и как-то невыносимо тоскливо посмотрела на сидящую перед ней женщину.

— Почему моя мама не такая, как вы? — тихо проговорила она.

Миссис Берджес не выдержала и крепко обняла ее, чтобы скрыть выступившие слезы.

— Мое ты солнышко, — только и смогла сказать она.

Кэрол обняла ее со всех сил и, зажмурившись, попыталась представить, что ее обнимает не чужая женщина, а мать.

— Вы любите меня? — неожиданно вдруг спросила она.

— Конечно, люблю. Мы все тебя любим, — с нежностью в голосе ответила миссис Берджес. — Тебя нельзя не любить, ты нежная добрая девочка и заслуживаешь любви.

— Жаль, что мама так не считает.

Миссис Берджес поднялась.

— Вы можете отправляться в комнату Эмми, я думаю, вам есть, о чем поболтать, ведь праздник уже на носу.

Заметив, как загорелись глаза у обеих девочек, она тихо засмеялась.

— Идите, куколки, а я пока навещу твою маму, Кэрол.

Проводив девочек взглядом, она некоторое время задумчиво стояла посреди комнаты с помрачневшим лицом, затем, тяжело вздохнув, решительно накинула пальто и вышла из комнаты.

Когда Кармен Берджес вошла в комнату Элен, сопровождаемая маленькой огненно-рыжей женщиной, больная без сил лежала в постели. Ее красные воспаленные глаза с недоумением оглядели гостью.

— Что вам надо? — хриплым голосом поинтересовалась Элен.

Кармен подошла ближе.

Она отметила, как изменилась Элен, постарела, осунулась. Она выглядела намного старше своих лет, хотя вряд ли кто вообще знал, сколько ей на самом деле лет. Даже Кэрол.

Казалось, Элен прочитала ее мысли.

— Не надо на меня так пялиться, — с холодной ненавистью сказала она. — Будь у тебя такая жизнь, ты бы выглядела не лучше. Знаешь, — она окинула ее уничтожающим взглядом и сипло рассмеялась, — да ты и сейчас-то выглядишь не лучшим образом.

— Я пришла к тебе не для того, чтобы обсуждать, как мы обе выглядим, — спокойно сказала Кармен. — Я здесь из-за твоей дочери.

Элен сразу напряглась, лицо приняло жестокое выражение.

— Наша с ней жизнь тебя совершенно не касается. И я думаю, тебе лучше уйти.

— А ты не думаешь, где сейчас твоя дочь?

— Моя дочь сейчас в своей комнате.

— Твоя дочь у меня дома. Она пришла к нам в одной блузочке и порванных тапочках, заплаканная и напуганная, — в голосе Кармен слышалось негодование и возмущение. — И она все нам рассказала, все, что произошло.

— И что же она рассказала? Как истерически кричала, что ненавидит меня и чуть не убила меня подносом — это, да? — рот Элен скривился в ядовитой ухмылке. — Так это мне надо быть заплаканной и запуганной, не так ли?

— Ты отвратительна! — не выдержала Кармен, кипя от ярости и обиды за несчастную девочку.

В ответ Элен лишь рассмеялась, гадко, мерзко, заставив Кармен содрогнуться от отвращения и ужаса.

— Я пришла предупредить, что на ночь она останется у нас, — сохраняя последние остатки хладнокровия, проговорила Кармен.

Элен вдруг резко подскочила на кровати и, сев, ткнула пальцем ей в лицо.

— Можешь вообще забрать ее. Насовсем, понимаешь? Я дарю ее тебе на Рождество, — и, откинувшись назад, оглушительно расхохоталась.

Кармен смотрела на нее, разинув рот и хлопая глазами. Она глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки, но на лице ее отразился страх.

— Элен, вы больны, — тихо, дрожащим голосом сказала она.

Безумный смех оборвался, и на Кармен устремились потемневшие злые глаза. Пальцы Элен скомкали простынь, потом резко рванули. И тонкая ткань треснула.

Кармен невольно шагнула назад.

— Что? — переспросила Элен. — Ты говоришь, что я — сумасшедшая? Чокнутая, да?

Она привстала на постели.

— Послушай, что я тебе скажу, милочка. Если ты еще раз сунешься в мой дом, я сверну тебе шею, ясно? А Кэрол передай, что пока пусть не появляется мне на глаза. Скажи, что я не буду на нее сердиться, если до Рождества она не будет мозолить мне глаза, — она поколебалась, прежде чем продолжить. — И еще скажи, что я принимаю ее лекарства. Скажи, что говорю ей спасибо, но ее забота мне не нужна — это передай обязательно, поняла?

Элен устало упала на подушки и закрыла глаза.

— А теперь убирайся, — тихим безжизненным голосом проговорила она и умолкла.

Мгновение Кармен смотрела на нее.

И вдруг у нее появилось ощущение, что Элен гораздо хуже, чем она сама представляет. Она выглядела так, будто из нее медленно высасывают жизнь. Что будет с Кэрол, если она умрет?

Никогда Кэрол еще не была так счастлива, как в эти дни, проведенные в семье Эмми. Несколько самых счастливых дней в ее жизни! Кэрол казалось, что она попала в совершенно другой мир, в мир любви и спокойствия. Родители Эми относились к ней во много раз лучше, чем ее собственная мать. И девочке не хотелось, чтобы это кончалось, она мечтала, чтобы это длилось вечно.

Перед праздником у всех в доме было приподнятое настроение, шли приготовления к Рождеству. Заготавливались подарки, подбирались наряды. И Кэрол не обделили. У Эмми было очень красивое выходное платье, которое та терпеть не могла. Когда Эмми узнала, что мама хочет, чтобы она на Рождество надела его, то уперлась, как молодой барашек, возражая.

— Вы хотите, чтобы надо мной все смеялись? Нет уж, дудки!

— Но Эмми, почему кто-то будет над тобой смеяться, это очень даже красивое платье, — удивлялась Кэрол.

— Я буду выглядеть в нем, как кукла. И вообще, оно не в моем вкусе, — коротко и ясно объяснила Эмми.

— У тебя вообще нет никакого вкуса, — немного раздосадовано сказала Кармен. — Ты что, всю жизнь собираешься одеваться, как мальчишка?

— Нет, когда я вырасту, я буду одеваться, как мужчина, — язвительно отпарировала озорная девчонка.

Кармен удрученно покачала головой, Кэрол только нежно улыбнулась. Эмми, ее любимая Эмми, была неисправима. Девчонка перехватила ее взгляд, и глаза ее засверкали, как было всегда, когда ее посвящала какая-либо идея. Схватив платье, она протянула его Кэрол. Та непонимающе заморгала.

— Я дарю его тебе, — торжественно объявила Эмми. — Оно тебе нравится, и выглядеть в нем ты будешь гораздо лучше, чем я. А я как ни разу его не надела, так и не надену.

Кэрол в растерянности посмотрела на миссис Кармен. Женщина одобряюще улыбнулась.

— А ну-ка, примерь, — она подмигнула немного шокированной девочке.

Платье пришлось немного ушить, подогнав по фигуре Кэрол. Когда же она взглянула в зеркало, то дыхание ее перехватило.

— Ой, какая ты хорошенькая! — искренне радовалась Эмми. — Том Фокстер будет твой!

Услышав это имя, Кэрол сконфузилась и залилась густой краской. Эмми издевательски расхохоталась над ней.

Дни протекали весело и беззаботно, только одно оставляло Эмми в недоумении. Куда так резко и без предупреждения исчезла Роза?

— Может быть, она поехала к родственникам на Рождество? — предполагала Кэрол.

— О чем ты говоришь? Ее единственная родственница Джоун, — Эмми явно была обеспокоена. — Знаешь, что я сделаю? Наверное, я поговорю с Джоун.

Узнав о том, что ее тетя пропала, Джоун впала в такое возбуждение, что если бы не Эмми, она разнесла бы в щепки весь приют. Эмми заставила ее успокоиться. Сидя на холодной лавочке, Джоун дрожащими пальцами курила сигарету, в глазах светилась неподдельная тревога.

— Почему ты мне раньше об этом не сказала?

— Она взрослая женщина, она могла отлучиться на пару дней по своим делам. Почему я знаю? — пожала плечами Эмми. — Может, оно так и есть.

— Нет, никуда она не уезжала. С ней что-то случилось, я чувствую, — голос Джоун дрожал. — Надо заявить в полицию.

— На каком основании? Они не станут бросаться на поиски человека, который отсутствует несколько дней. Может, подождем еще пару дней?

— Нет, — отрезала Джоун. — Мы должны найти ее.

Эмми не стала возражать. Джоун поднялась с лавочки.

— Пойдем, — сказала она. — Сходим к ней домой.

— А тебе разрешат покинуть приют?

— К черту их всех, — она решительно зашагала по аллее.

Эмми пошла за ней, сознавая, что Джоун на взводе и не сладко придется тому, кто попадется ей под руку.

Они долго звонили в дверь квартиры Розы, но никто не отзывался.

— Бесполезно, — удрученно качнула головой Джоун.

Вдруг слева скрипнула дверь, и появилось любопытное старческое лицо.

— Вы кого ищите?

— Вашу соседку, Розу Дэй, — быстро ответила Эмми.

— А зачем она вам? — глаза старухи подозрительно сузились.

— Я ее племянница, — нетерпеливо сказала Джоун. — Вы знаете, где она?

— Нет, не знаю. Но... — старуха замаялась, а потом тихо продолжила. — Я могу вам кое-что рассказать.

Девочки уставились на нее, затаив дыхание.

— Заходите, здесь не место для подобных разговоров, — старуха проводила их в квартиру. — Кстати, меня зовут миссис Чени. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Джоун меньше всего интересовало имя этой старухи и все остальное, на касающееся ее тети. Эмми заметила в глазах подруги раздражение.

— О чем вы хотите нам рассказать? — требовательно спросила она.

— Пять дней назад Роза куда-то ушла и больше я ее не видела. Было около часа ночи, и я услышала чьи-то голоса. Один из них принадлежал Розе, а другой... — старуха в замешательстве пожала плечами. — Другой был хриплый и низкий. Это мог быть или молодой парень, или женщина. Я не разобрала. Пока я встала, накинула халат и кофту...

Глаза Джоун блестели темным огнем, казалось, она сейчас схватит нудную старуху за

шиворот и вытряхнет из нее все, что та хотела сказать, только без всяких совершенно не интересующих ее подробностей, типа того, во что была тогда одета эта карга.

Заметив ее взгляд, старуха поспешила продолжить.

— Когда я выглянула, Роза закрывала двери. По ней было видно, что она спешит, одежда была надета как будто впопыхах. Я спросила, куда она в такой час, она ответила, что у нее возникли неотложные дела. И ушла. Больше она не возвращалась.

— Вы уверены? — спросила Джоун.

— Да. Я не выхожу из квартиры и всегда слышу, кто когда приходит и уходит.

— Она брала с собой какие-нибудь вещи?

— Нет, никаких. Только...

— Что?

— По-моему, у нее в руках была аптечка. И зонт. Больше ничего.

— Аптечка? — девочки недоуменно переглянулись.

— А вы не спрашивали соседей, может, кто видел ее после этого? — спросила Джоун.

— Спрашивала, — утвердительно кивнула головой миссис Чени. — Я была последней, кто ее видел.

Глаза старухи возбужденно блестели, казалось, все это ей безумно нравится.

— Я уверена, что с ней что-то случилось, — и не без злорадного удовольствия добавила. — А ведь я ее предупреждала!

Джоун резко поднялась.

— Спасибо и до свидания, миссис...

— Пени, — подсказала Эми, нарочно исковеркав фамилию старухи.

— Чени, — вежливо поправила та.

Когда она закрыла за девочками дверь, они застыли на месте, смотря друг на друга в полном замешательстве.

— Зачем она взяла с собой аптечку и куда могла пойти посреди ночи? — задумчиво проговорила Эмми.

— Не знаю... — голос Джоун оборвался, из груди вырвался отчаянный стон. Она медленно опустилась на пол и прижалась лицом к двери квартиры Розы. Присев, Эмми заглянула ей в глаза. Джоун плакала, молча, беззвучно, лишь в глазах как будто отражался безумный вопль отчаяния.

— Ее больше нет, — еле слышно прошептала она. — Я чувствую это.

Она порывисто обняла Эмми.

— Она была единственным человеком, для которого я что-то значила. И я так ее любила!

Эмми лишь тяжело вздохнула.

— Что мы будем делать, Джоун?

— Я не знаю.

— А я знаю, — решительно сказала Эмми. — Я все расскажу отцу, и он решит, что надо делать.

Наступило долгожданное Рождество.

Улицы, покрытые тонким слоем рыхлого чистого снега, были оживлены волнующим движением, люди, веселые и суетливые в предпраздничное суматохе, куда-то все спешили, на ходу поздравляя друг друга с праздником.

Время новых надежд и пожеланий. Рождество! Время, когда забываются былые потери и неудачи. Время хорошего настроения, веселья и счастья. Время близких, родных, друзей, любимых...

Кэрол именно таким представляла себе Рождество. И в этом году оно для нее таким и было. Никогда в жизни она не получала такого удовольствия, как сегодня, наряжая пышную высокую Рождественскую елку вместе с Эми и Даяной. Джоун, которая была постарше, помогала миссис Берджес на кухне.

Когда пришли гости, елка уже сияла своим великолепием, стол был накрыт, подарки лежали под зелеными пышными ветками елки, а девочки, причесанные и наряженные, встречали гостей.

Эмми была в красивых новых черных брюках, на этот раз чисто женских, и темно-красной водолазке. Даяна была в платье, которое Эмми подарила Кэрол. Кэрол знала, что у сиротки нет ничего из одежды, более или менее подходящей случаю, и без колебаний отдала ей свое платье. Она не считала себя счастливой, но Даяне от жизни досталось гораздо сильнее, и Кэрол жалела ее. И не только Кэрол. Не возможно было остаться равнодушным к этому ангелоподобному ребенку с огромными грустными глазами. Кэрол всегда поражали ее глаза, такие синие и ясные, как само небо, они отражали невинность и бескорыстие, но в них не было больше былого блеска, глубокая безмолвная печаль застыла в невеселом взгляде. У Тимми были точно такие же глаза, даже взгляд тот же, только в них мерцал озорной огонек, которого никогда нельзя было увидеть в глазах его сестры. Порой жестом, взглядом, улыбкой она напоминала Кэрол Тимми, и сердце ее больно сжималось. Замечала ли эти жесты и взгляды Эмми, Кэрол не знала, если и замечала, то прекрасно скрывала свои чувства.

Нарядившись в новое платье, Даяна впервые за все то время показалась счастливой. Это заметили все, и улыбка на нежном красивом личике девочки растопила чуткие сердца. А Кэрол гордилась своим поступком и была искренне рада, любуясь на красавицу-подружку, кокетничавшую перед зеркалом. Этот вечер должен быть счастливым для всех. Для всех, кроме Тимми. Кэрол представила, как бы радовался он этим вечером, и к горлу подступил ком. Она незаметно положила подарок, который приготовила ему, к остальным подаркам.

Там, на небе, он должен знать, что о нем помнят, что его любят.

Но грустные мысли о погибшем друге мгновенно вылетели из ее головы, стоило ей увидеть Тома Фокстера. Он вошел в комнату, красивый, веселый, улыбающийся. Кэрол почувствовала, как намокли ладони, как бешено заколотилось сердце.

Эмми схватила его за руку и подвела к ней.

Кэрол растерянным испуганным взглядом уставилась на него, язык прилип к небу, руки

и ноги стали как деревянные. Эмми подмигнула ей и смылась. Кэрол захотелось остановить ее, крикнув: «Не бросай меня с ним наедине!».

Нервно сцепив руки, она медленно подняла на него взгляд.

Эмми захихикала в сторонке и шепнула Джоун:

— У нее такой вид, будто я бросила ее на съедение тигру!

Том улыбнулся и протянул Кэрол руку.

— Привет, Кэрол!

— Привет, — тихо ответила она и коснулась влажной ладонью его руки.

Он перестал улыбаться, отняв у нее свою руку. Губы его брезгливо скривились, и он отошел в сторону, вытирая ладонь о брюки.

Кэрол проводила его взглядом, чувствуя, как пылает от обиды лицо. Том подошел к Эмми и остальным ребятам и, сказав что-то, засмеялся. Кэрол показалось, что он смеется над ней, и ей захотелось расплакаться и убежать. Эмми поманила ее пальцем, но она отрицательно качнула головой и присоединилась к Даяне, которая сидела в одиночестве, растерявшись от непривычного количества людей.

— Это не справедливо, — тихо прошептала она.

— Что? — не поняла Кэрол.

— То, что он умер, — она тихо вздохнула. — Мне так его не хватает.

— Мне тоже. Помнишь, он все мечтал на мне жениться? — Кэрол грустно улыбнулась. — Интересно, что во мне ему так приглянулось?

— Он очень любил тебя, — с теплотой в голосе проговорила Даяна. — Иногда я даже ревновала.

— Правда? — Кэрол засмеялась.

Даяна кивнула и тоже рассмеялась.

— Веселитесь, девочки?

Кэрол вздрогнула и посмотрела на Тома Фокстера, каким-то образом оказавшегося у нее за спиной.

— А почему бы и нет? Ведь праздник, — собравшись с духом, как можно веселее ответила Кэрол.

— Я веселюсь не только по праздникам, — его взгляд остановился на Даяне.

Кэрол представила их друг другу, так как они были незнакомы. Том улыбнулся Даяне, та ответила ему робкой улыбкой. Весь оставшийся вечер он ни на шаг не отходил от нее, даря ей все свое внимание. Кэрол украдкой наблюдала за ними с ноющим в груди сердцем. Даяна улыбалась, смеялась, ее красивые глаза вновь обрели живой блеск. Он явно понравился ей. А она ему. Ну почему так случается в этом мире?

Отвернувшись, чтобы не видеть их довольных физиономий, Кэрол присела у елки.

Взяв из груды подарков маленькую, упакованную в яркую оберточную бумагу коробочку, она открыла ее. На голубом фоне бархата сверкнул металлическим блеском небольшой нож, лезвие которого было спрятано в рукоятке. Глаза Кэрол наполнились слезами.

Она так ждала этого вечера, так почему же теперь так грустно? Из-за Тома Фокстера или вообще от обиды на жизнь? Она не заметила, как к ней тихо подседа Эмми. Хорошенькое личико ее выражало огорчение и сопереживание. Тяжело вздохнув, она взяла Кэрол за руку.

— Не расстраивайся, сестренка. Зачем он тебе нужен, этот расфуфыренный попугай, ты

найдешь себе мальчика получше, — утешила она.

Кэрол кивнула, но глаза не подняла.

— Ох, уж эти мужчины! — Эмми со злостью сжала кулак. — Так бы и врезала ему по противной физиономии! Хочешь, так и сделаю?

— Не надо, — шепнула Кэрол безжизненным голосом.

Минуту Эмми молчала.

— Это я виновата. Не нужно было приглашать его и знакомить с Даяной. Прости меня.

— Ты не виновата, ты хотела, как лучше.

— А вышло как хуже.

— Почему это? Нет. Смотри, Даяна, наконец-то ожила, — Кэрол улыбнулась, с любовью взглянув на подружку. — Том понравился ей. Никто не мог ее расшевелить, даже мы, а он смог. Разве это плохо? Я рада за нее. И ни чуть не жалею, что она с ним познакомилась и... подружилась.

Эмми пристально посмотрела на нее.

— Да, с одной стороны это хорошо. Но ты...

— А что я? Со мной все в порядке, — глаза ее заискрились нежностью. — Пока ты со мной, мне море по колено.

Эмми засмеялась и сгребла ее в охапку.

— Так будет всегда, крошка, — заверила она, и вдруг о чем-то задумалась. — А знаешь, мальчишки мне не нравятся. Единственный, кого я любила, был Тимми. Потому что он был особенный. А все остальные такие одинаковые, неинтересные. И что вы в них находите? Том, например. И чем это он вам понравился?

Кэрол пожала плечами.

— Ну... он симпатичный, веселый. Не похож на других.

— Правда? — Эмми с повышенным вниманием обсмотрела Тома Фокстера. — А по моему, он такой же, как и остальные. Наверное, я никогда не смогу влюбиться в одного из них.

— Сможешь, — улыбнулась Кэрол.

— Я чувствую себя мальчишкой, как я могу влюбиться в себе подобного? Будем друг другу морды квасить и все. Девочки мне нравятся гораздо больше.

Кэрол не обратила сейчас никакого внимания на эти слова, потом, со временем, она поймет, что они в себе зарождают.

— Так, подружка, выше нос и пошли веселиться. Мы ведь так ждали этого праздника, — Эмми схватила ее за руку и потащила к гостям.

Кэрол заставила себя больше не думать о Томе Фокстере и развлекалась, как могла.

Уж Эмми постаралась, чтобы она не скучала. Ни она, ни кто-либо другой.

Праздник удался на славу. Все были в восторге. Джоун, Даяна и Кэрол остались ночевать у Эмми, остальные постепенно разошлись по домам. Наведя порядок после праздника, девочки, усталые и счастливые, расположились в комнате Эмми, обсуждая вечер.

Даяна, вопреки своей молчаливости, говорила больше всех. И только о Томе Фокстере.

— Он обещал прийти ко мне в приют, — шептала она с трепетом в голосе. — Ой, девочки, он так мне понравился! Он такой славный, правда?

Она наклонилась к Кэрол, лежащей на мягком матрасе на полу.

— Кэрол, а тебе понравился мой новый друг?

Но та не ответила. Лежа ко всем спиной, она ровно дышала, пытаясь убедить девочек в

том, что спит. Все, кроме Эмми, купились. Они не могли видеть, что глаза ее открыты, и что на ресницах застыли маленькие капельки первого разочарования в любви.

И Том Фокстер действительно пришел к Даяне в приют, да еще с огромной коробкой конфет, которыми девочка потом угощала подруг. Только одна Кэрол не притронулась к конфетам. Эмми, жуя конфету, украдкой посмотрела на нее. Ей так хотелось, чтобы Кэрол съела хоть одну конфетку — они были просто замечательные. Но она не стала настаивать.

Между Даяной и Томом завязались довольно теплые отношения. Он регулярно навещал ее в приюте, носил подарки, забирал ее в свою компанию, где, по словам Даяны, ей очень нравилось. У нее появились новые друзья, и теперь Кэрол и Эмми виделись с ней не так часто. Приходилось общаться и с Томом Фокстером, как с другом Даяны, но Кэрол вела себя совершенно равнодушно по отношению к нему, не проявляя ни враждебности, ни симпатии. Даже Эмми порой готова была поверить в то, что он ее абсолютно не интересуется. Что было на душе у Кэрол, никто не знал, а делиться она не хотела, даже с Эмми.

Кэрол вернулась домой и, к своему удивлению, поняла, что соскучилась по своей комнате. Прижав Лимки к груди, она сидела на подоконнике и смотрела сквозь стекло на улицу.

Внизу, под самым окном, на том месте, где когда-то ласково шумела ветками ее сирень-спасительница, она разглядела одинокий пенечек, покрытый инеем. Нет больше ее любимой сирени, которая уберегла ее жизнь много лет назад. Нет больше Спайка, который не дал умереть Тимми. И нет больше Тимми. И как ужасна, нелепа и бессмысленна была его смерть. Интересно, как суждено умереть ей? Или Эмми с Даяной?

Вздрыгнув, Кэрол отогнала от себя прочь эти мысли. Что за тема для размышлений? Почему ей в голову вечно лезут такие мысли?

Она посмотрела на медальончик, которая сделала для нее старушка Мадлен. Он по-прежнему висел у нее на шее, только теперь не на шнурке, а на цепочке, которую Эмми подарила ей на Рождество. Как и много лет назад, она верила в то, что этот талисман убережет ее от смерти.

Она подумала о Розе Дэй.

Она была объявлена в розыск, но шли дни, и надежда на то, что она когда-ни ее будь увидит, быстро таяла. Таяла, как снег на улицах. Что с ней могло случиться? Молодая красивая девушка вдруг исчезает с лица земли, словно ее никогда и не было. И если бы не она, Эмми и Джоун, никто бы даже не заметил, что была такая девушка и вдруг ее не стало, разве что соседка Розы, миссис Чени. Как страшно, подумала Кэрол. Живешь на свете — и тысячи людей даже не замечают этого, случилась с тобой беда — и о тебе никто даже не вспомнил. Ведь у Розы никого не было, кроме племянницы, и только она теперь ее оплакивает. Потому что у Джоун тоже никого нет, кроме Розы. А теперь и той нет.

«У меня есть мама, пусть она меня не любит, но она все равно моя мама, — думала Кэрол. — У меня есть Эмми и Даяна, они любят меня».

— У меня есть ты, — улыбнулась, поцеловав Лимки, она. — Ты мой самый верный и старый друг. Пока вы у меня есть, мне ничего не страшно.

У Кэрол в голове засела одна ужасная мысль, от которой она никак не могла избавиться. А что, если Элен замешана в том, что случилось с Розой? Что, если это она что-нибудь сделала с Розой, чтобы та не выдала тайну смерти Мадлен?

Как Кэрол хотела уехать куда-нибудь очень далеко от этой страшной женщины, которая

по странной прихоти судьбы была ее матерью, человеком, которого она боялась и ненавидела всю жизнь. В глубине души девочки жила мечта, что в один прекрасный день приедет ее отец и заберет ее отсюда. Он будет похож на Мэтта, образ которого продолжал жить в памяти девочки. Такой же ласковый и добрый. И он будет любить ее, очень.

Холода в этом году затянулись, весна была мрачной и дождливой.

Люди с нетерпением ждали лета, теплого и ласкового солнца, но временами казалось, что такого дня не настанет.

Отношения Кэрол и ее подруг с сестрами Блейз резко обострились. Причиной тому, как и следовало ожидать, был Том Фокстер.

Кейт была в такой ярости, что поклялась отомстить Даяне и ее подругам за то, что увели у нее ее парня. Эмми открыто смеялась над ее угрозами, ее это даже забавляло.

— Да что они могут нам сделать? Пусть только сунуться — я их обеих в бараний рог скручу!

Надо было видеть, как изменилась Даяна. Из неряшливой и ко всему безразличной мумии она превратилась в распрекрасную куколку. Огромные синие глаза обрели живой блеск и жизнерадостность, казалось, жизнь перестала ей казаться такой безнадежной. Депрессия, в которой она пребывала, постепенно отступила. Она привыкла к жизни в приюте, благодаря Джоун ее никто не обижал.

В первые же солнечные теплые деньки Эмми, Кэрол и Даяна наведались в свой сарайчик. Эмми с радостью несла в корзинке немного собачьего корма на могилку Спайка, Даяна — несколько цветочков, первыми появившиеся из земли этой холодной весной.

Крик ярости вырвался из груди Эмми, а цветы выпали из рук Даяны, когда они увидели могилу Спайка, вернее то, что от нее осталось. Могила была разрыта, а останки разбросаны по земле. Зажав рот рукой, Кэрол отвернулась.

— Боже мой, — тихо проговорила Даяна.

— Сволочи! Гады! Сучки паршивые! Ненавижу! — сжав кулаки, Эмми решительно зашагала в том направлении, откуда они только что пришли.

— Эмми, ты куда?

— Они ответят мне за это!

Девочки поспешили за ней, уже догадываясь о намерениях подруги и о предстоящей расправе. Кэрол с замиранием сердца представляла, что сейчас будет. Эмми была в ярости. Сестры Блейз хотели задеть ее за живое, и у них это получилось. Интересно, а задумывались они о последствиях?

Они пришли к самому дому семьи Блейз. Никогда раньше они и близко не подходили к нему. Это был красивый ухоженный особняк, отделенный от всех остальных зданий высокой изгородью, покрытой пышным плющом. Он резко выделялся своим богатым и роскошным видом, вызывая уважение и зависть у людей этого маленького городка.

Но у маленькой компании, остановившейся сейчас у высоких ворот, и этот дом, и его обитатели вызывали лишь ненависть и презрение.

Эмми решительно нажала кнопку звонка. Прошла минута. Эмми опять вдавила кнопку со всех сил и не отпускала, пока вдруг не раздался раздраженный голос:

— Кто там такой нетерпеливый?

Кэрол растерялась, не понимая, откуда голос. Подняв глаза, она увидела почти незаметное на первый взгляд устройство, из которого слышался этот неприятный женский

голос.

— Это Эмили Берджес. Мне нужны Кейт и Мэг.

— А-а, Эмми... Та самая грубиянка, которая достает моих девочек.

— Скажите им, чтобы вышли, у меня к ним есть разговор.

— Я ничего не буду им говорить. Уходи.

— Не уйду!

Но голос женщины уже умолк. Эмми настойчиво вдавила кнопку, но безрезультатно.

Кэрол потянула ее за рукав.

— Эмми, пойдём.

— Эй, вы, две говнючки, я все равно вас достану! — схватив камень, Эмми швырнула его в окно. Послышался звон стекла, но девочки не стали разглядывать, что от него осталось, дав стрекоча и схватив за руки разъярённую подружку.

Им недолго пришлось ждать встречи с сестрами Блейз.

Через два они застали их в своей хижинке, где те совершали очередную гадость.

Эмми, не раздумывая, кинулась в драку. Кэрол тоже пришлось ввязаться. Даяна не вмешивалась. Она никогда не умела махать кулаками, да и не горела таким желанием. Как и во всех остальных стычках, сестрам Блейз досталось больше, чем Эмми и Кэрол. Но на этот раз Эмми была беспощадна. Сестры еле унесли ноги, все побитые.

— Пусть только попробуют еще раз сюда сунуться! — горячо высказалась Эмми.

После этого пыл ее заметно поостыл, она считала, что Спайк отмщен.

Сестры Блейз на какое-то время притихли. Как всегда, они залечивали свои синяки и строили планы мести. Но на этот раз все закончилось тем, что Эмми и Кэрол вылетели из школы. Мать близняшек подняла такой шум, что от девочек отвернулись все знакомые. Миссис Блейз прославилась, как бандиток, юных извергов, и даже грозились упрятать их за решетку.

Она даже приходила к Кэрол домой, требуя от ее матери компенсацию. Элен, хоть и была еще слаба, спустила ее с лестницы, послав на три веселых буквы, и пригрозила, что если та не угомонится, она придушит ее собственным бюстгальтером. Шокированная женщина поспешила убраться под хохот и улюлюканье жительниц мотеля. А Элен лишь удивленно посмотрела на дочь и сказала:

— Никогда от тебя не ожидала, Кэролайн. Но ты правильно сделала, что надрала задницы этим расфуфыренным курицам. Впервые ты сделала что-то, чем я могла бы гордиться.

Отвернувшись, она пошла к себе.

— А как же школа, мам? — осмелилась спросить Кэрол.

— Нечего тебе там делать. Все равно тебя там все презирают.

— Это неправда!

— Правда. Ты будешь работать. Я так решила.

— Где работать?

Элен бросила на нее насмешливый взгляд и скрылась в своей комнате, так и не ответив.

Этот день был чем-то необычен — яркий, солнечный, какой-то веселый и жизнерадостный. Люди были как никогда приветливы и улыбки, может, на них тоже влиял этот день.

Так думала Кэрол. У нее было потрясающее настроение, она чувствовала себя

счастливой. Этому не было объяснения, просто необъяснимая радость в душе, беспричинная.

И все сегодня было хорошо, все ладно.

«Сегодня обязательно должно произойти что-то необычайно приятное!» — думала Кэрол. Она чувствовала, что что-то обязательно сегодня произойдет. Она знала.

День начался с ранней рыбалки, на которую ее и Даяну потащила Эмми. Она взяла с собой палатку и даже котелок для ухи. Даяна дремала в палатке, не очень интересуясь рыбалкой. Кэрол тоже не понимала, что интересного в нудном сидении на берегу с громоздкой, как ей казалось, удочкой, но из любви к подружке приходилось составлять компанию. В то время, как Эмми таскала рыбу одну за одной, Кэрол со скучающей миной наблюдала за поплавком, стараясь вновь не прозевать шальную рыбку или не потянуть раньше времени.

— Надо ловить момент, — учила Эмми. — Поспешишь — сорвется, опоздаешь — сожрет наживку и махнет тебе хвостом, посылая куда подальше.

Но Кэрол никак не могла «поймать момент», и лишь удивлялась, как ловко орудует удочкой Эмми. Уставшими глазами она наблюдала за тем, как рыба водит по воде поплавок. Напрягшись всем телом, Кэрол «ловила момент», как выражалась Эмми. И вдруг поплавок резко нырнул под воду. Кэрол рванула удочку и — о чудо! На крючке в отчаянной попытке вырваться билась огромная рыбина.

— Ого! — воскликнула Эмми. — Ну, ты, подружка, даешь! Неплохо для новичка.

Настроение Кэрол мгновенно поднялось, ей показалось, что она лопнет от гордости. И рыбалка показалась не таким уж бесполезным и скучным занятием. Больше поймать рыбы ей не удалось и, смотав удочки, они принялись за завтрак. Уха показалось обалденной и, наевшись, девочки пеклись на солнышке и купались.

К вечеру они пошли в свою хижинку, собираясь остаться там с ночевкой.

Сидя в темноте, они слушали страшные истории Эмми, и их сердца так и замирали от каждого шороха за стенами сарайчика, как и годы назад, когда они были еще маленькими девочками. А потом почему-то вспомнили времена, когда с ними были Тимми и Спайк. Погрустив, они улеглись спать.

Кэрол, закутавшись в одеяло, развлекалась тем, что представляла себя в диких джунглях, кишущих кровожадными голодными хищниками. Вот сейчас вокруг домика бродит кто-нибудь из них, лев, например. Нюхает стены, трется о них, пытаясь найти место, где можно пролезть и добраться до беспомощных девочек. От таких мыслей мороз пробегал по коже Кэрол, и ей нравилось щекотать себе нервы.

И вдруг за стеной раздался шорох.

Кэрол прислушалась. Тишина.

Успокоившись, она закрыла глаза, решив, что страстей на сегодня достаточно.

Но по двери что-то стукнуло, она услышала скрежет железа, что заставило ее подскочить. Глаза расширились от ужаса, сердце гулко заколотилось. Ей показалось, она услышала чей-то тихий шёпот по ту сторону двери и странное шуршание, похожее на шелест листьев или травы.

— Эмми! — тихо позвала она, не смея пошевелиться. — Эмми, просыпайся! Эмми!!!

— Чего тебе? — отозвался сонный голос где-то из темноты.

— Там кто-то есть, — дрожащим шёпотом проговорила Кэрол.

— Что?

— Кто-то шепчется, там, за дверью.

— Думаю, мне не следует больше рассказывать тебе мои истории, а то, глядишь, и крыша у тебя съедет, — Эмми перевернулась на другой бок. — Спи. Никого там нет.

— Да нет же, я не схожу с ума. Послушай.

Минуту длилась тишина, и ничто ее не нарушало.

Внезапно Кэрол почувствовала запах дыма.

— Спокойно ночи, трусишка, — усмехнулась Эмми.

— Дым... Ты чувствуешь?

— Какой еще дым, я спать хочу! — на мгновение она замолчала, затем у нее удивленно вырвалось. — Я чувствую!

Эмми вскочила и стала зажигать керосиновую лампу, пока Кэрол растолкала Даяну, которая никак не могла понять, что случилось. Между тем запах дыма усиливался. Когда лампа осветила комнату, девочки в ужасе уставились на клубы дыма, проникающие снаружи во все щели и трещины. За стенами, за прогнившими досками был виден мерцающий свет.

— Огонь! — вскрикнула Даяна. — Мы горим!

Эмми рванулась к двери, но та не поддавалась.

— Что такое? — недоуменно воскликнула она и толкнула дверь. — Боже, нас заперли!

Девочки бросились к двери и заколотили по ней кулаками, взывая о помощи.

Тем временем огонь начинал пожирать сухие прогнившие доски сарая, поднимаясь все выше и увеличиваясь на глазах.

Задыхаясь от ужаса и дыма, девочки металась из угла в угол, напрасно пытаясь отыскать лазейку, со всех сил разбивая в кровь руки, били по стенам, надеясь выбить какую-нибудь прогнившую доску и выбраться из этого горящего ада.

— Господи, мы горим! Горим заживо! — вопила Даяна, упав на колени. — Выпустите меня отсюда! Дайте мне выйти!

Она стала биться о пол, впад в истерику. Но ни Кэрол, ни Эмми сейчас было не до того, чтобы успокаивать ее. Кэрол со всех сил старалась сохранить сознание, потому что ей казалось, что она лишится рассудка. Она так кричала, зовя на помощь, что сорвала голос. В горле больно саднило, то ли от громких криков, то ли от дыма, но она больше не могла произнести ни звука. Ей вдруг захотелось упасть на пол и, как Даяна, забиться в истерике.

Эмми стулом пыталась выбить дверь. На ее лице не было страха, только непоколебимая решимость.

«Выберись отсюда! Выберись, во что бы то ни стало!» — только одна эта мысль сверлила мозг. Нет времени бояться, нет времени биться в истериках, нужно спасти свои жизни. Как же, Господи, если они оказались, как в клетке, которую бросили в печь?

Откуда-то извне донесся чей-то голос.

Девочки на мгновение замерли.

— Мэг, вернись! Дура, назад!

Кейт Блейз! Это ее голос!

— Помогите! — жалобно прошептала Кэрол. — Ради всего святого, помогите!

Но ее безмолвного крика не слышала даже Эмми.

Даяна давилась кашлем, то ли в приступе истерики, то ли от дыма.

У Кэрол кружилась голова, перед глазами все плыло.

«Сейчас я упаду в обморок, а приду в себя, когда до меня доберется огонь», — думала она. А может, ей повезет, и она умрет от удушья прежде, чем начнет гореть заживо.

— Мэг!

Голос Эмми привел ее в себя. Вскинув голову, она увидела под потолком на трухлявых балках, где когда-то был крохотный чердак, чью-то фигуру, окутанную клубами дыма.

— Я не хотела, не хотела! Это все Кейт!

Кэрол узнала писклявый голос Мэг.

— Открой дверь, Мэг! — закричала Эмми.

— Я не могу, ключ от замка у Кейт.

Эмми поняла, что она пролезла внутрь через небольшую, прогнившую в крыше дырку.

Они могут выбраться через нее. Только надо как-то дотянуться до балок.

Можно было поставить на стол стул, но последний и, к тому же, единственный, Эмми сломала, когда пыталась выбить дверь.

Эмми вспомнила про толстый канат, долгое время уже валявшийся в углу, и быстро отыскала его. Должно быть, он уже превратился в труху, но их должен выдержать.

— Мэг, лови! — она подкинула край каната вверх, но Мэг не поймала. С третьего раза ей удалось ухватиться за него, и она крикнула:

— Поймала!

— Перекинь его через эту балку, что над твоей головой, и покрепче привяжи к той, на которой сидишь. Поняла? — быстро и повелительно распорядилась Эмми.

— Мне нечем дышать! — прохрипела Даяна, лицо которой все почернело от дыма.

Стены были охвачены огнем, который быстро подбирался к крыше.

— Мэг, быстрее! — взвизгнула Эмми, в голосе ее отразился страх.

Спустя пару секунд Мэг откликнулась. Эмми повисла на канате, проверяя на прочность, затем обернулась к девочкам.

— Даяна, ты первая, — она схватила ее за руку. — Вверх по канату на крышу. Помнишь дырку в крыше — вылезай туда и прыгай, ясно? Живо!

Трясущимися руками Даяна ухватилась за канат, собирая последние силы. Довольно проворно она вскарабкалась по нему наверх и по балкам полезла к заветному отверстию в крыше.

— Живо! — Эмми подтолкнула вперед Кэрол.

Не мешкая, Кэрол последовала вслед за Даяной. Грудь разрывало от кашля, глаза слезились и практически ничего не видели. Осторожно доползая до спасительного отверстия в крыше, она внезапно натолкнулась на Даяну.

— Прыгай! — Кэрол подтолкнула ее к дыре, но девочка вырвалась.

— Я не могу — высоко!

— Прыгай, дура!

Кэрол схватила ее за руки, но она стала пронзительно кричать.

Отпустив ее, Кэрол решила, что она свихнулась.

— Если ты не прыгнешь, ты умрешь. Я первая, ты за мной, договорились?

Даяна кивнула.

Кэрол без колебаний прыгнула. Приземлившись на ноги, она повалилась в траву, но тут же вскочила, удивившись столь мягкой посадке. Подняв голову, она посмотрела на крышу.

— Даяна!

И вдруг она услышала внутри какой-то треск, и крыша наполовину обвалилась.

Сверху что-то посыпалось, вынуждая Кэрол отбежать на расстояние.

На месте небольшой дырочки, откуда она только что выпрыгнула, зияла извергающая клубы дыма пустота. Из-под обломков на земле послышался надрывающийся голос Даяны, и

Кэрол бросилась к ней.

Эмми, держась одной рукой за канат, другой потянулась к балке. Мэг схватила ее за руку, но балка, через которую был перекинут канат, рухнула прямо на них. Та балка, на которой сидела Мэг, обломилась под ней, и девочки упали на пол. Эмми попыталась подняться, но голова закружилась с такой силой, что она еле удержалась на ногах.

Отыскав под обломками Мэг, Эмми стала поднимать ее.

— Вставай, Мэг! Соберись! Вставай, черт возьми!

Но девочка распласталась на полу, не подавая никаких признаков жизни. Из пробитой головы на доски струйками стекала кровь.

Оставив ее, Эмми посмотрела вверх.

Сердце ее защемило так, что в груди появилась боль. Единственный путь к спасению был отрезан.

«Почему я не могу летать?» — с мукой подумала она, смотря сквозь обломки крыши на черное небо. И впервые в жизни по ее лицу побежали слезы...

Все, что происходило потом, Кэрол помнила как нереальный, кошмарный сон.

Девочка отказывалась верить в то, что творилось вокруг нее. Может, она даже до конца не осознавала того, что случилось.

В этот день вокруг было необычайно тихо. Ни одного дуновения ветерка, ни шороха голых веток деревьев, ни голосов птиц. Даже вороны, неизменные обитатели этого места, притихли. словно все вокруг замерло перед бесконечным горем, наполнившим собой все это место, перед горсткой людей у пары небольших гробов.

Кэрол стояла в сторонке от всех. Рядом была лишь Джоун, обнявшая ее одной рукой за плечи.

Кэрол в недоумении смотрела на скромный аккуратный гробик, над которым громко рыдала миссис Берджес, отталкивая руки желающего ее успокоить мужа.

Что происходит?

Неужели ее веселая неугомонная Эмми там, в этом ужасном отполированном ящике, под навеки забитой тяжелой крышкой? Этого просто не может быть. Только не она!

Глаза Кэрол расширились. Неуемная энергия и жизнелюбие Эмми не могли вдруг исчезнуть, в ней кипело столько жизни, столько силы... разве возможно, чтобы это все погибло? Кэрол не отрывала глаз от гроба, ожидая, когда же Эмми очнется и развеет этот кошмар. Она заколотит своими крепкими кулачками по деревянной крышке, недоумевая, что происходит.

И Кэрол вдруг услышала ее голос.

— Эй, выпустите меня отсюда! Зачем вы меня сюда засунули, я же не кукла, чтобы меня укладывать в коробку. Вы что там, ополоумели все, что ли? Мама, хватит разрываться, я жива, открой крышку!

Но ее никто не слышал. И Кэрол тоже перестала слышать.

Опять воцарилась тишина, нарушаемая лишь плачем несчастных матерей.

У второго гроба собралась семья Блейз. Как непохожи сейчас были на себя эти гордые спесивые люди! В каких жалких поникших существ они превратились у этого роскошного, усыпанного цветами гроба. Миссис Блейз уже третий раз лишалась чувств и, посадив в шикарный черный кадиллак, ее увезли в больницу. Мистер Блейз с серым, как асфальт, лицом спрятал трясущиеся руки в карманы длинного темного пальто. Неподвижной статуей стояла его дочь.

Кейт Блейз. Всегда модно и красиво одетая, с прямыми густыми волосами песочного цвета, всегда тщательно зачесанными и собранными на макушке в длинный роскошный хвост, с зелеными кошачьими глазами и худенькой фигуркой. Разбалованная окружающей ее роскошью, богатством и властью родителей, решившая, что ей все позволено в этой жизни, уверенная в своей безнаказанности, так же, как и ее родители. Но они все же были наказаны.

Сколько же зла таится в этой девочке, какой демон прячется под невинным лицом ребенка?

Сколько людей она погубила? Тимми, его бабушка, не вынесшая его смерти, Эмми,

Мэг...

Но, казалось, Кейт растерялась, оставшись одна, без своей, как две капли воды похожей на нее половинки — Мэг. Они были вместе не только с рождения, но и с момента зачатия, вместе развивались в утробе матери, вместе впервые взглянули на этот мир... Кейт всегда считала, что они вместе проживут долгую счастливую жизнь и вместе уйдут из нее, Мэг была частью ее. И вдруг она осталась одна.

Заглянув в ее глаза, Кэрол вздрогнула. Взгляд у Кейт был мутный и какой-то безумный, по холодным щекам текли слезы. Но Кэрол ни чуть ей не сочувствовала, ей хотелось вцепиться ей в волосы, швырнуть в могилу, предназначенную для Эмми, и закричать: «Господи, возьми ЕЕ, а Эмми мне верни! ВЕРНИ МНЕ ЭММИ!».

Беспрестанно Кэрол твердила эти слова, не заметив, что стала шептать их вслух.

Но Бог не слышал ее. Он, как всегда, забрал хорошего человека, оставив на земле это исчадие ада. Пусть им займется дьявол, Господу на небе она не нужна. А дьявол не торопится убирать своих людей из этого мира. Через них он сеет свое зло.

Такие мысли витали в голове Кэрол.

Что это за штука такая — жизнь, и почему в ней так все несправедливо?

Эмми больше нет. Она покинула ее, несмотря на обещание быть всегда рядом.

Отчаяние и страх стали заползать в ее душу. Она вдруг так остро почувствовала горькое одиночество, что сжалась, словно пытаясь защититься от чего-то страшного и неизбежного, окружившего ее теперь, когда она осталась одна. Что ее жизнь без Эмми? Что она сама без нее? Эмми научила ее смеяться, сделала ее жизнь радостной и интересной, Эмми защищала ее, Эмми наставляла ее, Эмми помогала, Эмми вселяла в нее чувство уверенности, Эмми учила ее бороться и не сдаваться, Эмми делилась с ней своей неиссякаемой жизненной энергией. Эмми была всем. И все это Кэрол потеряла вместе с Эмми. Ничего этого не осталось. Кэрол ощущала себя таким же жалким и беспомощным существом, как до встречи с Эмми.

Убрав с плеч руку Джоун, Кэрол медленно, словно во сне, подошла к гробу. Наклонившись, она прижалась щекой к холодной крышке и закрыла глаза, из которых быстро бежали слезы.

— Эмми, — тихо позвала она сорванным во время пожара, еле слышным голосом, и столько безграничной нежности было вложено в это имя, что миссис Берджес невольно отступила назад, позволив девочке остаться наедине со своей подругой.

— Эмми, — шептала Кэрол. — Пожалуйста, не оставляй меня. Ты так нужна мне, кроме тебя у меня никого больше нет... совсем никого. Не бросай меня, ты же обещала! Я люблю тебя. Не уходи, Эмми... пожалуйста! Пожалуйста!

Кейт смотрела на нее ничего не выражающими глазами. Не было в них ни сочувствия, ни сострадания, ни раскаяния. Она думала лишь о нелепой ошибке судьбы, в результате которой вместо Кэрол в гробу оказалась Мэг. Как, как такое могло случиться? Но она, Кейт, отомстит. Ведь это Кэрол виновата в гибели ее сестры. Ее вина в том, что она поменялась с Мэг местами, вместо себя спихнув ее на тот свет. Но она исправит эту ошибку. Мэг вернуть назад она не сможет, но не позволит Кэрол избежать той участи, уготованной ей судьбой, которую ей удалось избежать. Кэрол умрет. Умрет, как и все остальные.

Чувствуя необъяснимый страх, Кэрол прижималась к гробу, не желая отпускать своего ангела-хранителя, кем являлась для нее Эмми. Но она не смогла ее удержать. Чьи-то руки отстранили ее от гроба.

— Отойди, Кэрол. Ее там уже нет. Она здесь, среди нас.

Джоун увела ее от гроба, обнимая сильными руками ее плечи.

— Как это? — не поняла Кэрол.

— Помнишь, она рассказывала, что во время смерти душа покидает тело, — начала Джоун, желая хоть немного смягчить горе этой девочки. — Некоторое время после смерти душа находится с нами, и даже присутствует на собственных похоронах, а потом улетает на небеса. Но даже оттуда душа продолжает наблюдать за нами.

Кэрол непроизвольно окинула взглядом все вокруг.

«Эмми, ты здесь?» — про себя позвала она.

— Да!

Кэрол вздрогнула, услышав ее голос.

— Она ответила мне, Джоун! Я слышала!

Джоун с подозрительной тревогой посмотрела на нее. «Уж не сходишь ли ты с ума, девочка? — читалось в ее глазах.

На одну из надгробных плит опустился ворон и посмотрел Кэрол прямо в глаза. В его неподвижных черных глазках она увидела насмешку.

«Наверное, это он подшутил надо мной», — подумала Кэрол.

Словно подтверждая ее мысли, ворон снова каркнул.

Кэрол смутно помнила, как после похорон она поехала с Джоун в больницу. Но в ее память отчетливо врезалась лежащая на белых простынях Даяна. Она напоминала сказочную принцессу из «Спящей красавицы». Ее кожа была блее простыней, волосы золотым шлейфом раскинулись по подушке, ее неподвижное красивое личико, такое печальное, вызывало сострадание.

Кэрол заметила за ухом оставшееся после пожара пятнышко сажи, но это что! Когда Даяну вытащили из-под обломков, на ней не было ни одного светлого местечка, с головы до ног она была покрыта сажей.

Девочка до сих пор была в шоковом состоянии, как говорил доктор.

— У нее легкое сотрясение мозга, ожег дыхательных путей первой степени и травма позвоночника. Но больше всего меня беспокоит последнее — позвоночник сломан. Случится чудо, если она когда-нибудь будет ходить после этой травмы.

— Она не сможет ходить? — в ужасе переспросила Кэрол.

— К сожалению, деточка, чудеса — редкое явление в нашей жизни.

Кэрол взяла теплую кисть подруги. Бедная Даяна! Ее, так же, как и Кэрол, всю жизнь преследуют несчастья. Вокруг них ходит сама Смерть и забирает их близких, калечит их жизни. Скоро она и до них доберется. И Кэрол снова сковал страх.

Ночью ей снова приснились зловещий черный туман, который предвещал всегда беду.

И он стал снится каждую ночь. Кэрол знала, что на этот раз он пришел за ней.

Она сидела в своей комнате, боясь выходить.

Стоит ей выйти на улицу, и он заберет ее, как забрал Мадлен, Тимми и Эмми. Теперь ее черед.

Как-то к ней зашла Элен.

— Что с тобой происходит? — поинтересовалась она. — Почему ты не выходишь отсюда? Что за новые фокусы?

Кэрол посмотрела на мать. Как она изменилась за последнее время! Она часто плохо себя чувствовала, находясь постоянно в дурном настроении, красота ее поблекла, и с каждым днем она таяла, как горящая свеча. Какая-то болезнь быстро высасывала из нее жизнь, но Элен приходила в бешенство, когда Кэрол говорила об этом, она твердила, что абсолютно здорова и не нуждается ни в каком лечении. Кэрол была единственным человеком, которого беспокоило то, что происходит с Элен. И девочка не понимала, почему она не обратится к врачам, хотя бы для того, чтобы узнать, что разрушает ее организм.

— Я что, со стеной разговариваю, Кэролайн? — брови матери сердито сдвинулись. — Это все из-за той черножопой девчонки? По ней ты убиваешься?

— Я любила ее, мама, — надрывающимся голосом процедила сквозь зубы Кэрол. — И она не черножопая! Она моя подруга!

— Уже нет. Слава богу, я больше никогда ее не увижу. Эта хамка постоянно выводила меня из себя. Еще и угрожала! — она вдруг расхохоталась. — Не переживай, девочка моя, Бог рассудил правильно — змеенышей надо уничтожать, пока они маленькие, иначе они превратятся в больших опасных змей!

Глаза Кэрол пораженно раскрылись, затем превратились в узкие щелочки. Переживаемые чувства были настолько сильны, что ее тело пробила нервная дрожь.

— Ненавижу тебя! Убийца! — закричала в истерике девочка. — Я знаю, что это ты убила Розу, ты! Что ты с ней сделала?

— Я рада узнать, что моя девочка не так тупа, как может показаться, — холодная улыбка тронула губы Элен. — Я всего лишь перерезала ей горло. Вы думали, вы умнее меня? Думали, что со мной можно играть? Теперь ты видишь, к чему привели ваши игры?

— Где ты ее спрятала? — в ужасе прохрипела Кэрол.

— Ты собираешься сдать меня полиции?

Женщина внимательно посмотрела на перепуганную девочку.

— Не думаю, — она захихикала. — Она там, где ей и положено быть — на кладбище!

Она села рядом с Кэрол и приблизила к ней свое лицо, искаженное безумием. Неестественно распахнув глаза, она зловеще прошептала:

— В могиле Мадлен.

Вскрикнув, девочка отскочила от нее.

Элен расхохоталась.

— Ты не можешь быть моей мамой, не можешь! — пятась к двери, выдавила из себя Кэрол. — Ты не моя мама! Ты чудовище!

Вскочив, Элен схватила ее за волосы. Девочка закричала, пытаясь вырваться.

— И все-таки я твоя мать, хочешь ты того или нет! И ты окажешься рядом с костями Розы, если чего сболтнешь, поняла? Ты поняла?

— Да... мама.

Отпустив ее, Элен ушла.

Кэрол захлопнула дверь и повернула в замке ключ.

Сцепив трясущиеся руки, она сжалась на полу у кровати.

«Эмми, мне так страшно! Она сумасшедшая, она когда-нибудь убьет меня, — думала она. — Это не жизнь, это ад... Неужели это никогда не кончится? Зачем ты покинула меня, Эмми? Я не выдержу без тебя. Забери меня с собой, Эмми, я хочу быть с тобой... и Тимми. Мне никто не нужен в этом мире, и я никому не нужна. Я хочу умереть».

Смутные неясные мысли витали в ее голове, пока, измученная, она не отключилась.

Уснув прямо на полу, она проспала до вечера. Ей снилась Эмми, такая веселая и озорная. Из сладкого забытья в страшную реальность ее вернул громкий стук в дверь.

Вздрогнув, Кэрол подскочила.

— Эмми! — позвала она.

— Кэрол! — раздался пронзительный голос Элен за дверью.

Поднявшись с пола, девочка открыла дверь. В глаза ударил яркий свет, заставив зажмуриться.

— Она совсем крошка! — вдруг раздался незнакомый мужской голос.

— Ей почти четырнадцать, — голос матери.

— Сколько?

— Сотня.

— Рехнулась, баба?

— За всю ночь.

Кэрол приоткрыла глаза, щурясь, пытаясь привыкнуть к свету.

Рядом с матерью стоял высокий мужчина, разглядывая ее. У него была потрясающая фигура, а лицо смазливое, но почему-то очень неприятное. Его улыбка была еще более отталкивающей.

— Идет, — сказал он.

Совершенно не вникнув в их разговор, Кэрол непонимающе смотрела на них.

Вынув из кармана брюк скомканную купюру, мужчина отдал ее Элен.

Та нежно улыбнулась девочке.

— Работай, дочка, — бросила она и пошла прочь.

Дыхание у Кэрол перехватило, когда она поняла, что происходит.

Рванувшись назад, она захлопнула дверь. Но сильный толчок снова распахнул ее прежде, чем Кэрол успела повернуть ключ. Отброшенная на пол ударом двери, она подняла голову. Прикрыв дверь, мужчина повернул в замке ключ.

— Извини, но я уже заплатил, — раздался в темноте его голос.

Кэрол рванулась в сторону ванной комнаты, но сильные руки поймали ее, устремив снова на пол.

Она закричала.

Задрав юбку, грубые руки сорвали с нее трусики. Тяжелое тело придавило ее сверху.

— Мама! — умоляюще закричала она, но крик оборвался. Ужасная боль пронзила все тело, заставив захлебнуться собственным воплем. Уверенная, что мужчина разорвал ей все внутренности и убивает ее, она отчаянно пыталась вырваться, крича от боли и ужаса.

— Боже... и вправду девственница, — прохрипел мужчина, хватая ее за подбородок и целуя в губы. — Какая ты тугая... узенькая... какая сладенькая...

Несколько раз дернувшись, он засопел и отпустил ее.

Не ожидая такого внезапного освобождения, Кэрол вскочила. Перепуганная, она заскочила в ванную комнату и заперла дверь.

— Эй, крошка! — раздался голос мужчины. — Ты там недолго, о'кей? Второй раз будет не так быстро, обещаю! Надеюсь, ты не сердись, что я не успел доставить тебе удовольствие? Но ведь у нас вся ночь впереди, не так ли?

Кэрол содрогнулась. Вся ночь. Долгая бесконечная ночь в одной комнате с этим мерзким типом.

Боже, что он собирается с ней делать, что он задумал?

Девочка беззвучно плакала, слова матери все еще звучали у нее в ушах.

«Работай, дочка!».

Она продала ее за сто баксов, она сделала из нее шлюху. Теперь она такая же шлюха, как Элен и ее подружки. Кэрол знала, что это только начало, Элен превратит ее в одну из своих потаскух, она заставит ее делать это.

Кэрол отступила от двери.

Нет, она ни за что не откроет эту дверь. И этот подонок не прикоснется к ней снова.

Обезумевшим взглядом она окинула маленькую комнатку. Глаза ее остановились на зеркале.

Минуту она смотрела на него, затем медленно опустила голову. По ногам медленно стекала кровь, оставляя алые полоски на белоснежной коже. Рыдание сорвалось с губ Кэрол и, сжав кулак, она с силой ударила по зеркалу. Схватив один из осколков, она полоснула им по руке.

— Эй, ты что там делаешь? — встревожился мужчина.

— Ни... ничего. Зеркало упало. Я выйду через минуту.

— Давай побыстрее. Я заплатил за то, чтобы трахать тебя, а не за то, чтобы разговаривать через дверь ванной, — в его голосе появилось раздражение. — Иди сюда, маленькая потаскушка.

— Нет! Нет! — шептала Кэрол, вспарывая нежную кожу на руках окровавленным осколком.

Она не чувствовала боли. Выронив осколок, она включила горячую воду и залезла в ванну.

Совершенно равнодушно она наблюдала, как бьет кровь из порезанных вен, как одежда становится бордовой, а вода на дне окрашивается в красный цвет.

Мужчина снова окликнул ее.

— Пошел к черту, подонок! — закричала Кэрол и замолчала, не узнав свой голос.

Страх почти покинул ее. Теперь он ничего ей не сделает. И Элен тоже.

— Забери меня, Эмми, — Кэрол закрыла глаза, представляя веселое темнокожее личико подружки. Улыбка тронула ее губы. Но она тут же исчезла, когда дверь содрогнулась от сильного удара. Еще удар, и дверь с грохотом распахнулась.

Высокая фигура выросла из мрака комнаты и застыла на пороге. Мгновение мужчина смотрел на нее, вытаращив глаза, затем, спотыкаясь и громко ругаясь, вылетел вон.

Кэрол слышала, как он зовет Элен. Ужас охватил девочку.

Опустив руки в горячую воду, она повторяла:

— Быстрее! Быстрее!

Казалось, кровь вытекала так медленно. Вскочив, она перегнулась через край ванны и протянула руку к осколку на полу. Но в глазах потемнело, и рука так и повисла, не дотянувшись до осколка.

На пол из порезов струйками бежала кровь.

Из темноты, куда она погружалась, вдруг появились знакомые сатанинские глаза. Быстро налившись кровью, они исчезли. Перед глазами ее поплыл черный туман, который быстро обволакивал ее, затягивая, как в трясину. Откуда-то издалека до угасающего сознания Кэрол донесся разъяренный голос матери, но он не напугал ее, потому что она была уже слишком далеко, чтобы Элен смогла до нее добраться.

Она бежала, бежала и не видела перед собой, вокруг себя ничего, кроме шевелящегося черного тумана, а дьявольские глаза, теперь уже красные, следовали за ней. Они двигались на расстоянии, не приближаясь, не пытаясь ее догнать, они просто гнали ее куда-то вперед, не позволяя остановиться или повернуть назад. Кэрол знала, что они не позволят ей вернуться назад.

Но она не хотела возвращаться. Не хотела она и туда, куда заставляли бежать злые глаза. Там, куда они ее гнали, было темно и зловеще. Эмми не может быть там. Надо найти Эмми. Она громко кричала, зовя ее. Остановившись, Кэрол обернулась назад.

— Я не пойду туда, каким бы страшным ты ни был, ты не заставишь меня!

Вокруг красных глаз начал образовываться неясный силуэт, раздалось глухое рычание.

И вдруг Кэрол кто-то взял за руку.

— Кэрол, что ты здесь делаешь?

Узнав голос, Кэрол обернулась.

Перед ней стояла Эмми. Она была такая же, какой Кэрол видела ее в последний раз — в голубом джемпере, темных джинсах и белых кроссовках. И черные озорные глаза смотрели на нее с такой же любовью и нежностью.

Со стоном Кэрол сжала ее в объятиях, плача. Эмми осторожно ее отстранила.

— Не раскисай. Терпеть не могу, когда ты реवेशь!

Кэрол с улыбкой посмотрела на нее. С изумлением она заметила, что вокруг стало светло, а черный туман и кровавые глаза исчезли.

— Пойдем, — Эмми протянула ей руку.

Кэрол послушно шла рядом с ней, и сердце ее трепетало от радости. Ее Эмми снова с ней, она жива и невредима, а пожар, похороны и все, что было потом — всего лишь ночной кошмар, от которого она, наконец, пробудилась.

— Знаешь, Кэрол, — озадаченно проговорила Эмми, — я никак не могу найти Тимми.

— Но, Эмми... Тимми ведь умер.

Эмми бросила на нее один из своих насмешливых взглядов и рассмеялась.

— Я тоже! Ты что, забыла?

Кэрол в растерянности остановилась.

— Значит, я тоже умерла? Я не Кэрол, теперь я ее душа?

— Дура ты набитая, а не душа! — Эмми внезапно разозлилась. — Какого дьявола ты натворила? Размазня! Никогда не думала, что ты такая размазня! Я пыталась научить тебя быть сильной, бороться, а ты сразу сломалась. Сухая тростинка и то крепче тебя!

— Ты не знаешь...

— Я знаю. Но ты должна смириться с этим.

— Вспомни, ты обещала, что мы всегда будем вместе...

— Я собиралась прожить долгую интересную жизнь. Откуда я могла знать, что говоря это, я была без пяти минут покойник? — Эмми смягчилась так же резко, как до этого впала в гнев. — Я сдержу обещание. Я всегда буду рядом, только ты не будешь видеть меня. И как только ты надумаешь сделать какую-нибудь глупость, я крепко огрею тебя по башке, чтобы выбить из нее дурь. Идет?

— Но я... я же уже все равно умерла, — возразила Кэрол.

Эмми выразительно закатила глаза и, ухмыльнувшись, взяла ее за руку.

— Так я и позволю, — пробормотала она, ведя ее за собой.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Кэрол.

Эмми промолчала. Через некоторое время она остановилась и обернулась к Кэрол.

— Ты должна вернуться, — сказала она.

— Нет, ни за что! Эмми, умоляю! Я не хочу! — в отчаянии взмолилась Кэрол. —

Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой!

— Нет.

— Эмми!

— Прощай, Кэрол, — Эмми поцеловала ее и, отвернувшись, пошла назад.

Кэрол бросилась за ней.

— Я пойду с тобой!

Развернувшись, Эмми с силой оттолкнула ее от себя. Кэрол упала.

— Уходи! Тебе туда нельзя. Нельзя, поняла?

— Я все равно пойду за тобой!

— Тебе там не место, ты должна жить, слышишь? Твое время не пришло! Убирайся отсюда, дура!

— НЕТ!

— Убирайся! Пошла вон!

Эмми в ярости толкала ее, заставляя отступать назад. Не устояв на ногах, Кэрол снова упала.

Твердой почвы под ней не оказалось, и она с воплем полетела в какую-то бездну.

Медленно и мучительно к Кэрол возвращалось сознание.

Открыв глаза, она долго не могла понять, где находится. В ушах стоял какой-то шум, глаза резал яркий свет. Она попыталась приподнять голову, чтобы оглядеться, но не смогла. Ужасная слабость сковала все тело, казалось, в ней не осталось ни капли силы. С трудом она повернула голову, и наконец-то поняла, что находится в больничной палате.

На нее пристально, с нескрываемым любопытством, смотрела незнакомая женщина в белом халате.

— С возвращением, детка, — ее улыбка показалась Кэрол самой отвратительной, которую она когда-либо видела. В ней было фальшивое доброжелательство, которым медсестра пыталась прикрыть презрение. Кэрол отвернулась от нее. За что эта незнакомка может ее презирать, и какое она имеет на это право? Но Кэрол чувствовала, что ей глубоко наплевать на отношение этой женщины, и вообще, наплевать на все и на всех. Она ощущала полное равнодушие ко всему, и абсолютно никаких чувств, ни страха, ни горечи — ничего!

Опустив глаза, она посмотрела на перебинтованные до локтя руки.

Медсестра уловила ее взгляд.

— Надо же, так изуродовать такие красивые руки! — с сочувствием покачала она головой. — Тебя чудом спасли, моя девочка. Что же вынудило такую куколку так безжалостно поступить с собой, а?

Кэрол не пошевелилась, уставившись в окно. Уж не думает ли эта змеюка, что она станет изливать ей душу?

— Я знаю, ты живешь в том самом знаменитом мотеле, — заговорщицки прошептала женщина. — С этими... распутными женщинами. А Элен Гран — твоя мать. Кстати, она недавно была здесь.

— Здесь? — еле слышно шепнула девочка, и сердце ее сжалось от ужаса.

Напоминание о матери вернуло ее к реальности, и страх перед ней снова сдавил ей

грудь.

— Я долго пробуду здесь?

— Как только немного окрепнешь, тебя выпишут. Кстати, завтра тебя посетит полицейский.

— Зачем?

— Когда человек пытается покончить жизнь самоубийством, правоохранительные органы хотят знать, кто или что побудило его это сделать. И тебе придется ответить на их вопросы.

Кэрол закрыла глаза и сделала вид, что уснула.

На следующий день ей действительно пришлось говорить с полицейским.

Он настойчиво допрашивал ее и даже пытался навязать ей свою версию, в которой мать довела ее до такого поступка, но девочка решительно твердила свое — причиной была смерть подруги, и больше ничего.

— Просто меня очень расстроила ее смерть, и я не выдержала, — с удивительным спокойствием отвечала Кэрол. — Это просто был срыв, но теперь со мной все в порядке. Я никогда больше не сделаю этого, обещаю. Никогда.

Последние слова были обращены скорее к самой себе, нежели к полицейскому. И еще к Эмми.

Кэрол отчетливо помнила свой сон. Только для нее это был не сон. Она верила в то, что действительно видела Эмми, общалась с ней. И не сомневалась в том, что Эмми наблюдает за ней. Она была рядом, и Кэрол больше не боялась. Она будет сильной. Эмми будет гордиться ею.

С бесстрастным лицом вошла она в свой ненавистный дом и не отвела взгляд, встретившись с глазами Элен.

— С возвращением, Кэролайн, — сдержанно поприветствовала дочь она.

Слезы внезапно навернулись на глаза Кэрол и, отвернувшись, она поднялась к себе, так и не ответив. Элен задумчиво проводила ее взглядом.

Сняв бинты, Кэрол долго смотрела на ярко-розовые шрамы под ладонями. Медсестра была права. Руки были изуродованы. Теперь всякий, кто взглянет на них, будет знать, что она хотела лишиться себя жизни. Хотя здесь, в этом маленьком городке, об этом уже наверняка знают все. Как теперь люди посмотрят на нее? Плевать. Она не даст себя в обиду. Она будет сильной.

Она будет такой, как Эмми.

Каждую минуту Кэрол ждала, что дверь ее комнаты распахнется и Элен заведет к ней какого-нибудь мужчину. Но шли дни, и этого не случилось. Подслушав как-то разговор Элен с Меган Аркетт, Кэрол поняла, что мать не отдаст ее больше мужчине. Она боялась. Оказывается, что полицейский, который разговаривал с ней, побеседовал и с Элен. Он не поверил девочке и остался верен своей версии.

— Он сказал, что благодаря глупости моей дочери и ее нежеланию рассказать правду, я выкрутилась... на этот раз, — говорила Элен. — Ему известно, что я жестоко обращаюсь с ребенком.

— Это люди так считают, — Меган скривила тонкие губы в улыбке. — Это не

жестокость, а элементарная строгость.

— Если она еще раз выкинет нечто подобное, у меня могут возникнуть проблемы. К тому же, кто знает, сейчас она промолчала, а в другой раз может и разоткровенничаться.

Элен боялась! Кэрол может уничтожить ее, она слишком много знала.

Когда Элен узнала, что к ней приходил полицейский, ее чуть удар не хватил. Она была уверена, что дочь выдаст ее с потрохами. Больше так рисковать она не хотела.

— Ты заметила, что вернувшись с больницы, она как-то изменилась? — Элен посмотрела на Меган. — Это решительное выражение лица и вызывающий взгляд — видела? Совсем, как у ее черномазой подружки.

— Да, я заметила, — ответила Меган. — Она не похожа больше на загнанного зверька. Может, это кровь, которую ей влили в больнице так сказывается?

«Какая, к черту, кровь? — подумала Элен. — Эта дрянь почувствовала, что в любой момент может убрать меня с дороги. Зря я рассказала про Розу, но теперь уже поздно. Пока надо быть с ней поосторожней. Но что-то надо решать. Она уже порядком достала меня своими выходками. Работать она не хочет, а пожрать любит...».

Мать приутихла, но Кэрол больше всего боялась подобных затиший. Что в больной голове этой женщины твориться на этот раз? Кэрол утешала себя мыслью, что она просто решила оставить ее в покое. Но слова Меган Аркетт унесли ее покой.

— На твоём месте, Кэралайн, я бы уносила ноги, пока в состоянии.

Больше она ничего не сказала, но этого было достаточно, чтобы к девочке вернулся страх.

Пегги Силвия тоже странно смотрела на нее, как будто что-то замышляла. Но Пегги была неплохой женщиной, и зла от нее Кэрол не ожидала.

— Ты хочешь уехать отсюда, девочка? — спросила она как-то раз.

Кэрол кивнула.

— Я помогу тебе.

— Как?

— Когда придет время, узнаешь, — Пегги погладила ее по голове. — Знаешь, я тоже решила отсюда сматывать. Элен больна, она опасна. Найду себе работу, сниму квартирку. У меня есть кое-какие сбережения, на первое время. А как встану на ноги, заведу себе ребёночка, — глаза ее мечтательно заблестели. — Он никогда не узнает, кем была его мама в прошлом. Я буду любить его, заботиться. У меня будет, ради чего жить, я посвящу ему всю оставшуюся жизнь.

Кэрол удивленно смотрела на нее, словно видела совершенно незнакомую женщину.

— А почему бы тебе на выйти замуж? — спросила она.

Пегги расхохоталась, но в ее голосе слышалась горечь.

— Мне уже не двадцать, и даже не тридцать. Хотя... — глаза ее засияли. — Чем черт не шутит, верно?

Кэрол кивнула, улыбнувшись.

Надо же, она прожила с этой женщиной под одной крышей столько лет и практически не знала ее. Как и остальных.

Пегги стала частенько заходить к ней, и они часами говорили. Пегги любила помечтать о будущем, и Кэрол выслушивала ее. О прошлом они не говорили, иногда — о настоящем. Пегги готовила Кэрол какой-то сюрприз и выглядела ужасно довольной по этому поводу.

Она полностью распланировала свою будущую жизнь, вплоть до внешнего облика. Кэрол лишь оставалось гадать, действительно ли эта женщина сможет настолько изменить свою жизнь, стать другой, обычной женщиной, зарабатывающей себе на жизнь и не стыдящейся своей работы, воспитывающей ребенка?

Но Пегги настолько была уверена в себе, что невольно Кэрол тоже поверила в ее слова. И почему-то ей искренне захотелось, чтобы у Пегги все получилось, чтобы она выкарабкалась из этой грязи, в которой она провела большую часть своей жизни.

Однажды Пегги завела разговор о...

— Твой отец очень красивый мужчина. — задумчиво проговорила она.

— Ты знала его? — в восторге воскликнула девочка.

— Еще бы! Он мой троюродный брат.

— Брат? — Кэрол потеряла дар речи, уставившись на нее.

— Наши с ним матери были кузинами. Но я его практически не знала, он намного младше меня, и матери наши не особо общались. Его мать умерла от рака совсем молодой, он был тогда еще малышом, года три от роду. Отцом его был какой-то залетный красавчик, который появился и исчез, даже не узнав, что зачал ребенка. После смерти матери его забрали в приют для сирот. Я просила мать взять его в нашу семью, он был таким прелестным ребенком, настоящим ангелочком, но мой отец был против. Мой брат так и не простил нам этого. Он никогда этого не говорил, но судя по тому, что он не хотел нас знать, когда подрос, что не хочет общаться со мной теперь, так оно и есть. Он ведет себя так, словно у него нет и не было родственников. Словно меня и его ничего не связывает, и я ему никто. Может, он и прав. Я не осуждаю его. Ведь мы сами от него отrekliсь. Бросили, когда он оказался один в этом мире. Наверное, я бы тоже об этом не забыла.

Кэрол жадно ловила каждое ее слово, пытаясь нарисовать в воображении его образ.

— Где он сейчас?

— Он живет в Сан-Франциско. Женат на богачке, намного его старше.

— А моя мама? Как они познакомились? Что у них было?

— О, у них была любовь. Настоящая любовь. Он и Элен росли в одном детском доме. Он был вздорным мальчишкой, любил подраться, и если бы не это, его непременно бы усыновили, ведь он был таким очаровательным ребенком. Его много раз брали в семьи, но неизменно возвращали назад. Он делал это специально, из-за твоей матери, чтобы быть с ней, не оставлять ее одну. Они дружили с пеленок, и он ее всегда защищал. Естественно, что потом эта дружба и привязанность переросла в любовь. Насколько мне известно, Элен забеременела от него совсем еще девчонкой и родила тебя. Тебя, естественно, забрали у нее, пока она сама не подрастет. Они собирались пожениться и прожить вместе всю жизнь. Воспитывать тебя.

— И что же случилось? — затаив дыхание, спросила Кэрол.

— Да ничего необычного не случилось, — Пегги пожала плечами. — Он встретил другую. Вот и все.

Кровь отхлынула от лица девочки, она побледнела, смотря на Пегги неподвижными, широко раскрытыми глазами.

— Но... как же так? Ты же сказала, что была любовь. Настоящая.

— Да, детка. Но такова и есть мужская любовь.

Кэрол задумчиво помолчала, опустив голову и уткнувшись взглядом в пол.

— Так вот почему мама так его ненавидит. Теперь понимаю.

Пегги лишь печально качала головой, соглашаясь.

— Значит, он полюбил другую. Но почему? Ведь мама такая красивая. Неужели та, другая, лучше?

— Не знаю. Я никогда не видела ее. Но не думаю, что дело в любви. Нет. Он женился на ней из-за денег. Он всегда грезил о роскошной жизни.

— Он променял маму... меня... на деньги?

— Не на деньги, а на богатство, настоящее богатство. Не стоит его осуждать, милая. Я бы тоже на его месте предпочла роскошную жизнь любви... Любовь — это так хрупко, ненадежно. Любовь проходит, разрушается, она непостоянна. Влюбляться можно сколько угодно, а вот шанс на настоящую жизнь, красивую и богатую, выпадает далеко не всем и не всегда... Я не осуждаю его. Он не плохой. Но он сирота, обездоленный, несчастный, который никогда и никому не был нужен. Он бы не пробился в этой жизни сам, единственное, что он умел, и что у него хорошо получалось — это футбол. Поэтому, когда у него появился шанс, он за него ухватился. Но он не забыл твою мать. Не смог. Ты, наверное, не помнишь, как он однажды приезжал. Тогда я поняла, что он все еще ее любил. Но его жена пронюхала об этом. Я не знаю, что там у них происходило, но после этого он больше не появлялся.

— Я всегда считала, что мама ненавидит меня потому, что ненавидит моего отца, — проговорила девочка. — Она всегда называла меня «отродье Мэтчисона». Она никогда даже не рассказывала мне о нем.

— Да, она возненавидела его именно потому, что любила. Ведь от любви до ненависти один шаг. Ну, сейчас ты вряд ли поймешь, о чем я говорю, но когда-нибудь поймешь.

— А я? Неужели ему даже не хотелось еще раз увидеть меня? — голос девочки предательски задрожал от подступившего к горлу кома, который грозился взорваться слезами.

— Хотелось, конечно, хотелось. Но его жена тоже знала о тебе, и всеми силами воспротивилась против того, чтобы ты вошла в их жизнь. Пойми, ведь если бы он приезжал к тебе... он бы приезжал и к Элен. Его жизнь бы раздвоилась, у него было бы две семьи. А какая женщина захочет с кем-то делить своего мужа?

— И он отказался от меня, потому что так захотела его жена?

— Она сильная женщина и всегда было так, как она желала, и в бизнесе, и в семье. К тому же, он зависим от нее.

— Не оправдывай его, Пегги. Я ему просто не нужна. Так же, как и матери, — Кэрол хотелось расплакаться, но она пересилила себя. Эмми видит ее, и ей бы это не понравилось, потому что сама она никогда не плакала. И Кэрол тоже постарается больше не распускать нюни. Ведь она учится быть сильной.

— Скажи, а у них есть дети? — спросила она, взяв себя в руки.

— Нет, — покачала головой Пегги. — Куртни не может иметь детей.

Кэрол промолчала, и разговор был окончен. Лишь в глубине души почувствовала тайное злорадство.

«Бог все видит, — подумала она. — Они отказались от меня, а Он отказал им в детях. Он отомстил за меня моему отцу и этой женщине, которая лишила меня отца».

Кэрол постаралась выкинуть весь этот разговор из головы и не думать об отце. Это чужой человек, которого никогда не было в ее жизни и не будет. И не стоит причинять себе лишнюю боль мыслями о нем. Так решила Кэрол.

Она снова ходила в школу и старалась не обращать внимания на перешептывания за ее спиной.

Один раз какая-то кокетка из параллельного класса попыталась зацепить ее, но Кэрол сразу оборвала ее сильным ударом в челюсть кулаком — любимым способом Эмми отвечать на оскорбления.

Красотка грохнулась на пол, шокированная столь внезапным нападением. Ведь она и пяти слов сказать не успела...

Отвернувшись, Кэрол вышла на улицу, не проронив ни слова и не обращая внимания на изумленные взгляды. Она заметила Тома Фокстера, стоявшего в сторонке. На его симпатичном лице отразилось восхищение и тень уважения. Зато в Кэрол не осталось к нему ничего, кроме отвращения. Он ни разу не пришел в больницу к Даяне, и Кэрол уже пару раз видела его с другой девочкой. Ей было больно за подругу. Все в школе знали, какая страшная беда постигла девочку.

«Бедная Даяна! Самая красивая девочка в городе — и калека!».

И сколько скрытого злорадства звучало в голосах девчонок, сочувствующих беде Даяны.

Кэрол навещала ее каждый день. Она не могла забыть, как горько плакала Даяна, узнав о смерти Эмми. Как они вместе плакали, единые в своей боли. Как Даяна плакала, когда Кэрол вскрыла себе вены, как умоляла никогда больше этого не делать. И Кэрол рассказала ей о том, что с ней произошло, когда она была без сознания, о разговоре с Эмми, о том, как она вернула ее к жизни.

— Конечно, это был не сон, — уверенно заключила Даяна. — А про меня она что-нибудь сказала? Почувствую ли я снова когда-нибудь ноги, смогу ли ходить?

— Да, сможешь. Эмми сказала, что если ты не сдашься и хорошо постарайся, ты будешь ходить, — решительно солгала Кэрол. — «Она должна верить, — сказала Эмми. — Бог дал ей красоту не для того, чтобы навек усадить в кресло. Но если она перестанет верить, она так и останется в инвалидном кресле».

Лицо Даяны озарилось светлой улыбкой, глаза загорелись.

— Я буду верить! — горячо пообещала она. — Раз Эмми сказала, что я смогу, что это возможно, я буду стараться, очень стараться!

Кэрол обняла ее. Она вполне осознавала, какую надежду она подала сейчас этой девочке и какое разочарование постигнет ее, если она так и не встанет на ноги. Ведь доктор сказал, что шансов почти нет. А Эмми сказала, что нужно бороться. Даже за крохотный, ничтожный шанс.

Тогда ни Кэрол, ни Даяна не осознавали, что смерть Эмми была переломным моментом в жизни каждой. Кэрол она заставила по-иному взглянуть на жизнь, пытаться подражать своей подруге, перенять черты ее характера, быть такой, какой ее хотела видеть Эмми, она, сама того не осознавая, учится бороться с тяготами и несправедливостью в своей жизни. Слова Эмми с того света, где уже все predetermined, заставили Даяну поверить в то, что ее жизнь не сломана, что Эмми не могла ее обмануть после смерти, не позволила девочке отчаяться, заставила бороться.

Обе девочки стали бороться за себя. И это резко изменило их жизни.

Но это Кэрол поймет позже.

Сейчас же она шагала по почти безлюдной улице, возвращаясь от Даяны домой. Сегодня она сильно задержалась, так как еще была на кладбище у могилки Эмми. Долго сидела она

прямо на молодой зеленой траве, тихо разговаривая с подружкой. В груди что-то невыносимо ныло, словно оголенная кровоточащая рана, заставляя Кэрол сжиматься. Душевная боль была почти физической. Она разливалась по груди горячими волнами, шевелилась внутри, словно что-то живое, опускалась в живот, затем вдруг сжимала грудь, словно сильной безжалостной рукой. И еще тоска. Тихая, глубокая тоска. Кэрол хотелось громко разрыдаться, но она переборола себя. Подняв глаза к ясному небу, она растянула дрожащие губы в улыбке.

— Посмотри, Эмми, — сказала она. — Я не плачу. Я даже смогла улыбнуться, когда рыдания пытаются порвать мне грудь. Я смогла. И эта улыбка только для тебя и ради тебя.

Остановившись, Кэрол снова посмотрела на небо.

«Тебе там хорошо, правда, Эмми?» — подумала она.

— Эй, красавица! Что ты там увидела наверху? — прозвучал совсем рядом незнакомый мужской голос.

Вздрогнув от неожиданности, Кэрол опустила глаза.

Около нее остановилась большая черная машина неизвестной девочке марки, но она была уверена, что никогда такую раньше не видела. За рулем сидел шикарный молодой мужчина, крепкого сложения, загорелый, с красивой улыбкой на лице. Кэрол в изумлении смотрела на него, не ответив.

Он был в светло-голубой рубашке, казавшейся из-за своего цвета почти прозрачной, верхние пуговицы были расстегнуты, открывая часть мускулистой груди. Из-под темно-русых бровей на девочку смотрели яркие синие глаза, вьющиеся, отливающие золотом волосы были красиво зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Кэрол заметила, как блеснуло на его пальце тонкое обручальное кольцо, и почему-то почувствовала легкое разочарование.

Открыв дверцу, он вышел из машины.

Кэрол не пошевелилась.

Высокий и гибкий, он на мгновение очаровал девочку своим обликом. Ей никогда не приходилось видеть таких мужчин, и в глазах ее невольно загорелось восхищение. Она вспомнила Мэтта, образ которого трепетно хранила в своей памяти, и до этого мгновения он был самым красивым мужчиной, которого она видела. И она даже почувствовала замешательство, растерянность от того, что перед ней стоял кто-то, кто смог его затмить. Этот мужчина был совсем другим, поэтому сравнивать его с Мэттом было трудно. Мэтт был красивым, обаятельным, но в нем не было того великолепия, такого сияния и блеска, как в этом мужчине. Этот был не просто красивый. Ухоженный, дорого и со вкусом одетый, источающий легкий ненавязчивый запах головокружительно приятного мужского парфюма, яркий и элегантный, он показался Кэрол роскошным, шикарным, ослепительным.

Никогда Кэрол еще не видела таких глаз, такого необыкновенного цвета, синего, глубокого, яркого, они выделялись на его загорелом лице, поражая своей красотой. Взгляд его был веселым и озорным. Хорошо сложенный рот был подвижным, улыбчивым, под губами сверкали ослепительно белые великолепные зубы. Было в его улыбке, взгляде, да и в самом лице какое-то лукавство, не неприятное, наоборот, очаровывающее. Ко всему, он еще обладал таким мощным обаянием, подобно которому она никогда не встречала в людях, она сразу почувствовала на себе его силу, оно обволокло ее, обездвжило, заставив застыть на месте с взволнованно колотящимся сердцем и осознанием, что он ей безумно нравится. Никто и никогда не производил на нее такого сильного впечатления, как этот человек. При

том, с первого взгляда.

Упершись длинными ногами в бордюр, он прислонился к сияющему крылу своей машины и, скрестив руки на широкой крепкой груди, посмотрел на девочку изучающим взглядом. Кэрол тоже невольно окинула его взглядом. Он был великолепно сложен. Высокий, стройный, широкоплечий, мускулистый, он обладал потрясающей спортивной фигурой. Кэрол подумала о том, что этот мужчина словно с обложки журнала сошел. А вот возраст его она определить не смогла. На вид ему было лет двадцать пять, не больше.

— Привет! — непринужденно сказал он обыденным тоном. — Меня зовут Рэй.

Кэрол вопрошающе смотрела на него, не понимая, что он от нее хочет.

Не дождавшись ответа, он спросил:

— А как зовут тебя?

— А в чем, собственно, дело? — наконец, придя в себя от шока, в который он ее поверг, несколько вызывающе подала голос она.

— Да, собственно, ни в чем! — пожал он плечами, слегка улыбнувшись. — Просто хотел узнать твое имя.

— Вы спрашиваете имена у всех, кто ходит по улице?

Его глаза весело заблестели, он тихо засмеялся и качнул белокурой головой.

— Нет, только у тебя.

Кэрол недоуменно подняла брови.

Но он не стал ничего объяснять и даже оставил попытку узнать ее имя. Открыв заднюю дверь машины, он сделал плавный жест рукой, приглашая присесть.

— Позволь мне подвезти тебя.

— Я люблю ходить пешком, спасибо, — отвернувшись, она хотела уйти, но сильные пальцы вдруг сжали ее запястье.

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Скажи, где ты живешь, и я просто отвезу тебя домой. Ведь уже темнеет.

— Отпустите меня! — Кэрол попыталась вырваться.

На улице никого не было, и она вдруг испугалась этого незнакомца.

Случайно опустив взгляд, он застыл, увидев свежие бордовые шрамы на ее тонкой руке.

Воспользовавшись его замешательством, Кэрол вырвалась и метнулась за угол. Она боялась, что незнакомец будет ее преследовать, но его черная машина спокойно проехала мимо и скрылась за поворотом. Выйдя из телефонной будки, где она спряталась, Кэрол торопливо зашагала по тротуару, впервые в жизни желая оказаться поскорее дома.

Войдя в мотель с черного входа, чтобы не столкнуться с Элен, она, словно мышка, бесшумно прокралась в свою комнату. Там, положив школьную сумку на стул, она задумчиво присела на кровать. Перед глазами все еще стоял прекрасный незнакомец.

Что такого мужчине могло заинтересовать в ней, еще не сформировавшейся, совсем юной девчонке? Неужели он хотел ее «подцепить», как говорят в таких случаях девчонки?

Кэрол подошла к зеркалу и критическим взглядом внимательно осмотрела свое отражение.

Совсем пока не женственная фигура, ни крутых округлых бедер, ни распирающих блузку груди, как у некоторых красавиц ее лет из школы. Светлые кудрявые волосы, затянутые на затылке в хвостик, вдоль худенького тонкого лица вьется пара постоянно выбивающихся прядей, тонкие брови, большие голубые глаза, немного вздернутый маленький носик, высокие скулы и небольшой пухленький рот с нежно-розовыми губами.

«Не красавица, но довольно миленькая. Даже хорошенькая» — сделала вывод Кэрол.

Взяв со стола статуэтку прекрасной девушки, которую ей подарил Мэтт много лет назад, она уже, наверное, в тысячный раз стала разглядывать ее. Вспомнила о своей мечте вырасти такой же красивой и счастливой, и улыбнулась. Какой детской и наивной теперь казалась эта мечта. Поставив статуэтку на место, она случайно наткнулась взглядом на стоящую в рамочке фотографию, подаренную Эмми, и отвела взгляд. Как тяжело было сейчас смотреть на довольные и счастливые физиономии ее друзей. Жизнь всех сломала чьей-то безжалостной рукой.

Слезы снова навернулись Кэрол на глаза, и она вышла из комнаты, пытаясь сбежать от тяжелых мыслей. На лестнице она столкнулась с Пегги. Та выглядела очень возбужденной.

— О, Кэрол, ты уже вернулась! Странно, я не видела, как ты прошла, — она схватила ее за руку. — Пойдем, внизу тебя ждет сюрприз.

— Тот самый, что ты обещала?

Пегги кивнула.

Затаив дыхание, Кэрол последовала за ней.

В холле на кушетке сидела Элен, а рядом с ней расположился тот самый незнакомец, которого она встретила на улице. Увидев их, он поднялся. Видимо, он сразу узнал Кэрол, потому что глаза его чуть не выскочили из орбит от удивления.

В отличие от него, девочка не так уж поразилась, увидев его здесь. Их мотель всегда притягивал мужчин, как местных, так и нет. И то, что он оказался здесь, почти не удивило девочку. Лишь разочаровало. Прекрасный незнакомец оказался таким же, как и все остальные похотливые мужчины, приезжающие сюда с определенной целью. Даже те, кто заезжал сюда, чтобы снять комнату и отдохнуть или переночевать, как дальнбойщики, их основные клиенты, не отказывались скрасить свой досуг женским обществом. А тех, кто не выявлял такого желания, опытные жрицы любви склоняли сами, никогда не упуская возможность потрясти их карманы.

Печально, что даже такой шикарный мужчина не гнушается грязной любви. А судя по тому, что он сидел рядом с Элен, так и было. А Элен удостоила его своим вниманием, что в последнее время случалось все реже, не пожелав отдать такого красавца никому из своих девочек.

Остановившись, девочка окинула взглядом комнату, но «сюрприза» так и не нашла.

С недоумением она уставилась на мужчину, не отрывающего от нее глаз.

Зачем ее привели сюда, и почему он так на нее уставился?

Кровь у нее в жилах похолодела. Неужели Элен снова решила ее продать? И ее позвали сюда, чтобы отдать этому мужчине? Он любитель малолеток, как тот, который ее изнасиловал? О, да, так и есть, ведь он пытался приклеиться к ней на улице!

Она напряглась и покосилась на дверь, прикидывая, успеет ли выскочить из комнаты и убежать на улицу. Потом наткнулась взглядом на Пегги, которая как-то странно смотрела на Элен, словно что-то от нее ждала, но та даже не пошевелилась. Уж от Пегги Кэрол такого не ожидала! Вот так сюрприз она ей устроила!

Ломая от волнения руки, Пегги перевела свой взгляд на девочку.

— Кэрол, познакомься — это, — она указала на незнакомца, — это твой отец.

Первым порывом Кэрол было громко рассмеяться над столь нелепой шуткой, но, встретив взгляд матери, она поняла, что это не шутка. В полной растерянности она повернулась к Пегги.

— Обними его, ты же так об этом мечтала. Ну же! — улыбнулась Пегги.

Невольно Кэрол шагнула назад. Обнять? Этого совершенно чужого человека? Это какая-то нелепость. Этот молодой и необыкновенно красивый парень, в которого она едва не влюбилась с первого взгляда, который пристал к ней на улице — ее отец? Да они все просто над ней смеются. Прикалываются.

— Привет... еще раз... — он натянуто улыбнулся. — Что ж, красавица, тебе все-таки придется со мной прокатиться.

Он пожал плечами и озорно ей подмигнул.

Кэрол в немом ужасе смотрела на него, парализованная невероятностью происходящего.

Элен встала, решив, наконец-то, вмешаться.

— Он приехал за тобой, Кэролайн, — ледяным голосом сказала она. — Собирай вещи, завтра вы уезжаете.

— Как уезжаем? Куда? — испуганно прошептала Кэрол.

Ее ужас пришелся Элен по душе. В глазах ее Кэрол увидела ненависть и злорадство. И девочка поняла причину ее радости, вспомнив, что рассказывала Пегги о жене ее отца. Эта женщина вынудила отца от нее отказаться, не позволяла, чтобы она появилась в его жизни. И теперь он повезет ее в дом этой женщины. Элен злорадствовала, отдавая ее этим людям, ему, которому было на нее абсолютно наплевать, и ей, его жене, которая ее ненавидела и явно не была рада тому, что он ее привезет. Кто это устроил? Пегги? Зачем? Почему ее не спросила?

Кэрол в отчаянии перевела взгляд на нее, но та лишь ободряюще ей подмигнула, сияя от радости, явно довольная собой. Она думает, что помогает ей, спасает. Но не ждет ли ее там кошмар еще похуже того, в котором она жила здесь? К этому кошмару она хотя бы уже привыкла. Что ждет ее там, во власти жестокой и холодной мегеры, отобравшей у них с матерью этого мужчину, возлюбленного и отца?

— В Сан-Франциско, — ответила Элен на ее вопрос и неприятно ухмыльнулась. — Что с тобой? Я думала, ты будешь вне себя от счастья, ведь ты всегда мечтала, чтобы приехал отец и забрал тебя. Твоя мечта сбылась.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net